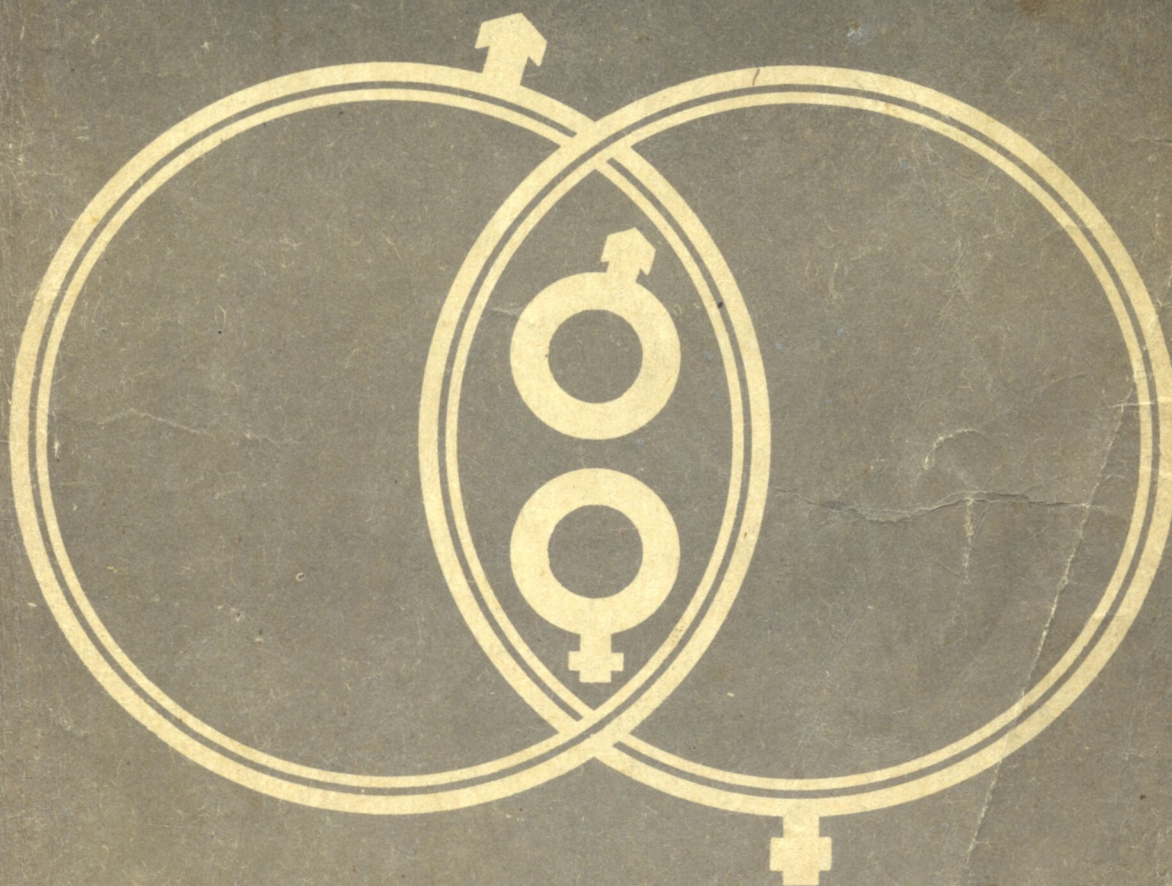

Д.Н.Исаев, В.Е.Каган

ПОЛОВОЕ ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ

Д. Н. ИСАЕВ В. Е. КАГАН

ПОЛОВОЕ
ВОСПИТАНИЕ
ДЕТЕЙ

Медико-
психологические
аспекты

Издание 2-е, переработанное и дополненное

ЛЕНИНГРАД «МЕДИЦИНА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ 1988

ББК 57.3
И 85
УДК 613.88-053.2

Рецензент: *И. М. Воронцов*, д-р мед. наук, проф., зав.
кафедрой детских болезней ЛГІМИ.

Исаев Д. Н., Каган В. Е.
И85 Половое воспитание детей: Медико-психологические аспекты.—
Изд. 2-е, перераб. и доп.— Л.: Медицина, 1988.— 160 с., ил.

5-225-00203-Х

В монографии рассмотрены основные этапы истории развития половой социализации и полового воспитания. Представлена системная модель психосексуальной дифференциации, определяются и описываются цели, задачи, принципы, содержание, пути и методы полового воспитания. Отдельная глава посвящена медико-психологическим аспектам подготовки к семейной жизни.

Для педиатров, врачей дошкольных учреждений, школьных врачей, детских психиатров и невропатологов, медицинских психологов.

15ВЫ 5-225-00203-Х

© Издательство «Медицина», Москва, 1979 г.
С Издательство «Медицина», Москва, 1988 г., с изменениями.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Со времени 1-го издания разошедшегося большим тиражом и все же не удовлетворившего читательского спроса, прошло 9 лет. За эти годы литература по общей и клинической сексологии пополнилась многими работами [Кон И. С., 1981б, 1984а; Частная сексопатология, 1983; Голод С. И., 1984; Свядош А. М., 1984; Здравомыслов В. И. и др., 1985, и др.], вышли в русском переводе монографии С. Кратохвила (1985) и К. Имелинского (1986), выпущено первое русское руководство для врачей по детской сексологии [Исаев Д. Н., Каган В. Е., 1986а]. Половое воспитание стало обязательной частью подготовки старшеклассников, а школа получила соответствующие пособия [Кон И. С., 1982, 1987; Хрипкова А. Г., Колесов Д. В., 1981, 1982; Этика и психология..., 1984; Афанасьева Т. М., 1985; Разумихина Г. П., 1986, и др.]. Значительно расширилась санитарно-просветительная и консультативная работа, развивается и совершенствуется служба семьи.

Все это не могло не повлиять на отношение к половому воспитанию. Но достигнутые положительные сдвиги в массовом, врачебном и педагогическом сознании отнюдь не означают, что все проблемы полового воспитания решены. Еще не изжиты многие предрассудки, ханжество, перестраховка, и в результате важная сфера воспитания и жизни молодежи заведомо отдается в чужие руки ². Необходимость в углубленном осмыслении этих проблем и создании системы полового воспитания в стране пока опережает и в течение известного времени будет опережать реальные возможности воспитателей. Требуется фундаментальное теоретическое и организационно-методическое научное обоснование такой системы.

Упомянутые обстоятельства и материалы обсуждения 1-го издания [Буянов М. И., 1980; Немировский Д. Э., 1980; Свядош А. М., 1980; Зюбин Л. М., 1980; Мушкина Е., 1981; КогаЙемсг М., 1981, и др.] обусловили полную его переработку при подготовке настоящей книги, выпускаемой по инициативе издательства «Медицина». Мы учли собственный опыт санитарно-просветительной и преподавательской работы, давший нам возможность оценить непосредственную реакцию и запросы массовой и профессиональной (врачи, педагоги и воспитатели, работники культуры) аудиторий. По множеству откликов на 1-е издание, полученных от подростков и их родителей, можно было судить о том, что представители «трудного возраста» составили существенную часть читательской аудитории. Это было для нас серьезным испытанием, ибо оценка подростками книги как предназначенной «для детей против взрослых» или «для взрослых против детей», равно как и избирательный интерес к «пикантным подробностям», перевешивали бы в наших глазах мнения взрослых и свидетельствовали бы о серьезных недостатках книги. Однако, судя по содержанию откликов подростков и родителей, это не подтверждается. Можно по-разному относиться к факту знакомства подростков со специальной литературой, но закрывать глаза на этот факт было бы непростительной ошибкой, и мнения юных читателей также учтены при подготовке переиздания.

¹ Половое воспитание и психогигиена пола у детей. Л., 1979; 1980.

² Кон И. Логика табу — Лит. газета. 1986, № 36 (5102), с. 12.

Эта книга, адресованная прежде всего врачам, ни в коей мере не является исчерпывающим руководством по половому воспитанию и не претендует на это. Цель ее ввести врача в круг современных проблем полового воспитания и помочь определить свои место и роль в этой работе. Подробные медико-биологические и медико-психологические сведения читатель может найти в нашей предыдущей работе [Исаев Д. П., Каган В. Е., 1986а]. Здесь же мы сочли уместным сосредоточить внимание на вопросах, непосредственно связанных с половым воспитанием здорового ребенка.

Формирование и развитие междисциплинарной сексологии [Кои И. С., 1981б, 1984а] не только не уменьшают, но, напротив, подчеркивают значение и ответственность врача в деле полового воспитания. Это не обязывает его быть непосредственным или основным исполнителем задач полового воспитания, проблемы которого возникают на стыке многих областей знания: педагогики, медицины, в частности психиатрии, биологии, психологии (общей, социальной, педагогической, медицинской), сексологии, социологии, этнографии, этики и т. д. Роль врача должна быть определена прежде всего как роль консультанта, а при необходимости и воспитателя воспитателей, передающего родителям и широкому кругу работающих с детьми и подростками людей научно обоснованные сведения о психогигиенических и психопрофилактических аспектах физиологии и психологии пола в развитии подрастающего поколения, а также формирующего адекватное отношение к этим сведениям, целям, задачам, принципам и методам полового воспитания.

Так или иначе врач выполнял эту роль всегда. Тем не менее она продолжает занимать весьма скромное место на периферии врачебного сознания и деятельности. Так, по данным Р. Д. Якобашвили (1984), лишь 1,5 % опрошенных им сексопатологов проводят санитарно-просветительную работу в широком масштабе, только 4,6 % специально обучались методикам этой работы и 8,3 % могут провести семинар с медицинскими работниками общей сети по вопросам полового просвещения; 82 % считают, что к этой работе надо привлекать психиатров, 79 % — гинекологов, 67,2 % — венерологов, 53,7 % — урологов и педиатров, 52,2 % — учителей, 34 % — работников санитарного просвещения и 18 % — гигиенистов. Едва ли такое положение хоть сколько-нибудь отвечает истинным потребностям подрастающего поколения. Между тем участие врача в половом воспитании выходит далеко за пределы только медицинской профилактики; оно имеет государственный характер, ибо результаты полового воспитания сказываются на формировании и стабильности семьи, на демографической ситуации, на отношении к детям и их воспитании, на социально-психологических отношениях мужчины и женщины.

Существующие программы обучения врачей и педагогов пока не обеспечивают сколько-нибудь удовлетворительной подготовки в этой важной и требующей тесного сотрудничества педагогики и медицины области. Мы сможем считать свою цель достигнутой в той мере, в какой эта книга поможет врачу в его деятельности по половому воспитанию и в какой она окажется полезной для системы полового воспитания в целом.

Нам приятно выразить искреннюю признательность всем тем, чье терпеливое внимание, интерес к теме, готовность поделиться опытом, конкретная помощь и советы служили неоценимой поддержкой при подготовке этой книги.

ВВЕДЕНИЕ

Одна из важнейших сторон деятельности врача, в частности и особенно — детского, хотя и не всегда легко различимая в драматической борьбе за жизнь и здоровье, заключается в том, что он — всегда воспитатель. В исполнении этой воспитательной функции, которая влияет и на успешность лечебно-профилактической работы, решающее значение имеют позиции врача во взглядах на воспитание вообще, составной частью которого является половое воспитание. Так или иначе это было очевидно даже для тех, кто специально не задавался целями полового воспитания: «То, чего хотят, воспитывая и способствуя воспитанию, определяется кругом воззрений, приносимых в дело... Воспитание должно обеспечить свободное и радостное развитие всех проявлений произрастания человека от материнской груди и до супружеского ложа»¹.

В широком смысле термин «половое воспитание» означает влияние среды на психосексуальное развитие и формирование индивида. Но среда, окружающая человека, — явление чрезвычайно многогранное и динамичное; далеко не всегда ее влияния предсказуемы, планируемы или желательны, и тот же И. Герbart в начале XIX в. замечал: «...воспитатели не перестают жаловаться на то, что обстоятельства портят им все дело»². В более узком (мы бы сказали — не социальном вообще, а педагогическом) смысле половое воспитание — это процесс систематического, сознательно планируемого и осуществляемого, предполагающего определенный конечный результат направленного воздействия на психическое и физическое развитие мальчика (мужчины) и девочки (женщины) с целью оптимизации их личностного развития и деятельности во всех, связанных с отношениями полов, сферах жизни. В этом смысле половое воспитание, как и вообще воспитание, предполагает наличие осознаваемых целей, соответствующих им программ и методов, конкретных ответственных исполнителей.

Вместе с тем не в меньшей, а часто и в большей, степени воспитателями являются воспитатели непреднамеренные: природа, семья, общество, народ [Ушинский К. Д., 1950]. Прямо или косвенно на формирование личности влияют не только определенные лица, семейный и школьный уклад, но и улица, общественные учреждения, вся окружающая обстановка, весь общественный строй. Иными словами, воспитывает все, но не все — воспитатели; основополагающая же задача воспитателя — оптимальное согласование своих позитивных воспитательных усилий с реальной, т. е. диалектически противоречивой, жизнью. Это предполагает различение, наряду с половым воспитанием в тесном смысле слова, других взаимосвязанных и взаимодействующих с ним аспектов.

Исходя из определения социализации Г. М. Андреевой (1980), половая социализация — это процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение связанного с полом социального опыта по мере вхождения в социальную среду, систему социальных связей лиц мужского и женского пола, а с другой — активное воспроизводство индивидом системы взаимоотношений полов в процессе активной деятельности, включения в эти взаимоотношения. Этот процесс, замечает Г. М. Андреева, имеет двусторонний характер: индивид пассивен в том смысле, что он воспринимает и запечатлевает предлагаемое обществом и культурой, и активен в том смысле, что активно применяет воспринимаемое

HerBar4 .1. (Герbart И). В кн.: Хрестоматия по истории зарубежной педагогики. М., 1981, с. 332—333.

² Там же.

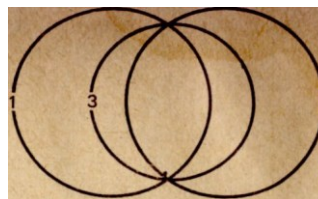
и преобразует его в собственные ценностные установки и ориентации. В отличие от узко понимаемого полового воспитания цели и программы половой социализации никем специально не формулируются, а сама она не предполагает конкретных ответственных исполнителей. Призвание и искусство воспитателя в том, может быть в первую очередь, и состоит, чтобы принимать на себя и переживать свою личную ответственность за формирование ребенка, понимая при этом, что объективно это формирование единолично от него не зависит, и строить свою воспитательную деятельность как определяющую часть реального процесса социализации. Воспитание — это выработка той или иной активной позиции, которая должна стать ориентиром в социализации как усвоении и присвоении существующих культурных и нравственных стандартов. Воспитание и социализация — векторы единого процесса формирования личности. Социализация — процесс, ориентированный на освоение существующего в настоящем социального опыта. Воспитание разворачивается в настоящем, вырастая из прошлого и ориентируясь на будущее. В этом как раз и состоит диалектически противоречивое единство социализации и воспитания, осмысление которого недопустимо упрощать ни до их отождествления, ни до противопоставления.

Между тем в последние 10—15 лет складывается устойчивая тенденция, индуцированная отдельными направлениями в изучении неврозов у детей, в рамках которой различные реальные и мнимые, но по тем или иным причинам нежелательные или «неудобные», черты формирующейся личности рассматриваются как следствие «нарушенного», «неправильного», «патогенного» семейного воспитания, когда под сомнением оказывается позитивная направленность усилий родителей. Популяризация такого подхода приводит ко все более часто наблюдаемым нами «комплексам» родительской неуверенности или неполноценности. Между тем в случаях недостаточного синергизма, а тем более — в случаях антагонизма воспитания и социализации в семье или в более сложных системах (семья — улица, семья — школа и т. д.), для упреков в адрес семьи, видимо, не больше оснований, чем для упреков в адрес общества за существующие в данной семье систему отношений и эмоциональный климат. Тем не менее предостережения о неправомочности и недопустимости абсолютизации возможностей и роли семьи [Соколов Э. В., Дукович Б. Н., 1974; Сталин В. В., 1981, и др.], т. е. отождествления семейной социализации и семейного воспитания, буквально тонут в потоке работ и публикаций, способствующих такому отождествлению или прямо утверждающих его. Применительно к психосексуальной дифференциации это отождествление приводит к упрощенной и принципиально неверной точке зрения, согласно которой воспитатели, прежде всего — родители, могут едва ли не по произвольному своему усмотрению регулировать формирование ребенка по маскулинному или фемининному типу, а системный процесс психосексуальной дифференциации, как аспекта формирования личности, редуцируется до воспитания в узком смысле слова.

Половое просвещение, как распространение знаний о физиологии и психологии пола, психосексуальных процессах и отношениях, может быть структурно связано и с социализацией, и с воспитанием. Так, получение знаний из случайных наблюдений, общения со сверстниками, знакомства с художественной или специальной литературой и т. д. следует рассматривать как половое просвещение в структуре социализации. Любой способ информирования, имеющий специальной целью ознакомление подрастающего поколения в целом или конкретного ребенка со связанными с полом сторонами жизни, является половым просвещением в структуре воспитания.

С общей точки зрения, воспитание и обучение в узком их значении — относительно недавно возникшие прогрессивные формы социализации [Иванов О. И., 1974]. С интересующей же нас сугубо практической, центрированной

Рис. 1. Соотношение половой социализации (1), полового воспитания (2) и полового просвещения (3) в структуре современного полового воспитания.

на ребенке, точки зрения соотношение этих процессов может быть представлено так, как это показано на рис. 1, где увеличение зон совпадения половой социализации, полового воспитания и полового просвещения (имеющее в современных культурах свои пределы) связано с гармонизацией психосексуального развития и формирования личности. Таковы слагаемые процесса, в широком смысле именуемого половым воспитанием.

Не менее многогранно и понятие пола. В русском языке, особенно — бытовом, словами «пол», «половое» описываются и родовая принадлежность, и сексуальность, и эротика, а различие смысловых оттенков этого слова возможно лишь в контексте высказывания: проблема пола, половое влечение, половые различия, половые органы, половые фантазии, половая жизнь и проч. Вместе с тем, в современном научном и, отчасти, в бытовом языках складывается все более отчетливая тенденция к отграничению разных смыслов в разных терминах. Даже в бытовом языке упоминание о «половых преступлениях» становится анахронизмом, заменяемым словами «сексуальные правонарушения».

В широком смысле пол — это совокупность телесных, физиологических, поведенческих и социальных признаков, на основании которых индивида считают мальчиком (мужчиной) или девочкой (женщиной). Термин «сексуальность» описывает комплекс действий и связанных с ними реакций, ощущений и относительно простых эмоций, связанных с реализацией полового инстинкта. «Эротика» — термин, описывающий специфически человеческую, психосоциальную надстройку сексуальности: высшие эмоции, переживания, представления, воображение, фантазии и т. д. Способность воспринимать и создавать эротические образы — отмечает И. С. Кон (1981а) — исключительное достояние человека, служащее средством познания и обобщения опыта, стимулирующее сексуальное возбуждение, расширяющее круг возможностей достижения сексуального удовлетворения и позволяющее воображению выходить за пределы реального опыта.

Половое, сексуальное и эротическое — несводимые друг с другом стороны целостного бытия человека в аспекте пола. От того, какой смысл вкладывается в слова «половое» и «воспитание», существенно зависит отношение к половому воспитанию. Представим себе схематическую модель полового воспитания так, как показано на схеме 1. Половое воспитание, понимаемое как Аа (половая социализация), возражений не встречает, ибо в такой форме оно обычно мало осознается, и представления воспитателей о нем весьма фрагментарны; все происходит как бы само собой, что нередко отражается в формуле: «До сих пор люди прекрасно обходились и без этого». За многозначительным «это» видятся все прочие сочетания смыслов слов «половое» и «воспитание». Негативное отношение к половому воспитанию возникает обычно уже при пони-

П О л о в о е	Половое (А)	(а) Социализация	В о с п и т а н и е
	Сексуальное (Б)	(б) Воспитание	
	Эротическое (В)	(в) Просвещение	

Схема 1. Структурная модель полового воспитания.

мании его как Аб и усиливается при понимании как Ав. Половое воспитание как Ба и Ва воспринимается чаще всего как то, от чего ребенка следует ограждать. Понятия Бб и Вб связываются с представлениями о половом воспитании, как о сексуальной стимуляции, а Бв и Вв часто диктуют отношение к ним как к развращению.

Такие типы понимания, редуцирующие целостный процесс полового воспитания к отдельным его аспектам, не являются делом свободного и произвольного выбора конкретного воспитателя. Они определяются взаимодействием доминирующих в данной культуре в данное время стандартов, индивидуальных особенностей носителя того или иного отношения (например, ригидности или гибкости психологической установки), индивидуальным жизненным и психосексуальным опытом, степенью близости воспитателя и воспитуемого. Так, по нашим данным обследования преподавателей медицинского института, участвующих в работе по половому воспитанию, степень позитивности отношения к нему снижается при переходе от сопоставления понятий «половое воспитание — ребенок» к сопоставлению «половое воспитание — мой ребенок»¹.

Особенности отношения к половому воспитанию сказываются на его проведении; в этом плане представляют интерес результаты проведенных нами опросов². 88 % опрошенных матерей представляли полные семьи. Одна треть матерей считали свои знания недостаточными для полового воспитания, другая треть полагала, что начинать его следует после 10 лет. Четверть опрошенных матерей придерживались мнения о ненужности и вредности полового воспитания. Этому вполне соответствовали и реальные условия — лишь треть матерей сообщили, что проводят его. В каждой третьей семье в ответ на вопросы детей звучало «аист принес... нашли в огороде... купили в магазине» с использованием специфических детских обозначений, связанных с полом. Но даже такая форма для пятой части родителей трудна, смущает их и не позволяет просто, доступно и откровенно разъяснить требуемое. Признавая половое воспитание своей обязанностью, треть родителей настаивали на участии в нем педагогов и врачей, а пятая часть предпочитала, чтобы все «острые» проблемы разрешались с помощью средств массовой информации. Значительная часть родителей испытывают эмоциональное напряжение при обсуждении с близкими, особенно — детьми, пола и сексуальности.

При хороших бытовых условиях в большинстве обследованных семей поведение взрослых и их отношение к детям, судя по данным опроса, не всегда соответствуют даже элементарным требованиям полового воспитания. Около 30 % матерей отметили чрезмерность проявления своих чувств к детям, 7 % обвиняли себя в недостаточной теплоте. 15 % детей воспитываются без учета их половой принадлежности, а 1 % — как дети противоположного пола. Из быта части семей (20 %) не исчезли физические наказания и запугивания с угрозами отрезать руки, половые органы, нередко с ножницами в руках.

50 % матерей отметили привязанность ребенка к себе и 40 % — к отцу. Оценка этих сведений возможна лишь при учете атмосферы конкретной семьи, пола ребенка. На семейном воспитании, безусловно, сказывается то, что 75 % детей посещают дошкольные детские учреждения: каждый десятый ребенок в возрасте до года и каждый третий — до 3 лет.

Данные опроса молодежи помогают уточнить фактическую осведомленность детей в вопросах пола. До 7 лет сведения о различии мужского и женского

¹ Фрагмент комплексной программы исследований, осуществляемой В. Е. Каганом, см. стр. 33—35, 93—96, 119—125 [Исаев Д. Н., Каган В. Е., 1986а).

² Д. Н. Исаевым и Н. В. Александровой опрошены 100 матерей, имеющих 121 ребенка в возрасте от 7 лет и старше; 26 педагогов детских учреждений, воспитывавших 684 ребенка 3—7 лет; 283 студентки и 200 студентов в возрасте 20—30 лет.

получили 61 % девочек и 52 % мальчиков. Если эти ретроспективные данные достоверны, то получение сведений надо считать запаздывающим, так как, по мнению многих специалистов, дети должны знать о половых различиях к 2,5 — 3 годам. Матери указывали, что 52 % детей этого возраста задают соответствующие вопросы; приходится предположить, что остальные дети получают информацию вне семьи. Действительно, родителей источником этой информации назвали лишь 10 % юношей и 20 % девушек, тогда как сверстников и старших детей — соответственно 80 % и 65 %. В этом возрасте, по воспоминаниям молодежи, сведения о половых различиях большинством детей (80 % мальчиков и 90 % девочек) воспринимаются без значительных переживаний, спокойно и естественно.

Запаздывает и информация о деторождении: к 7 годам о родах знают только 28 % мальчиков и 15 % девочек. Между тем, выражая мнение всех специалистов по половому воспитанию, К. Нейберг (1971) указывает, что к 5—7 годам об этом должны знать все дети. Около 60 % матерей сообщили, что дети задавали им такие вопросы, но большинство опрошенной молодежи не смогли назвать родителей в качестве источников этой информации. Мальчики относились к сведениям о родах спокойно, у 25 % девочек они вызвали недоверие, волнение и удивление.

О роли отца в появлении детей к 7 годам знали каждый 5-й мальчик и каждая 10-я девочка. Запаздывание оказывается очень значительным, если учесть, что, по К. Нейбергу, к 6—8 годам об этом должны знать все. В семье эти сведения получали около трети девочек и около шестой части мальчиков. Лишь 9 % матерей смогли припомнить соответствующие вопросы своих детей. У каждой третьей девочки и у каждого пятого мальчика эти сведения вызвали волнение.

Понятие о беременности в дошкольном возрасте имели лишь 25 % мальчиков и 17 % девочек. Родители информируют о беременности девочек вдвое чаще, чем мальчиков; матери отметили, что только 13 % детей до 7 лет спрашивали об этом. Примерно для 25 % мальчиков и 20 % девочек восприятие этих сведений связано с эмоциональным напряжением.

О половом акте до 7 лет знают один из пяти мальчиков и одна из десяти девочек, причем никто из них — от родителей. Матери не смогли припомнить детских вопросов о сути половых контактов. Больше 60 % мальчиков и 40 % девочек узнавали об этом из наблюдений за животными и — чаще девочки — за людьми. Для трети девочек и четверти мальчиков такие первые столкновения с этой стороной жизни носили характер потрясения.

Воспитатели детских учреждений указывали, что около 20 % детей активно задают им вопросы о различии полов, происхождении детей, роли отца и т. д.

Не менее демонстративны сведения, относящиеся к младшему школьному возрасту. Треть мальчиков и девочек лишь в это время впервые услышали о различиях полов, причем 4 из 5 получали эти сведения от сверстников и для каждого 6—7-го ребенка они были связаны с эмоциональным напряжением. О родах в этом возрасте узнали 36 % мальчиков и 68 % девочек, в каждом четвертом случае для мальчиков и пятом — для девочек это оказывалось эмоционально значимым. В половине случаев мальчики и несколько чаще девочки только в этом возрасте уяснили роль отца (лишь 15 % — из объяснений родителей); многими эти сведения воспринимались с волнением, часто как нечто потрясающее. Сущность беременности раскрылась для 60 % мальчиков и 52 % девочек, но лишь для 9 % и 24 % соответственно благодаря родителям и для 5—7 /₁₀ детей благодаря специалистам. Сущности полового акта родители не разъясняли, но узнали о нем 63 % мальчиков и 43 % девочек, причем из наблюдения полового акта соответственно 30 % и 19 %, от сверстников и старших детей — 65 % и 68 %, из литературы — 10 % и 24 %. У примерно 30 % мальчиков и 60 % девочек это вызвало бурную, эмоциональную, часто с отвращением, реак-

цию. О менструациях и поллюциях узнали 40 % мальчиков (9 % от отцов) и 66 % девочек (61 % от матерей), о противозачаточных средствах — 45 % мальчиков и 6 % девочек (лишь единицы от специалистов и родителей, остальные «на улице»). Особого внимания заслуживает форма получаемых знаний о поле: в медицинских терминах — 27 % мальчиков и 43 % девочек, в обывательских 52 % и 42 %, в циничных и бранных — 26 % и 2 %, в «детских» — 3 % и 5 %.

По воспоминаниям молодежи, в подростковом возрасте преобладающими источниками информации о различиях полов, половом акте, беременности и родах, менструациях и поллюциях, противозачаточных средствах, половых меньшинствах были сверстники и старшие ребята, литература. В этом возрасте 13% отцов рассказали мальчикам о поллюциях и 86 % матерей — девочкам о менструациях. Каждый 10-й подросток имел наглядное представление о половом акте в его традиционной и нетрадиционной формах. На сведения о половом акте эмоционально (в том числе — с отвращением) реагировали 40% мальчиков и 63 % девочек; заметим, что это больше в 2 раза у мальчиков и в 6 раз у девочек, чем в дошкольном возрасте. Разъяснение роли отца, сущности беременности вызывало такие реакции у 5— 15 % опрошенных, у девочек несколько чаще.

Данные наших опросов ни по контингенту, ни по технике опроса не являются, конечно, эталонными или достаточно репрезентативными. Но, во-первых, они хорошо иллюстрируют, казалось бы, очевидную даже на уровне обыденного здравого смысла закономерность: чем позже происходит знакомство ребенка с полом, чем больше оно «накладывается» на собственное половое развитие ребенка, тем оно для него труднее и тем более выражены в восприятии ребенка негативные стороны, эмоциональные искажения даже верной, но запоздалой и фрагментарной информации. Во-вторых, они относятся ко второму по величине городу страны, и закономерно предположить, что в других регионах ситуация может быть Много сложнее. Было бы, однако, принципиально неверно, а для дела полового воспитания в целом — просто губительно видеть за этим лишь «нежелание» взрослых. Их трудности не меньше, чем трудности детей: мощные эмоциональные стереотипы, обусловленные грузом полученных в течение жизни предрассудков, искажающих представления о самом существовании полового воспитания, нередко являются источником тяжелых переживаний самих воспитателей. Речь поэтому должна идти не только о консультировании, но и о воспитании воспитателей: консультирование может быть успешным и продуктивным лишь при наличии у воспитателя адекватного отношения к полу. Так, одна из учительниц, познакомившаяся со статистическими данными о подростковой мастурбации, несмотря на содержащиеся там сведения о естественности этой формы сексуального поведения подростков, сделала однозначный вывод о «развращенности» современного подростка. Наличие таких «слепых пятен» в восприятии взрослых и предполагает необходимость воспитания воспитателей.

Одно из наиболее укоренившихся заблуждений состоит в том, что благодаря специфичности тематики, половое воспитание часто воспринимают едва ли не как противоположность нравственному воспитанию. Но даже в том случае, когда этого не происходит, часто приходится сталкиваться с тем, что на проведении полового воспитания сказывается зауженное, одностороннее понимание воспитания в целом как следствия накапливающихся в поколениях характерологических особенностей родителей. При таком понимании, как совершенно справедливо подчеркивает В. В. Столиц (1981), ребенок и взрослый, как участники взаимоотношений, не пассивны и не активны, а реактивны. Системные субъектно-объектные отношения как принципиальная характеристика всякого человеческого общения, в том числе и воспитания, редуцируются при этом до элементарного физиологического уровня «стимул-реакция». Между тем

ребенок служит для взрослого моделью неконвенционального поведения и миропонимания, выступая тем самым не только как воспитуемый, но и как воспитатель; воспитание разворачивается не как действие на ребенка, но как взаимодействие с ним и оказывается тем более успешным, чем более успешно воспитание взрослого ребенком [Хараш А. У., Дерябина О. М., 1981]. Это положение полностью приложимо и к половому воспитанию. Выработка установок маскулинности — фемининности может быть успешной не тогда, когда взрослый (активный субъект) «лепит» из ребенка (пассивного объекта) мальчика или девочку, и не тогда, когда взрослый просто вызывает ответную реакцию ребенка, а тогда, когда маскулинность—фемининность взрослого и ребенка взаимодействуют и обуславливают друг друга.

Выступая как воспитатель семьи и ребенка, врач учитывает и то, что семья и ребенок воспитывают друг друга, и то, что по отношению к ним и сам он — воспитатель и воспитуемый в одно и то же время, а не просто носитель или ретранслятор некоего набора непреложных истин, однозначных и жестких рекомендаций. Учет этой ключевой диалектики воспитания имеет особое значение в столь проблемной, деликатной, встречающей множество объективных и субъективных препятствий, сфере, как половое воспитание.

Медицинский аспект полового воспитания должен обеспечить связь формирующихся у ребенка в ходе этого воспитания установок с проблемами здоровья в целом, в том числе психического и сексуального здоровья. Сексуальное здоровье определяется экспертами ВОЗ как комплекс соматических, познавательных, эмоциональных и социальных аспектов бытия человека, позитивно обогащающих личность, повышающих коммуникабельность и способность к любви; оно включает в себя, наряду с отсутствием органических расстройств, мешающих осуществлению сексуальных и прокреативных функций, также способность к наслаждению половой жизнью и контролю сексуального и прокреативного поведения в соответствии с нормами социальной и личной этики, свободу от страха, ложного стыда и мнимой вины, неадекватных представлений о человеческой сексуальности и других психологических факторов, искажающих сексуальные реакции и взаимоотношения.

Таким образом, медицинские цели и задачи полового воспитания состоят в помощи подрастающему поколению по формированию сексуального здоровья как необходимого аспекта здоровья в целом.

По аналогии с понятием «сексуального сценария» [Оа[^]поп .1., 1977] можно говорить о «сценарии полового воспитания», определяемом ответами на ряд вопросов.

1. Зачем? — каковы цели и задачи полового воспитания?
2. Что? — каково содержание его?
3. Как должны строиться воспитательные воздействия, чтобы их эффект был оптимальным?
4. Кто должен и может быть эффективным проводником полового воспитания?
5. Где? — в какой среде и в каких условиях уместнее осуществлять те или иные мероприятия?
6. Когда? — на каком этапе развития предлагаемые воспитанием стереотипы и сведения могут быть адекватно восприняты и оптимально интернализированы?
7. С кем ребенок может удовлетворять свой интерес к полу и какое это имеет воспитательное значение?
8. Почему половое воспитание должно удовлетворять тем или иным требованиям?

Глава 1

ПОЛОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ (ИСТОРИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ)

Становление и бытие человека, который всегда мужчина (мальчик) или женщина (девочка), невозможны вне общества, которое во все времена так или иначе направляло формирование личности мужчин и женщин по определенному руслу. Осмысление этих процессов в исторической ретроспективе немаловажно для понимания современных и перспективных проблем полового воспитания. Исчерпывающее решение этой задачи лежит за пределами наших возможностей и компетенции. Мы лишь попытаемся по отдельным «кадрам» представить наиболее общие и, по нашему мнению, важные закономерности, в конечном итоге приведшие к современной постановке проблемы полового воспитания.

ДОНАУЧНЫЕ ЭТАПЫ

Определяющей их чертой является рассмотрение пола и сексуальности в свете религии и морали. Мифология и религиозная символика насыщены трактовками биологических и психических аспектов мужского и женского начал. В них двуполость предстает как трансцендентная категория, как развивающаяся по собственным законам абстракция, некая наиндивидуальная сила, некий отражающий космический мир в мире человеческого принцип, который связан с другими подобными принципами (чета и нечета, правого и левого, добра и зла, и т. д.). Вдохновленные этими принципами метафоры одухотворяют лучшие образцы лирической поэзии, образы народного творчества. Вместе с тем в этих трактовках двуполости налицо регламентация сексуальности через диктуемые теми или иными религиозно-мистическими системами предписания, следствием чего является, как отмечает Р. Вега (1979), наложение религии и эротики в человеческой психологии. Оно отражается в таких литературных памятниках, как индийская «Камасутра», древнекитайские трактаты «Об искусстве спальни», поэмы Овидия «Наука любви» и «Средства от любви» и т. д.

Историко-этнографические исследования [Путилов Б. Н., 1980; ОауИ50П В., 1975; Ргазег Э., 1980; Тигпег V., 1983, и др.], работы по этнографии детства, обобщенные, в частности, И. С. Коном (1983), показывают, что понимание половой социализации как закономерного для человека вообще процесса невозможно вне контекста истории и культуры.

Значительный интерес поэтому представляют так называемые «повторяющиеся общества». Детство в них — подготовка к зрелости, а не просто прелюдия к ней. «Девочка может копировать поведение матери и бабушки, будучи твердо уверенной в том, что, когда она подрастет, ее жизнь будет почти такой же; мальчик уверен, что пойдет по пути своего отца и деда. В этом обществе существует та определенность, которую трудно обнаружить в нашем обществе, где цивилизация предлагает детям гораздо более широкий набор моделей для подражания и где сын выбирает себе специальность, скорее всего отличающуюся от специальности отца... Мальчик или девочка... наследуют все убеждения и опыт предшествующих поколений, возможно несколько обновляя их, но впитывая в

себя их сущность, чтобы, в свою очередь, передать следующему поколению»¹. Заметим, что в этом описании «повторяющегося» общества основные его характеристики передаются в связи с категорией пола и через нее — пол имел значительно больший удельный вес в жизни общества, чем сегодня.

Примером психосексуальной культуры и половой социализации в таких обществах могут быть данные Рональда и Кэтрин Берндт, полученные в 1940—1950-х годах при изучении жизни австралийских аборигенов. Подготовка ко взрослой жизни и браку начинается с самого детства: дети узнают мир, людей, правила поведения и т. д., непосредственно участвуя в жизни общины. Такое обучение, по словам авторов, — не столько подготовка к будущей жизни, сколько часть жизни настоящей: «Это активный практический процесс. Никто не читает ему (ребенку — *Д. И., В. К.*) нравоучений; он наблюдает за другими людьми и подражает им, а они направляют его поведение в нужное русло в ходе личных взаимоотношений»². От детей ничего, кроме отдельных обрядов, некоторых песен и мифов, стоянок женщин во время менструаций и родов, специально не скрывается. Сексуальные темы обсуждаются при детях совершенно свободно, нередко они могут оказаться свидетелями полового акта. Подрастая, дети начинают имитировать половую жизнь взрослых, у них появляются свои любимые «непристойные» слова. Игры в «мужей и жен» вполне обычны. В них воспроизводятся не только жизнь и быт семьи, но и многие типичные для взрослых ситуации, когда, например, один мальчик убегает с «женой» другого. Взрослые весьма снисходительны к тому, что в таких играх дети не всегда выбирают в «мужья» и «жены» тех, кто действительно им предназначен по обычаям. Нередок обычай периодических ночевки девочки в лагере будущего мужа для того, чтобы она привыкла к нему и его окружению. Более или менее формализованное половое обучение молодежи осуществляется только в обрядах инициации, имеющей свои сложные и длительные ритуалы подготовки и посвящения в разряд взрослых мужчин и женщин.

Связанное с инициацией эмоциональное потрясение, особенно у мальчиков, видимо, способствует особо глубокому и прочному запечатлению преподносимых общиной стереотипов.

Конкретный рисунок половой культуры и социализации неодинаков в разных «повторяющихся обществах». Так, в некоторых индейских племенах долго сохранялся обычай, по которому юноша перед инициацией сам мог выбирать себе социальную и сексуальную роль и предпочесть по своему усмотрению инициацию в мужчину либо женщину; у индейцев пилага ребенок считался существом с избыточной, цветущей сексуальностью, проявлениям которой взрослые не препятствуют и которая является едва ли не основным способом общения между сверстниками [Субботский Е. В., 1979]. В традиционной японской культуре сон женщины с раскинутыми ногами считался неприличным, и для обучения «приличному» сну девочкам на ночь связывали ноги; о социальном статусе женщины и ее психологическом портрете в японских традициях красноречивее всего, может быть, говорит ирония даже современных японцев, расстающихся с традиционными стереотипами, по поводу того, что у европейцев принят «культ женщины» и Запад, якобы, управляется «слабым полом», тогда как жизнью японцев руководят три вида повиновений: дочери — родителям, жены — мужу и вдовы — старшему сыну [Пронников В. А., Ладанов И. Д., 1983; Латышев И. А., 1985].

Во многом иной психологический портрет женщины рисуют традиции монгольской культуры: «Суровые условия жизни, частые военные походы.

¹ Берндт Р., Берндт К. (ВегпсК К., ВегпсИ С.). Мир первых австралийцев. Пер. с англ. М., 1981, с. 137.

² То же, с. 114.

когда кочевье оставалось без мужчин, ставили женщин перед необходимостью принимать решения, вырабатывали активные и самостоятельные характеры. Во многих источниках есть сведения о женщинах, организовавших оборону кочевья от врагов, вступающих в бой, мстивших за смерть мужа и т. д. Женщины участвовали наравне с мужчинами в празднествах, пирах, к их советам прислушивались при обсуждении вопросов, связанных с судьбами государства»¹. В монгольском эпосе часто встречаем образ женщины-богатырши; монгольских девочек учили не только «женским» делам, но и стрельбе из лука, управлению повозкой и др.

По отчасти сохраняющимся отголоскам языческих верований и обычаев у славянских народов (например, см. у Б. А. Рыбакова, 1981) невозможно под робно восстановить картины половой социализации, но можно все же судить о месте и трактовках пола в общих представлениях о мире. Не меньший интерес представляют и этнографические данные о традиционных культурах народностей, населяющих сегодня территорию нашей страны.

На отношение к полу и сексуальности в европейских культурах наибольшее влияние оказало христианство, содержащее в своих доктринах многообразные формы так называемого двойного стандарта, проявляющегося сексизмом и мужским шовинизмом. Обычно обращают внимание на антисексуальные установки христианства и репрессивные стереотипы определяемой им половой социализации, ядром которой являются запугивающие и отвергающие предписания. За этими чертами позднего христианства, однако, стоит его история, в которой были и иные моральные и сексуальные установки, проявившиеся в прошлом и настоящем отношении к сексуальности и представленной единой системой мифов и трактовок Ветхого Завета, рассматривающего половое и сексуальное как проявление в человеке священного начала, а потому исключавшего аскетическое и пуританское отношение к сексуальности и полу. Миф о сотворении человека — это миф о сотворении мужчины и женщины, заключаемый словами: «Это хорошо». «Песнь песней» и сегодня остается непревзойденным образцом эстетического восприятия и выражения сексуальности, одухотворенной и высокой поэтизации эротического. Безбрачие чуждо Ветхому Завету, рассматривающему семью как священное установление, по отношению к которому, правда, личные симпатии, привязанность и любовь в современном их значении выступали как второстепенные элементы.

Следы этих концепций можно обнаружить и в Новом Завете. Но в нем уже складывается впоследствии определяющая для христианства концепция десакрализации сексуальности — лишение ее священного смысла и признание лишь в качестве уступки природе человека: существование сексуальности оправданно лишь постольку, поскольку она служит продолжению рода и лишь при условии легализации в церковном браке союза мужчины и женщины, создаваемого исключительно ради прокреации. В ходе ветвления христианства, образования разных его направлений эта концепция, истоки которой относят ко II в. н. э. и связывают с апостолом Павлом, встречала различное отношение. В средние века она поддерживалась и развивалась Августином и сегодня остается неременной позицией католицизма, для которого характерна одна из форм двойного стандарта: целибат — обязательное безбрачие как высшая и духовная форма жизни католического духовенства, узаконенная церковью в XI в. и подтвержденная Ватиканом в 1967 г., с одной стороны, и мирской плотский брак одержимых греховными слабостями и страстями простых людей — с другой. В период Реформации эти позиции оставались незыблемыми для

¹ Викторова Л. Л. Система социализации детей и подростков у монголов, пути и причины трансформации ее элементов. В кн.: Этнография детства Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1983, с. 61.

кальвинизма и отвергались лютеранством, рассматривающим брак в качестве священного установления. Но как бы то ни было, добрачное целомудрие и исключительно прокреативный смысл брака остаются для христианства непоколебимыми ценностями.

Но одно дело — религиозные предписания и другое — реальная жизнь: уже само сохранение предписаний свидетельствует о несовпадении с ними реальности, иначе — зачем бы и предписания? Это противоречие осознается и церковью, различающей в жизни церковное и мирское; оно если и не снимается, то, по крайней мере, смягчается так называемым ортодоксальным двойным стандартом: абсолютное требование добрачного целомудрия для женщин при относительно редком и едва ли совершенно серьезном ожидании его от мужчин. А так как эти полузапрещенные наслаждения невозможны без женщин, то мужчина был морально свободен получать их с «плохими» женщинами, а затем жениться на девице из «хороших». Церковное, в рамках которого сексуальность греховна, своеобразно уравнивалось и компенсировалось смеховой и карнавальной культурами, в которых гротескно откровенные и гипертрофированные телесность и сексуальность занимали одно из центральных мест [Бахтин М. М., 1965; Лихачев Д. С. и др., 1984]. Половая социализация как реальный процесс в силу этих и других причин всегда была шире, многограннее, чем просто реализация церковных догм в сфере пола и сексуальности. Рассмотрим некоторые ее черты на примере анализируемой А. Я. Гуревичем (1984) средневековой культуры.

Взрослое общество того времени сегодня кажется инфантильным не только из-за его умственного, но и физического возраста — доля детства и юношества в нем была значительно больше [Апез РН., цит. по Кон И. С., 1983]. Понятие о личности только еще начинало складываться, и специфическая природа детства как времени развития и становления личности еще не осознавалась: ребенок рассматривался как маленький взрослый, взрослый в миниатюре. Во всех живописных групповых сюжетах средневековья так или иначе присутствуют дети, но сложены и одеты они как взрослые. Дети были естественными компаньонами взрослых, а игры мальчиков — прежде всего рыцарскими, а потом уже детскими. Семья еще не приватизировалась (лишь в XV—XVI вв. появляется семейный портрет в интерьере) и существовала как союз супругов, а не как ячейка общества, осуществляющая социально важную функцию воспитания детей.

Каноны отношения к телесности и структура эмоциональной жизни людей средневековья были совсем иными, чем сегодня. Еще отсутствовала невидимая стена аффектов, отделяющих одно человеческое тело от другого [ЕПаз Н., цит. по: Гуревич А. Я., 1984]. Учащение предписаний приватизации и интимизации естественных отправлений в XV—XVI вв. свидетельствует, по замечаниям А. Я. Гуревича, о том, что в средние века порог неловкости и границы стыдливости проходили не там, где сегодня. Вплоть до XVII в. сон людей разного пола и возраста в одной постели был обычным явлением, и, кроме монахов, которым было запрещено раздеваться, все спали обнаженными. Стеснительность еще не была развита, и сексуальные отношения были не более чем частью — хотя и своеобразной — социальной жизни (вспомним, например, страницы «Декамерона»), не связанной с тем чувством стыда, которое позже стало покрывать эти отношения тайной. Сексуальную жизнь еще не стремились скрыть от детей, специально исключить из поля их восприятия.

Нетрудно, таким образом, заметить известную общность половой социализации в средние века и в «повторяющихся обществах»; половая социализация практически без остатка «растворена» в культуре, она не прелюдия и даже не подготовка к жизни, а неотъемлемая часть жизни.

Начиная с XVII—XVIII в., по мере роста интереса к ребенку, появления отношения к нему как к объекту воспитания, по мере романтизации и сенти-

ментализации детства как символа безмятежно-счастливой и естественной невинности, в отличие от холодной, испорченной и рассудочной взрослости, возникает и усиливается идеализация детства, несовместимая с предшествующей практикой половой социализации. Однако, по точному замечанию И. С. Кона (1983), этот культ идеализации детства не включал в себя даже грани интереса к реальной психологии подлинного, живого ребенка; в половой социализации стала нарастать противоречивость, обусловленная подгонкой реального детства под сплав этой идеализации и религиозной половой морали. Эта тенденция набирала силу, так что даже более реалистический подход к детству в первой половине XIX в., учитывающий его неоднозначность и противоречивость, не мог ей помешать, и много лет спустя Л. Н. Толстой, прекрасно понимавший и описавший личностные коллизии детского развития, говорил тем не менее (это относится и к интересующей нас области) о постепенном развращении мальчи ка после детства и потом исправлении перед юностью.

В XIX в. половая социализация подрастающих поколений отражала официальную буржуазную мораль, в которой телесность и сексуальность жестко табуировались, в связи с чем Ф. Энгельс иронизировал по поводу работ немецких социалистов, читая которые «...можно подумать, что у людей совсем нет половых органов»¹. И. С. Кон (1981, 1984, 1985) приводит ряд характерных примет этого времени. В Англии начала XIX в., в Германии конца XIX — начала XX в. считалось неприличным любое упоминание о ногах, так как слова «нога», «ножка» вызывают сексуальные ассоциации. Легализовалась проституция, процветали публичные дома, но за столом нельзя было попросить передать цыплячью ножку или сказать ребенку: «Не болтай ногами»; женщины показывали врачу место боли на кукле, а в ряде библиотек написанные женщинами книги хранились отдельно. Произведения Ронсара, Руссо, Лафонтена, Вольтера, Беранже и др. запрещались по соображениям «благопристойности». Г. Флобера в 1857 г. судили за оскорбление целомудрия в романе «Госпожа Бовари». Он с трудом оправдался, но Бодлер в том же году был осужден за книгу стихов «Цветы зла», цензурный запрет на которую был снят лишь в середине XX в. Знакомясь с подобными фактами, трудно освободиться от мысли, что буржуазные общества с такой же силой боролись с сексуальностью, с какой были одержимы ею.

СЕКСОЛОГИЯ И ПОЛОВОЕ ВОСПИТАНИЕ

К концу XIX в. диктуемая стремлением к сохранению традиционных укладов потребность в половом воспитании уже не обеспечивалась разрыхляющимися и разрушающимися системами вековых традиций и вынуждена была искать опору в естественно-научном изучении пола и сексуальности. Социальная и экономическая стратификация буржуазных обществ еще больше заострила противоречия отношения к полу, поставила индивида перед трудноразрешимым (если вообще продуктивно разрешимым) конфликтом, на полюсах которого кристаллизуются, так сказать, сексуальный догматизм и сексуальная анархия, неизбежно сказывающиеся на воспитании подрастающих поколений. Выход из этого конфликта мог быть связан лишь с подготовкой общественной и индивидуальной психологии к восприятию и принятию объективных научных данных о психосексуальном мире человека.

Реальные предпосылки для этого создаются в ходе научной революции второй половины XIX в. с начинающимся переходом от трактовок пола и сексуальности в терминах религии и морали к естественно-научному анализу и зарождению научной сексологии.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 6.

В отечественной науке целостная разработка проблем сексологии представлена трудами И. С. Кона (1966, 1981, 1984 и др.), на которые мы и будем опираться в нашем анализе полового воспитания.

В обыденном сознании сексология обычно отождествляется с сексопатологией как разделом клинической медицины. На самом же деле сексология — междисциплинарная область научных исследований и знаний, относящихся к половой жизни. В идеале ее можно сравнить с равносильным треугольником, стороны которого образованы биолого-медицинскими, историко-социологическими и психологическими исследованиями. Реальное соотношение сторон изменялось в ходе развития сексологии и, стремясь к идеалу, все же не совпадает с ним.

Медицина и сегодня не может, оперируя только биолого-медицинскими категориями и методами, исчерпывающе объяснить ни пол вообще, ни отклоняющиеся формы его проявлений. На рубеже XIX—XX вв. ее возможности были еще меньше (достаточно вспомнить, что, например, термин «гормон» введен лишь в 1902 г.). Включившаяся в обсуждение пола психология дополнила и существенно обогатила медико-биологические представления психологическими, допускающими вариативность индивидуальной нормы, существование непатологических отклонений от доминирующих психосексуальных стереотипов, смыкающихся с нормой степеней выраженности патологии. Историки и этнографы в трактовке данных о поле в других культурах стали все более отходить от взглядов, ранее приводивших к квалификации чужих обычаев и нравов как «дикости» (слово «дикарь» исчезло из научного лексикона, а в бытовом и детском употребляется преимущественно в переносном смысле).

Влияло ли это на половую социализацию? Об этом можно отчасти судить по реакциям на развивающуюся сексологию. Р. Крафт-Эбинга после публикации им книги «РзусНораНца зехианз» (1886), многие места которой по цензурным соображениям были написаны по-латыни, обвиняли в смаковании грязных деталей и ставили вопрос о лишении его звания почетного члена Британской Медико-психологической ассоциации; I. ВлосН, которому принадлежит сам термин «сексология», вынужден был значительную часть своих трудов публиковать под псевдонимом; Т. Эллис — автор 7-томного «Исследования по психологии пола» подвергался судебному преследованию за «непристойность» его трудов; М. Н|гзЫе|с| основал первый в мире сексологический журнал в 1919 г. и Сексологический институт, который был разгромлен нацистами; П. Мантегацца — автор книги «Половые отношения человечества» — едва не лишился профессорской кафедры и места в Сенате. Как замечает, приводя эти данные. И. С. Кон, драматическая история сексологии на этом не кончается, а в некоторых странах и сегодня заниматься сексологией — значит рисковать.

Подробное изложение истории бурного развития сексологии не входит в наши задачи. Мы лишь бегло упомянем основные вехи этого развития, с которым связана динамика полового воспитания.

Наибольший резонанс в первой половине XX в. в странах Западной Европы имели сексологические аспекты психоанализа, нашедшего потом вторую родину в США. Ортодоксальный психоанализ З. Фрейда и множество стимулированных им разновидностей фрейдизма и неофрейдизма неоднократно обсуждались в советской литературе [Бассин Ф. В., 1968; Лейбин В. М., 1977; Шерозия А. Е., 1969, 1973, 1979; Бессознательное, 1978, 1985].

И. С. Кон (1981, 1984) подробно анализирует собственно сексологические аспекты теории З. Фрейда. Расширительная трактовка либидо как источника всей психической энергии человека, сексуализация человеческой эмоциональности привели в конечном итоге к пансексуализму. Вместе с тем они опровергли сведение сексуальности лишь к генитальным ее сторонам, выявили связь индивидуального полового поведения с культурными нормами, помогли понять со-

циальные и психологические предпосылки некоторых сексуальных нарушений сексуальной символики и запретов. Чрезвычайно важным было осмысление роли и значения сексуальности в жизни человека, необходимости ее не только для воспроизводства, но и для нормального развития личности; указание на органическую связь сексуального и несексуального в переживаниях приводило к пониманию того, что сексуальность непостижима вне личности, как и личность вне ее сексуальных переживаний. Не менее важным было понимание так называемых половых извращений как фиксации или гипертрофии отдельных сторон психосексуального онтогенеза — понимание, противостоявшее трактовке отклонений как дегенерации в ломброзианском духе и открывавшее новые терапевтические перспективы. Фрейдовские представления о фазности психосексуального развития оказали настолько глубокое влияние на воспитателей и воспитание, что, как мы уже отмечали [Исаев Д. Н., Каган В. Е., 1979], мнение о сексуальной латентности возраста 5—10 лет до сих пор исповедуется педагогами, не только далекими от фрейдизма, но и принципиально не принимающими теории З. Фрейда.

Несмотря на определяющую для западной сексологии роль фрейдизма влияние его оказалось очень противоречивым. Оценивая работы Фрейда сегодня, подчеркивает И. С. Кон, поражаясь тому, как точно он чувствовал основные проблемы сексологии, и тому, как ошибочны многие предложенные им решения этих проблем. Особо резко с современными представлениями, по мнению И. С. Кона, расходятся: 1) пансексуализм с его неопределенно-расширительной трактовкой понятия «половое» и пониманием либидо как особой глобальной сущности; 2) психогидравлическая модель сексуальности, согласно которой все пути реализации либидо неизбежно связаны с конфликтом сексуальности и культуры; 3) трактовка половых различий как проявлений универсального биологического закона; 4) теория детской сексуальности с ее якобы универсальными комплексами; 5) теория половой идентификации, редуцирующая этот сложный и многомерный процесс до отношений «родители — ребенок*» и экстраполируемая на развитие личности в целом. В результате, начиная с 60-х гг., психоанализ все больше утрачивает ведущие позиции в западной сексологии, а наиболее авторитетные работы по сексологии написаны с неили антифрейдистских позиций.

Следующий этап представлен исследованиями А. Кинзи, изложенными в так называемых «Отчетах Кинзи» [Ктзеу А. е! а 11948, 1953]. В 30—50-х гг. им осуществлено массовое социологическое исследование сексуального поведения человека, в центре которого стояло изучение поступков и фактов сексуальной жизни, а не искажаемых многими обстоятельствами мнений о них. Эта работа (проведено около 19 000 интервью, включающих 350—520 пунктов информации) остается до сих пор уникальной и эталонной, а полученные данные сохранили информацию, порой остававшуюся неясной для самого Кинзи (например, на основании данных Кинзи, Г. С. Васильченко в «Общей сексopatологии» 1977, сделал выводы о темпах полового созревания). Почти с самого начала деятельность А. Кинзи встретила мощное сопротивление, а в 50-х гг. по требованию маккартистов было прекращено финансирование его исследований, публикации изымались из библиотек, и комиссия по расследованию антиамериканской деятельности постановила, что исследования института ненаучны, их выводы оскорбляют население и продолжение его деятельности привело бы к ослаблению американской морали и способствовало бы коммунистическому перевороту (цит. по: Кон И. С., 1981б). Хотя опросы, касавшиеся пола, проводились и раньше, работы А. Кинзи положили начало систематическим социологическим и социально-психологическим исследованиям сексуального поведения, дающим ценную информацию не только социологам и психологам, но и врачам, педагогам, воспитателям (данные опросов С. И. Голода, 1984).

В 40-60-х гг. развитие сексологии шло по пути не только накопления информации, но и специализации, и дифференциации наук, изучающих пол и сексуальность. Но уже в русле этой специализации вызревает потребность в объединении получаемых данных, которое на первых порах осуществляется, как показано Г. С. Васильченко [Общая сексопатология, 1977] на примере сексопатологии, по псевдосистемному принципу арифметического, механического суммирования результатов, получаемых разными науками. Эти данные, в общем виде составляющие «треугольник сексологии», качественно различаются между собой и несводимы друг к другу. Выводить, подчеркивает И. С. Кон, исторически-конкретные формы полового разделения труда и связанные с ними психологические особенности мужчин и женщин из общих законов полового диморфизма занятие столь же соблазнительно простое, сколько схоластическое. Междисциплинарная сексология как относительно самостоятельная системная отрасль знаний о человеке, становление которой еще не завершено, предполагает и выработку собственного категориального аппарата, и построение представлений о поле и сексуальности не только как о структуре, но и как о системе, которая всегда больше, чем просто сумма составляющих ее элементов, и которая позволяет не только объяснять уже известное настоящее, но и более или менее достоверно прогнозировать будущее.

И само зарождение сексологии, и динамика ее развития отражают не только теоретические достижения науки в узком ее понимании, но и интенсивное переосмысление значимости пола и сексуальности, их места и роли в жизни человека: «Раскрытие сенсационных тайн совсем не составляет сущности науки. Наука стремится обнаружить связь явлений, представлявшихся разрозненными, скрытые закономерности там, где поверхностный взгляд видел лишь скопление случайностей, и на этой основе объяснить сущность изучаемого объекта»¹. Обобщая данные этого переосмысления, С. И. Голод (1984) указывает на ведущие его аспекты:

— понимание несводимости супружеской сексуальности к деторождению; несводимость эта, которая сравнительно недавно трактовалась как «патология» или «безнравственность», сегодня становится тривиальной;

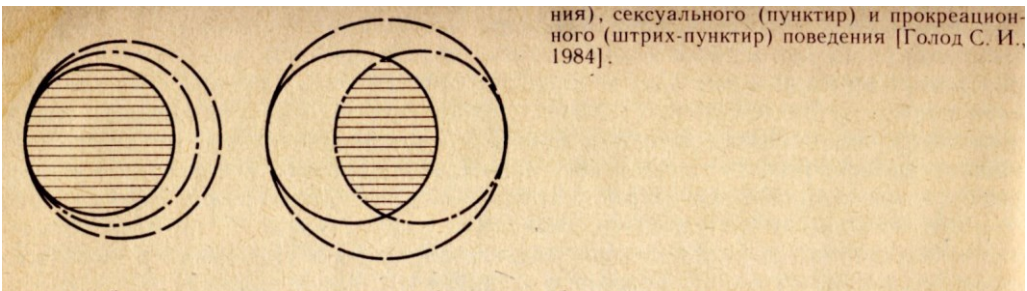
— сексуальность обретает равно существенное значение для мужчин и для женщин, выходит за пределы брака, реализуется и рассматривается в новой системе ценностей и отношений; характер, степень и значение этих изменений могут быть квалифицированы как революционные и актуализируют проблему поиска критериев нравственности повседневной практики человека в сфере пола и сексуальности;

— отмеченные процессы автономизации матримониального, прокреативного и сексуального поведения изменяют их соотношение в общей картине так, как это показано на рис. 2.

Сексуальность теряет свою упрощенно-одиозную однозначность и все больше становится предметом рассмотрения в реально-личностном контексте. «Одна и та же» половая близость может быть обусловлена разными мотивами, скрывать за собой разные личностные смыслы, будучи средством: 1) релаксации и разрядки сексуального напряжения; 2) деторождения; 3) отдыха, достижения чувственного удовольствия; 4) познания, удовлетворения любознательности, любопытства; 5) общения, ибо физическая близость несет в себе момент глубочайшей доверительной интимности; 6) самоутверждения, проверки своих возможностей; 7) достижения несексуальных целей; 8) проявления привычки; 9) эмоциональной компенсации и т. д. [Кон И. С., 1981 в]. Меняется мир — меняется и «картина мира», влияющая на поведение человека, в том числе и в рассматриваемой сфере. В структуре половой социализации растет

¹ Лотман Ю. М. Биография живое лицо. Новый мир, 1985, № 2, с. 234

"Традиционное" состояние "Современное" состояние **Рис. 2.** Соотношение брачного (сплошная ли-

ния), сексуального (пунктир) и прокреационного (штрих-пунктир) поведения [Голод С. И., 1984].

удельный вес отвечающего потребностям общества сознательного и обоснованного (нравственно и научно) формирования личности мужчин и женщин. Надежда на создание эффективной системы полового просвещения, службы семьи и сексопатологии без одновременного и даже опережающего развития теоретической сексологии, включая ее эволюционно-биологические, психологические, социологические и этнокультурные аспекты, как отмечает И. С. Кон (1981a), — наивная и безответственная утопия.

«Чистой», замкнутой в себе науки для науки, однако, не существует, а даже если бы это было возможно — она не отвечала бы потребностям общественной практики. «Сексуальная революция» XXв., отражаемая сексологией, сти мулирующая ее развитие, — процесс противоречивый и неоднозначный: оборотной стороной индивидуализации любых, в том числе и сексуальных, отношений является их дегуманизация. «Доминирование тех или иных процессов зависит прежде всего от образа жизни общества и системы ценностей, на которую равняется личность. Недаром эти вопросы стали сейчас предметом идеологической борьбы»¹.

Поэтому понимание полового воспитания, как аспекта прикладной сексологии, не только не снимает, но и актуализирует понимание его как воспитания нравственного: именно нравственные установки определяют пути и цели приложения данных теоретической сексологии к практике воспитания

СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ ПОЛОВОГО ВОСПИТАНИЯ

Принято, по крайней мере в европейских странах, различать три модели полового воспитания, воплощающие соответствующие типы моральных установок в отношении сексуальности.

Модели полового воспитания Kogalae\y\cг M., 1981].		
Рестриктивная	Пермиссивная	«Золотая середина»
	<i>Объем информации</i>	
Чем меньше, тем лучше	Вся информация	Необходимая информация
	<i>Содержание информации</i>	Нельзя делать то-то и то-то, Могут
быть следующие Делай так, а не иначе, потому что...		пути... ибо...
Это единственный хороший путь	Все пути хороши	Есть много путей — выбери лучший
	<i>Общий тон</i>	
Нет!	Да!	Да, но...

¹ Кон И. С. О социологической интерпретации сексуального поведения. Социол. исследования, 1982, № 2, с. 119.

Пермиссивная (либеральная) модель полового воспитания принята, например, в Дании. Сексуальность понимается как важная жизненная ценность. Чтобы она воспринималась так всеми, воспитание должно препятствовать «обрастанию» сексуальности чувством вины и помогать освобождаться от тревоги, которая, благодаря старым традициям, часто окрашивает связанные с полом переживания. Молодежь имеет право самостоятельно и независимо формировать и формулировать приемлемые и желательные нравственно-сексуальные нормы, а те, кто проводит половое воспитание, не должны навязывать молодежи свою мораль. Единственная обязательная и культивируемая норма — чувство ответственности за характер и последствия разделяемых с другим человеком сексуальных отношений. Моральная обязанность всех — нести ответственность за рождение нежеланных детей, в связи с чем пропагандируется планирование рождаемости и использование контрацептивов, искусственный же аборт морально осуждается. Производство и распространение порнографической продукции обосновывается правом взрослых людей свободно выбирать для себя то, что они хотят иметь, видеть, делать. Снабжение подрастающего поколения информацией о поле и сексуальности в свете этических и социальных ценностей берет на себя организованное воспитание, формирование же нравственных установок сексуального поведения рассматривается как дело прежде всего семьи [Вгае5Гир А., 1973; Ногы Р., 1978].

Рестриктивное (репрессивное) половое воспитание проводится в большинстве католических стран, в частности в Италии. Оно направлено на осознание представлений о маскулинности и фемининности, семейных ролях, в том числе — отцовской и материнской. Различаются не только направленность (воспитание мужчины — воспитание личности, воспитание женщины — воспитание семьи), но и методы воспитания мальчиков и девочек. Знакомство детей с физическими признаками и проявлениями пола считается нежелательным; это касается обнажения — даже маленькие дети не должны обнажать гениталии при людях. Сведения о репродуктивных процессах и функциях преподносятся очень постепенно и осторожно: их рекомендуется объяснять на примере растений, а не животных, во избежание преждевременных представлений о биологической природе воспроизводства человека. Ознакомление с телеснофизиологическими аспектами пола и сексуальности подчинено принципу: лучше «слишком поздно», чем опасное «слишком рано». Прежде, чем у молодых людей не сформируется глубокое понимание сущности и важности семьи и брака, обсуждение со взрослыми — даже педагогами — процесса полового созревания, его трудностей, венерических заболеваний, нетрадиционных форм сексуального поведения и т. д. не принято. Большое внимание уделяется формированию способности контролировать и подавлять сексуальные потребности во имя более высоких ценностей. Воспитание в целом преследует цель внушить необходимость подчинения авторитетам (старших, властей и проч.), так как способность подчиняться «освобождает и помогает». Попытки молодежи добиться независимости от старших и получить исчерпывающую полную информацию о сексуальности встречают противодействие: считается, что знания стимулируют интерес к сексуальности и вызывают желание экспериментировать, а какие-либо надежды на предостережения необоснованны — молодежь усваивает не предостережения, а как раз то, от чего предостерегают, и потому никакое воспитание не гарантирует человека от совершения педофильных, гомосексуальных или насильственных действий. Гарантии такого рода может дать только обеспечиваемое родителями усвоение моральных норм. Целомудрие в широком смысле и добрачное целомудрие — важнейшие аспекты сексуальности: человек должен реализовать свою сексуальность ответственно, в духе «истинной любви» (в католическом ее понимании) и альтруистического служения супругу [2агпске и 1966].

Стратегия и тактика **«золотой середины»** определяют половое воспитание в ряде стран в Европе, в том числе в Польше. Оно призвано помочь избежать разочарований и причинения ущерба другим в сексуальных отношениях вообще и в семье, облегчить личностное и психосексуальное развитие, смягчить переход ко взрослой жизни, чтобы реализация эмоциональных и сексуальных потребностей не нарушала основных социальных норм и благополучия других людей. Общество, для которого любовь, брак, семья — предмет глубокого интереса, а не просто частное дело каждого, имеет право и обязано регулировать и ограничивать сексуальное поведение людей. Важно установление новых социалистических норм морали, в том числе сексуальной, а для этого надо помочь людям освободиться от ложных страхов, ханжеских предубеждений, предрассудков, изживших себя запретов. Чем больше свободы предоставляется членам общества, тем более зрелы и ответственны они должны быть. Социалистическое половое воспитание не должно и не может начинаться с предоставления абсолютной сексуальной свободы — оно должно создать четкие модели желаемых установок и поведения и позаботиться об их полной и глубокой интернализации молодыми людьми. Этические нормы в сфере сексуальности должны быть тщательно сформулированы и направлены на достижение гармонического равновесия между специфическими требованиями семьи и общественно-производственной жизни, между удовлетворением сексуальных потребностей и серьезной ответственностью за семью и брак. Существующая «обычная» практика людей не является достаточным основанием для формирования социалистической сексуальной этики — некритическое принятие обществом по тем или иным причинам распространенной практики отношений между полами означало бы отказ от влияния на молодежь. Положительное отношение к сексуальности входит в число основных принципов социалистической этики. Моральная ценность партнерского союза не зависит от его отношения к закону и религии: ни юридический, ни церковный брак не гарантируют возможного и в нерегистрированном браке морального поведения. Допустимая сексуальная активность определяется возрастом и обоюдностью физических, психических и социоморальных зрелости и потребностей. Ранние сексуальные отношения плохи и неприемлемы постольку, поскольку они могут нарушать интересы или благополучие партнеров и ребенка, родившегося в незрелой связи, а не сами по себе. Мастурбация, петтинг морально не осуждаются. Верность партнеров друг другу перестает отождествляться с сексуальной исключительностью, которая рассматривается как обязательная для брака, но не исключает более широкого и либерального понимания; требования в этом отношении к мужчинам и женщинам не должны различаться. Основной нравственный принцип сексуального поведения в браке или вне брака: любые типы сексуальных отношений морально приемлемы, если они соответствуют желаниям и установкам зрелых и морально ответственных людей, действующих без внешнего или внутреннего давления

Ни одна из этих моделей не хуже и не лучше другой. В перmissive модели, казалось бы, чреватой сексуальной анархией, сексуальное поведение ставится в один ряд со всеми другими видами поведения и оказывается поэтому подчиненным общим законам социальной и нравственной регуляции. Жесткие ограничения рестриктивной модели уравниваются убеждением в том, что человеческая природа все же «берет свое». Модель «золотой середины» не растворяет без остатка личность в обществе и сексуальное в социальном, в ней становится предметом обсуждения то, что в перmissive и рестриктивной моделях подразумевается, но остается предметом молчаливой «договоренности о недоговоренности»: она предполагает диалог личности и общества при ответственности общества за судьбы личности.

Принятие этих существующих в обществе моделей регулируется индивидуальным отношением к сексуальности и половому воспитанию; между уста-

новками той или иной модели и реальным воспитанием всегда существует некоторый зазор.

Наконец, каждая из этих моделей по-разному реализуется в разных общественно-экономических и культурных средах. Что хорошо для одной страны — не обязательно хорошо для другой. Конкретное наполнение сходно формулируемых моделей оказывается нередко диаметрально противоположным в странах западного мира и в социалистических странах. В странах Западной Европы сказывается влияние «американизации», связываемой прежде всего с дегуманизацией человеческих отношений (Кириянова О. Г., 1984], тогда как в социалистических странах ей активно противостоят гуманистические идеалы и цели.

В 1979 г. одним из авторов (Д. Н. Исаев) от имени Европейского бюро ВОЗ было проведено изучение состояния полового воспитания в 16 европейских странах. Результатом была относительно полная на 1979 г. картина по каждой из 16 стран, подробные данные о чем мы приводили ранее [Исаев Д. Н., Каган В. Е., 1986а]. При более общем подходе можно отметить, что половое воспитание в изученных странах проводится в 4 вариантах: 1) обязательное с фактическим осуществлением во всех школах (Дания, Швеция, ГДР, ФРГ, ЧССР); 2) приветствуемое и узаконенное, но не распространенное по всей стране (Польша, Югославия, Италия, Швейцария, Болгария, Франция); 3) официально одобренное, но не узаконенное юридически (Великобритания, Нидерланды); 4) не запрещенное, но и фактически не развивающееся (Турция, Греция, Алжир).

В одних странах половое воспитание имеет место даже в части дошкольных учреждений (Дания, ГДР, ФРГ, Швеция, Великобритания) или начинается со школьным обучением (Дания, ГДР, ФРГ, Польша, Швеция, Югославия, ЧССР), в других лишь в школах второй ступени (Болгария, Италия, Франция). Как правило, мальчики и девочки привлекаются к занятиям и обсуждениям вместе, но в большинстве стран это не регламентируется и педагоги сами решают — объединять ли им для занятий по половому воспитанию оба пола. В подавляющем большинстве изученных стран имеются школьные программы полового воспитания, но подход к тому, какие сведения и в каком возрасте должны и могут получать дети, очень различается.

Наряду с педагогами в половом воспитании участвуют врачи, психологи, социальные работники, средний медицинский персонал и др. Большую роль играют учреждения или комитеты по медико-санитарному просвещению (Великобритания, ГДР, ФРГ, Польша, Швеция, Франция) и добровольные организации по планированию семьи (Нидерланды, Югославия, ГДР, Италия, Польша), некоторые международные организации (например, IPPE — Международная федерация планирования семьи). В Великобритании, Югославии, Швеции, Дании и других странах для пропаганды соответствующих знаний и формирования правильной их нравственно-этической оценки используются средства массовой коммуникации (радио, телевидение, брошюры, статьи в массовой печати, беседы, лекции, консультации), в том числе — специально для детей и подростков.

Как возможности проведения, так и эффективность полового воспитания в очень большой степени зависят от культурных традиций, предрассудков и запретов массового сознания, образа жизни, общей и медицинской культуры и проч. Отношение населения к половому воспитанию можно условно разделить на: 1) понимание его важности и активная поддержка (ГДР, Дания, Швеция); 2) в основном благоприятное (Польша, ЧССР, Великобритания, ФРГ, Франция); 3) нейтральное (Болгария, Нидерланды, Швейцария, Югославия); 4) настороженно-негативное отношение большинства населения (Алжир, Греция, Италия, Турция). Создаваемая этими позициями атмосфера через внутри-

семейные отношения, средства массовой информации прямо или опосредованно влияет на детей и подростков, облегчая или затрудняя освоение обсуждаемого круга психогигиенических сведений.

ПОЛОВОЕ ВОСПИТАНИЕ В СССР

В нашей стране разработка проблем психогигиены пола и реализация этой разработки в форме полового воспитания осуществлялась в разные годы весьма неравномерно.

Дореволюционное наследие не могло быть положено в основу этой работы. Как и в других европейских странах, на рубеже веков оно определялось конфликтно заостренными противоречиями крайних форм двойного стандарта. Усиливалось движение за женскую эмансипацию, но участие женщин в общественной жизни было минимальным; возникающие тенденции демократизации сексуальной морали выливались в крайние формы сексуальной вседозволенности и соседствовали с не менее крайними формами дискриминации женской сексуальности и репрессивного отношения к телесности — в газетах конца XIX в. не выглядели необычными объявления о демонстрации статуи Апполона Бельведерского, на которую «в видах нравственности» надета фрачная пара; представители официальной науки освящали своим авторитетом вековые заблуждения и предрассудки, как это делал, например, в 1900 г. И. А. Сикорский в статье «О здравоохранительном значении целомудрия».

Но труды И. М. Сеченова, В. М. Бехтерева и др. уже содержали многие, не теряющие своего значения и сегодня, предпосылки объективно-научного изучения любви, пола и связанных с ними проблем. Проводились и сексологические опросы молодежи: в 1902 г. В. В. Фавр опросил около 1300 харьковских студентов, в 1904 г. М. А. Членов — 2500 московских студентов, в 1914 г. Д. Н. Жбанков начал анкетирование учащихся московских высших женских курсов, успев до начала первой мировой войны обследовать около 350 человек.

Советская власть с первых своих шагов в числе ведущих задач социалистического строительства видела строительство новой социалистической морали и нравственности, в том числе — в вопросах пола и сексуальности. Левацкие крайности, смыкавшиеся с крайними формами буржуазной морали, были отмечены решительно и сразу. Как и во всех других сферах жизни, в сфере осознания пола и сексуальности и формирования отношения к ним происходила борьба старого и нового.

В 1920—30-е гг. активно разрабатывались проблемы сексологии, детской сексуальности и полового воспитания. В 1922 г. И. Гельман провел анкетирование более 1500 московских студентов, в 1924 г. Московский государственный институт социальной гигиены провел обследование более 600 московских, а В. Е. Клячкин — около 900 омских студентов. В работах Е. А. Аркина, М. В. Серебровской, В. М. Бехтерева, Б. Е. Райкова, М. Я. Басова, А. Б. Залкинда, К. П. Веселовской, А. Эдельштейна, П. П. Блонского и мн. др. было показано наличие ранних проявлений сексуальности у здоровых и больных детей, прослежены ее возрастная динамика и вариации, изучены отклонения в сексуальном поведении детей, сформулировано представление о половом воспитании, как о совокупности организованных педагогических влияний на развившуюся личность с целью выработки сознательного сексуального поведения, указано на необходимость тесной связи полового воспитания с другими областями учебновоспитательной работы, разработаны методики полового воспитания в ходе преподавания различных школьных предметов. Дискутировался объем необходимой на разных этапах обучения информации. Предполагалось, например, в классах I ступени знакомить с материнством, II — с отцовством, а в последнем классе — с половой гигиеной.

Это был этап весьма интенсивного накопления сведений и их осмысления — научного, социального и нравственного, этап интенсивных поисков, не лишенных своих противоречий, крайних мнений и острых дискуссий. В литературе тех лет можно найти утверждения, что буржуазная среда способствует более раннему наступлению половой жизни и полового созревания [Басов М. Я., 1928], мнение о чрезвычайной опасности раннего онанизма, отрывающего ребенка от социальных и действительно-творческих интересов, и еще большей опасности пубертатного онанизма, ведущего к преждевременной затрате химических элементов несозревшей половой железы, вследствие чего раннее начало половой жизни, которая все же хоть как-то регулируется отношениями с другим человеком, предпочтительнее ничем не ограничиваемых «растрат» при мастурбации [Залкинд А. Б., 1928] и т. п.

Значительное место в литературе тех лет занимают работы Е. А. Аркина и П. П. Блонского. Е. А. Аркин (1921) пытался классифицировать многообразные формы проявления сексуальности у детей. П. П. Блонский, «Очерки детской сексуальности» (1935) которого посвящены психологии пола и сексуальности у детей и подростков, отталкивался от того, что «изучение детской сексуальности... балансирует между двумя противоположными, но одинаково неверными мифами — мифом о сексуально-беспорочном ребенке и фрейдистским мифом о ребенке-эротомане. Оба эти мифа крайне вредно отзываются на сексуальной педагогике: в первом случае ребенка оставляют без всякого сексуального воспитания, во втором — ему дают неправильное воспитание»¹.

Хотя фрейдизм как система у нас в стране не нашел распространения, отдельные его положения сказывались на позициях исследователей и педагогов. Построение полового воспитания во многом определялось той острой дискуссией, которая разворачивалась между педологией и создававшейся А. С. Макаренко педагогической системой. Значение теории А. С. Макаренко — создателя советской системы коллективного воспитания — широко известно. Ссылаясь на его предостережение против сотворения из полового воспитания «непоправимого фокуса», на его призывы осторожно и критично относиться к мнению о том, что половое воспитание может быть исчерпано ранним половым просвещением, А. С. Макаренко на некоторых этапах развития педагогики представляли как противника полового воспитания вообще, приводя в доказательство вырванные из контекста его работ фразы, относящиеся к частным аспектам методики полового просвещения. Оценивая взгляды А. С. Макаренко на половое воспитание, следует учитывать ряд конкретно-исторических и определяющих его опытом обстоятельств: 1) эти взгляды формировались не в столкновении с половым воспитанием, а в борьбе с искажениями его, порожденными особенностями времени и педологией; 2) результаты «полового просвещения», с которыми сталкивался А. С. Макаренко у своих воспитанников, прошедших школу беспризорничества и асоциальности, не могли не настораживать, как, впрочем, и некоторые крайние тенденции полового воспитания в семье; 3) блестящая организация детского коллектива — этой чрезвычайно сильной воспитывающей среды — снимала многие вопросы непосредственного личного участия взрослых в половом воспитании как воспитательном диалоге с каждым отдельным ребенком. С учетом, по крайней мере, этих обстоятельств понятна концентрация внимания А. С. Макаренко на организации коллектива как основного средства полового воспитания. Наконец, мы не вправе забывать, что именно А. С. Макаренко сформулировал основной принцип полового воспитания как аспекта нравственного воспитания: «Как и во всей своей жизни, так и в жизни половой человек не может забывать о том, что он есть член общества,

¹ Блонский П. П. Избранные педагогические и психологические сочинения. Т. I, М., 1979, с.202.

что он участник нашего социалистического строительства... И в половой сфере эта общественная нравственность предъявляет каждому гражданину определенные требования... Она требует, чтобы половая жизнь человека, каждого мужчины и каждой женщины, находилась в постоянном гармоническом отношении к двум областям жизни: к семье и к любви... Отсюда ясны и цели полового воспитания. Мы должны так воспитать наших детей, чтобы они только по любви могли наслаждаться половой жизнью и чтобы свое наслаждение, свою любовь и свое счастье они реализовали в семье»¹.

Именно этот основополагающий принцип в изменившихся условиях жизни нашего общества реализовался в педагогической теории и практике В. А. Сухомлинского, отраженных в его трудах 60—70 гг. Половое воспитание, как часть нравственного воспитания, рассматривает, согласно В. А. Сухомлинскому, любовь как деликатнейшую сферу личности, вмешательство взрослых в которую должно быть очень тактичным и осторожным; оно направлено на формирование родительства и супружества, выработку и поддержание традиций социалистической семьи»².

Начиная с середины 60-х гг., усиливается внимание к проблемам семьи, мере выполнения ею своих социальных функций, а с начала 70-х гг. становится очевидной необходимость серьезной научной разработки проблем семьи, пола и сексуальности [Обозова А. Н., 1984]. Основные положения этого нового этапа сформулированы И. С. Коном (1966), подчеркнувшим, в частности, существование ряда объективных условий изменения моральных норм (увеличение разрыва между половым и социальным созреванием, урбанизация, уменьшение удельного веса семьи как фактора социализации, кризис двойного стандарта), наивность представлений об «естественных» нормах сексуальной морали и необходимость системной разработки проблем пола и сексуальности для педагогики.

Отличительной чертой этого продолжающегося этапа является развитие междисциплинарного сексологического изучения и обоснования практического полового воспитания.

Проведение организованного полового воспитания в школе возобновилось в разных районах страны в разное время. Так, в школах Эстонии включающий вопросы пола и сексуальности курс личной гигиены был введен в 1967 г. В последующем в республиках Советской Прибалтики, в ряде городов (Москва, Ленинград, Чебоксары, Андижан и др.), Краснодарском крае, Костромской области в школьные программы вводились различные формы полового воспитания: курсы «Основы советской семьи и семейного воспитания», факультативные курсы, кружки и клубы, освещающие в своей деятельности темы любви, брака, пола и сексуальности. Отдельные элементы подготовки к семейной жизни включались в работу учителей-предметников. По решению Министерства просвещения СССР, с 1983 г. в программы школ страны введены обязательные курсы «Гигиеническое и половое воспитание» в 8-м классе и «Этика и психология семейной жизни» в 9-м и 10-м классах, изданы пособия для педагогов и учащихся. Таким образом, организованное половое воспитание становится обязательным и повсеместным. На помощь в осуществлении семейного полового вос-

¹ Макаренко А. С. Избранные педагогические сочинения. Т. 2. М., 1977, с. 62.

² Теории А. С. Макаренко и В. А. Сухомлинского в их относящейся к половому воспитанию части нередко противопоставляются, а двадцатилетнее «белое пятно» в половом воспитании у нас в стране связывают с доминированием весьма «обуженных» взглядов А. С. Макаренко [Когакле«кг М., 1981]. Это, однако, не только неверная, но и очень внешняя, поверхностная сторона дела: общая ситуация этих двух десятилетий, определяемая предвоенной атмосферой, Великой Отечественной войной и послевоенным восстановлением, порождала задачи, с которыми теоретические дискуссии по сексологии и половому воспитанию были просто несоизмеримы, и отнюдь не только у нас в стране, но и во всей Европе.

питания направлена деятельность расширяющейся сети разнопрофильных служб семьи, общества «Знание», санитарно-гигиеническая пропаганда и т. д. Внедрение полового воспитания осуществляется с той степенью постепенности и осмотрительности, которые определяются региональными культурными особенностями и традициями нашей многонациональной страны, реальными ограничениями возможностей перестройки, связанных с полом стереотипов массового сознания, подготовкой кадров педагогов и воспитателей и, наконец, тем принципиальным обстоятельством, что создание адекватной системы полового воспитания не терпит штурмовщины и является задачей долговременной перспективы [Кон И. С., 1978].

Глава 2

СОДЕРЖАНИЕ, ПРИНЦИПЫ И ПУТИ ПОЛОВОГО ВОСПИТАНИЯ

Основные усилия воспитателей направлены на выработку у подрастающего поколения здорового и нравственного отношения к проблемам пола и сексуальности, а главным его результатом является умение правильно решать возникающие в жизни реальные проблемы, связанные с отношениями полов. Не существует единых для всех рецептов, а тем более — единственного рецепта «правильного» поведения в этой сфере жизни, реализующей важные потребности человека, относящейся к кругу основных жизненных ценностей, затрагивающей наиболее интимные и деликатные слои личности и ее бытия в мире, связывающей в индивидуальной биографии прошлое с будущим, реальное с идеальным, желательное с должным, индивидуальное с коллективным и общественным.

Это в значительной мере определяет тактику поведения врача и медицинского психолога, участвующих в половом воспитании. Они, безусловно, должны уметь дать четкие и конкретные советы по общим и конкретным вопросам, возникающим у родителей и воспитателей. Но путь к этому может быть разным. Можно просто иметь более или менее обширный перечень таких советов. Но довольно скоро становится ясно, что на все случаи жизни готовых советов быть не может, что от врача и психолога ждут помощи в решении конкретных проблем, каждая из которых в той или иной мере исключительна, индивидуальна, особена. Чтобы иметь возможность решать такие проблемы и помогать воспитателям учиться решать их самостоятельно, врач и психолог должны обладать панорамным видением полового воспитания. Оно предполагает знакомство с объемом и качеством содержания существующих программ, основными принципами полового воспитания и путями его проведения и дает возможность творчески, избегая догматизации и стереотипизации, осуществлять работу по половому воспитанию.

СОДЕРЖАНИЕ ПОЛОВОГО ВОСПИТАНИЯ

Все то, что воспитывает здоровую и целостную личность женщины и мужчины, способных адекватно осознавать и переживать свои физиологические и психологические особенности в соответствии с существующими в обществе социальными и нравственными нормами и благодаря этому устанавливать оптимальные отношения с людьми своего и противоположного пола во всех сферах жизни (общественная и производственная жизнь, супружество, родительство, досуговая деятельность и проч.), составляет содержание полового воспитания.

Оно включает в себя ряд аспектов: общесоциальный, этический, правовой, психологический, физиолого-гигиенический, педагогический, эстетический, хозяйственно-экономический [Этика и психология..., 1984]. Научным изучением проблем, связанных с полом человека как системой, занимается, как мы уже говорили, междисциплинарная сексология, и в этом смысле половое воспитание можно охарактеризовать как аспект прикладной сексологии.

Содержание полового воспитания конкретизируется в программах, рекомендованных Министерством просвещения СССР для 8-х, 9-х и 10-х классов, которые включают следующие темы:

Анатомо-физиологическая и гигиеническая часть. 1) половое созревание; сущность, признаки, понятие половой зрелости; 2) развитие ребенка до рождения; 3) особенности грудного ребенка; 4) уход за новорожденным; 5) личная гигиена школьника; 6) гигиена девушки; 7) гигиена юноши; 8) венерические заболевания.

Социально-психологическая часть. 1) личность, общество, семья: а) что такое личность, б) личность и самовоспитание, в) взаимодействие личности с обществом и семьей; 2) особенности межличностных отношений юношества: а) психология межличностных отношений, б) культура общения, в) нравственные основы отношений юношей и девушек, г) товарищество и дружба, д) любовь как высшее человеческое чувство, е) культура поведения влюбленных; 3) брак и семья: а) что такое готовность к браку, б) советская семья и ее функции, в) особенности молодой семьи; 4) основы семейных отношений: а) идейные ценности семьи, б) нравственные основы семьи, в) коллективизм социалистической семьи, г) психологический климат семьи, д) трудовая атмосфера семьи, е) бюджет и хозяйство семьи, ж) эстетика быта, з) последствия нарушений семейных отношений; 6) семья и дети: а) забота общества о детях, б) воспитание детей в семье, в) мать и отец — первые воспитатели, г) семья и детские воспитательные учреждения.

При обсуждении этой программы приходится сталкиваться с мнением о ее неудовлетворительности. Некоторые предпосылки такового содержатся уже в ее расхождении с предъявляемыми к ней основными требованиями. Так, в обосновании программы подчеркнуто, что «подготовка подрастающего поколения к семейной жизни должна осуществляться на всех (выделено нами — *Д. И., В. К.*) этапах его возрастного развития»¹, но отвечает она скорее не этому требованию, а устаревшим стереотипам обыденного сознания, нацеленным на начало полового воспитания лишь в подростковом возрасте. Примеры можно было бы умножить — за рамками программы оказались планирование семьи и рождаемости, медико-гигиенические и психологические аспекты контрацепции т. д. Программа далека от идеальной и нуждается в совершенствовании, но вывод о ее неудовлетворительности представляется слишком категоричным и малообоснованным.

Эта программа — лишь первый шаг, призванный решить неотложные и ближайшие задачи одновременно, тем самым подготавливая массовое сознание к созданию в стране единой системы полового воспитания. Программа — не просто официальный документ, обязательный для исполнения. Она реализуется в той мере, в какой она соответствует неформальным программам, задаваемым массовыми стереотипами и индивидуальным сознанием: официальная программа не должна ни отставать от культурных стереотипов, ни слишком опережать их — «шаг» прогресса должен быть таким, чтобы его можно было сделать. В противном случае сопротивление обыденного сознания может саботировать содержание программы либо превращать его в полную противоположность требуемому, в любом случае дискредитируя саму идею полового

¹ Этика и психология семейной жизни. М., 1984, с. 5.

воспитания. Нельзя забывать и то, что программа принята как обязательная для всей страны с ее чрезвычайно вариативными регионарными и культурными укладами; архаичное в одном регионе может выглядеть как безнравственный прогрессизм в другом. Нужна разработка регионарных вариантов единой программы.

Не менее очевидна необходимость разработки программы, действительно охватывающей все уровни возрастного развития ребенка. Но такая разработка не может быть подменена директивным введением новых разделов программы, а требует фундаментального научного и этического обоснования, серьезных исследований в области детской сексологии [Исаев Д. Н., Каган В. Е., 1981, 1986а] с учетом, как подчеркивает Т. А. Репина (1984), диалектики противоречий, возникающих в практической деятельности воспитателя и педагога. Цели, даже самые благородные, не могут заменить обоснований и средств: значение ошибок воспитания в раннем возрасте часто становится очевидным много позже. Сдержанность существующей программы не следует догматизировать, но уместность этой сдержанности на существующем этапе построения системы полового воспитания нельзя не признать.

ПРИНЦИПЫ ПОЛОВОГО ВОСПИТАНИЯ

Эти принципы определяют основы, на которых строятся половое воспитание в целом и позиции воспитателей. **Принцип идейности** предполагает решение задач полового воспитания в контексте воспитания гражданина, взаимообогащающее соотнесение индивидуальных и общественных интересов с целями и средствами полового воспитания.

Принцип реалистичности имеет в виду построение полового воспитания на основе реалистического понимания половой дифференциации, половых различий и человеческой сексуальности, а не на основе «положительных» или «отрицательных» крайних стереотипов обыденного здравого смысла. Далеко не все в психосексуальном поведении соответствует представлениям и желаниям воспитателей, и тем более не все произвольно и абсолютно регулируемо. Нереалистические требования к половому воспитанию, обращение к нему как к неотложному радикальному средству разрешения уже возникших проблем, превращение его в «профилактику сексуальности» дискредитируют саму идею полового воспитания.

Принцип перспективной инициативы исходит из того, что, разворачиваясь в настоящем и исходя из опыта прошлого, половое воспитание направлено на подготовку к будущему, а поэтому должно учитывать актуальные для воспитываемого поколения футурологические перспективы.

Принцип активности определяет ответственность воспитателей за иммунизацию против негативных влияний и побуждает не ждать детских вопросов или проблемного поведения, а пользоваться всеми подходящими ситуациями и при необходимости создавать их, чтобы снабдить подрастающее поколение необходимыми установками и сведениями.

Принцип оптимизации задач диктует необходимость достаточно гибко и оперативно соотносить перспективные цели полового воспитания с неизбежными ограничениями его возможностей.

Принцип выработки индивидуальных и социальных значений имеет в виду, что подрастающее поколение должно не только узнавать о поле и отношениях полов, но и вырабатывать индивидуальное эмоциональное отношение к ним, соотнесенное с социальным значением тех или иных проявлений пола. Очень важно, чтобы в восприятии и установках подрастающего поколения отношения между людьми разного пола (в частности — сексуальные) отражались как несводимые к генитальным контактам межличностные отношения. Нравственность

этих отношений может быть обеспечена лишь интернализацией социальных норм и выработкой на их основе индивидуально приемлемых ценностей и ориентации.

Принцип адресности подразумевает, что половое воспитание — это не преподнесение всем одних и тех же догматизированных «истин» в застывшей форме. Проведение полового воспитания (методы, стиль, объем информации и ее полнота и т. д.) должно соответствовать уровню психического и физического развития, учитывать социальный и культурный уровень аудитории, региональные стереотипы массового сознания и проч.

Принцип комплексности диктует планирование и оценку тех или иных конкретных мер как структурных элементов общей системы воспитания, социализации и просвещения.

Принцип непрерывности характеризует динамику полового воспитания как непрерывного последовательного и преемственного процесса, который начинается с раннего возраста и каждый этап которого является базой для последующих этапов.

Принцип повторения определяет многократное преподнесение образцов и сведений, которое обеспечивает достаточно глубокое их усвоение.

Принцип правдивости исключает ложные ответы и многочисленные способы ухода от ответов на интересующие подрастающее поколение вопросы: говорить всегда правду и только правду в соответствии с возрастом и возможностью понимания.

Принцип доверия предполагает серьезное отношение к переживаниям и интересам ребенка, желание и готовность понять их и исключает подозрения, высмеивание, тактику «презумпции виновности» ребенка в наличии у него проявлений пола.

Принцип контроля и поддержки предостерегает против слепого доверия, которое на практике оборачивается безразличием и сведением системы полового воспитания к стихийно-спонтанной социализации. Этот принцип побуждает воспитателя к ненавязчивым контролю и направлению поведения ребенка, осторожной и деликатной помощи ему в разрешении возникающих вопросов и проблем.

Принцип деловитости определяет «тональность» полового воспитания, в рамках которого недопустимы многозначительные намеки и интонации, двусмысленные утверждения и жесты, смущение и беспокойство взрослых. Для воспитателя важно свободное владение тематикой и терминологией без налета постыдности или скабрёзности, умение управлять собой и аудиторией.

Принцип чистоты предполагает отнюдь не сведение полового к его исключительно нравственной стороне, но нравственное наполнение и оформление данных о поле и отношениях полов, иммунизирующее против цинично-опошленного примитивного отношения к ним.

Принцип понятности и ясности не сводит работу по половому воспитанию к упрощенчеству или аллегориям «из жизни растений», а требует соответствия преподносимых правдивых сведений и желательных образцов этапу формирования личности ребенка, его мировосприятию и возможностям адекватного восприятия.

Принцип невозбуждения сексуального влечения имеет в виду необходимость удержания сексуального влечения в состоянии минимальной напряженности до выработки достаточно сильных осознаваемых способностей управлять своими влечениями и поведением. Как минимум, это означает, что половое воспитание не должно нести в себе элемента сексуальной стимуляции. Соблюдение этого принципа имеет особое значение в работе с подростками, хотя осуществить это особенно трудно из-за наличия пубертатной гиперсексуальности, а также вследствие того, что половое воспитание часто начинается лишь в этом возрасте.

Все эти принципы «работают» в той мере, в какой они определяют убеждения воспитателей и в какой половое воспитание реализуется на практике как неотъемлемая часть системы воспитания в целом.

ПУТИ ПОЛОВОГО ВОСПИТАНИЯ

Между различными влияниями и средами, на фоне которых осуществляется половое воспитание, не существует неодолимо жестких границ — все они так или иначе взаимосвязаны и обладают своим воспитательным потенциалом. Все пути полового воспитания — будь то социализация, воспитание в тесном смысле слова или просвещение — связаны с передачей норм полового и сексуального поведения: наследование традиций и обычаев, передача декларативного и реального аспектов обыденного сознания, литература и искусство, средства массовой коммуникации (печать, радио, телевидение), лекционная пропаганда, научно-популярная литература и т. д. Пути полового воспитания опосредованы и прямо или косвенно персонифицированы в широком круге людей, с которыми общается индивид и которые являются «проводниками» полового воспитания. В их качестве выступают не только родители, воспитатели и педагоги, но и сверстники, руководители детских и молодежных кружков, клубов, организаций, деятели литературы и искусства, работники средств массовой информации — словом, все те, чьи связанные с полом поведение и взгляды могут оказаться в сфере внимания ребенка и подростка. Если бы даже полный и категорический контроль всех путей полового воспитания и деятельности его проводников был возможен, то он был бы в лучшем случае нецелесообразен, ибо являл бы собой тот подход, при котором «...воспитание становится целенаправленным превращением в слепые орудия чужой воли» Речь должна идти об осознании воспитательного потенциала широкого круга путей и проводников полового воспитания, во многом дополняющих друг друга, с тем, чтобы на этой основе оптимизировать деятельность ответственных его проводников, наилучшим образом «вписать» ее в реальную жизнь и живое дело воспитания.

Семья — первый по времени и наиболее близкий к ребенку воспитатель. Решающее значение в полоролевом развитии детей обычно связывается с матерью. Мы все же склонны думать именно о семье, а не просто о каждом из родителей как воспитателе. Вклад матери и отца не определяется количественной меркой «больше — меньше», но существенно зависит от общей атмосферы в семье, системы отношений взрослых членов семьи друг к другу и ребенку. Соотнесения себя и семьи у взрослого и ребенка в известном смысле зеркальны: для взрослого семья — производное от «я», для ребенка «я» — производное от семьи. Важны поэтому не только согласованность и единодушие родителей в отношении к ребенку и проявлениям пола у него, и тем более — не только отношение каждого из них, но и объективная соотнесенность половых ролей родителей, их характеров.

Чем и как определяются и проявляются установки родителей в этом взаимодействии?

Самые общие черты этих установок связаны со стереотипами обыденного сознания. Из них родители исходят уже тогда, когда пытаются по подвижности плода «угадать» его пол. После рождения эти стереотипы актуализируются: родители видят в поведении ребенка признаки соответствия или несоответствия тому, какими в их представлениях должны быть мальчик или девочка. Соответствие так или иначе поощряется, несоответствие встречает сопротивление: «мальчики не плачут...» — и обычно плачущую девочку-младенца берут на руки скорее, чем мальчика. Поведение этого типа в основном произвольно и

¹ Азаров Ю. Этнография детства. Новый мир, 1984, № 7, с. 265.

мотивировано. Родители говорят или выражают своим отношением: «Ты — девочка, а девочки...» или «Ты — мальчик, а мальчики...».

Менее осознаваемой является зависимость поведения родителей от пола самого ребенка. Считается, что родители больше идентифицируют себя с ребенком своего пола и больше хотят быть моделью для него. На общение с детьми переносится стиль отношений между полами: отцы относятся к дочерям в некотором смысле как к маленьким женщинам, а матери к сыновьям — как к маленьким мужчинам. Суммируя данные многих исследований, Р. Огееп (1974) замечает, что отцы больше разговаривают с новорожденным сыном, в поведении же матери с мальчиками преобладают мышечные упражнения, а с девочками — речевое обращение. Первоначально предполагалось, что такое поведение матери индуцирует у мальчиков двигательную активность, а у девочек — вербальные способности. Это, вероятно, так, но, судя по многим другим данным, улавливаемые интуитивно или устанавливаемые методом проб и ошибок особенности реакций мальчиков и девочек побуждают родителей к разной манере поведения.

Важное значение имеет желанность или нежеланность пола ребенка. Для многих семей, ожидающих ребенка, вопрос «мальчик или девочка?» становится главным. Большинство в конечном итоге принимают фактический пол ребенка, но в некоторых семьях возникшая неудовлетворенность может долго влиять на отношение к ребенку, особенно — при личностной окраске неудовлетворенности. Порой эта неудовлетворенность чревата невротизацией ребенка.

Мы наблюдали 14-летнего мальчика в связи с выраженным истерическим неврозом. Он родился у матери, когда ей было 39 лет, вне брака, от нелюбимого ею, но любящего ее и «достойного» человека, в брак с которым, несмотря на все его настояния, она так и не вступила. Хотела и ждала только девочку, не допуская и мысли о возможности иметь мальчика. Была крайне разочарована и угнетена полом новорожденного, который к тому же «и в пеленках, а дальше — больше, был похож на отца». Вся ее последующая жизнь — это тяжелые метания между любовью к ребенку и полной отдачей себя его воспитанию, с одной стороны, и неизменно травмирующими ее сходством мальчика с отцом и любыми проявлениями маскулинности — с другой. Сверхлюбимый и сверхпекаемый мальчик был и сверхотвергаем. Кульминацией конфликта, пронизывавшего жизнь обоих, уже на фоне многолетнего невроза, был следующий эпизод. Мать, заинтересовавшаяся причиной его длительного пребывания в ванной комнате, когда ему было 13 с половиной лет, заглянула в слуховое оконце ванной комнаты, забравшись для этого на стремянку, и «чуть не свалилась от ужаса и омерзения».

Имеет значение, особенно в воспитании мальчиков, степень их маскулинности — фемининности в глазах родителей: недооценка приводит к стремлению стимулировать маскулинность через сверхтребования, непосильные для ребенка и снижающие у него ценность и силу «я», тем самым приводя чаще к феминизации, чем к искомому усилению маскулинности. Важна также оценка родителями собственных маскулинности — фемининности и динамики их развития. Установки этого уровня могут быть двойственны. С одной стороны, родители ждут от ребенка своего пола поведения, сходного с их собственным поведением в детстве, а с другой — реализации того, чего сами они хотели, но не достигли.

«Она такая же, как я в детстве, — говорит мать 5-летней девочки, — за всех волнуется, обо всех заботится, с удовольствием кормит отца и откуда-то знает, как себя с ним повести, когда он не в духе. Но я боюсь, что она утонет в доме, как я».

Дочери у понимающих и поощряющих матерей более активны, а у таких же отцов — более пассивны; и матери, и отцы поощряют активные у сыновей и социально-подражательные у дочерей игры, но на активную игру девочек матери реагируют нейтрально, а отцы ее не поощряют; дети реагируют не просто на поведение родителей, а на связанное с полом поведение, и роль отца, особенно для мальчиков, может быть даже более значимой [ВШег Н., 1971; ТайБег М., 1979]. Дело, однако, не в «измерении» значимости; роль отца имеет свои специфические особенности. В современной семье отец все больше выступает как

партнер матери по воспитанию детей, беря на себя возрастающую долю заботы о них. Патриархальные представления о роли отцовства (заметим, часто исповедуемые, как это ни кажется странно, женщинами) нередко еще сводятся к представлению о суровом и жестком главе семьи, распределяющем награды и наказания; на практике отцу отводится роль «палача», приводящего в исполнение приговор матери («Вот подожди — придет отец...»). Прогрессивная тенденция заключается в том, что роль отца как главы семьи сменяется ролью более уравновешенного, стабильного, сильного друга жены и детей: от него ожидаются сдержанность в проявлении чувств при безусловном наличии этих чувств, справедливая и беспристрастная оценка положительных и отрицательных событий. В этой уравновешенности, объективно демонстрирующей самостоятельность, самоуважение и силу, как раз и состоит основной «секрет отцовства». Меняется роль матери — на общении с детьми сказывается «эмансипационная маскулинизация» женского поведения, благодаря которой женщина нередко стремится доминировать и над мужем, и над детьми. Разнонаправленность динамики отцовства и материнства заострила вопрос о праве каждого из них на воспитание детей при распаде семьи — это отражается в участившихся дискуссиях в массовой печати на эту тему, в нередко выражаемом желании детей (причем, по нашим наблюдениям, и мальчиков, и девочек) жить с отцом после развода родителей. В гармоничной же семье мать с раннего возраста обучает ребенка тому «как», а отец — тому «что»; отец учит детей быть «кем-то», а мать — «кем-то для кого-то».

Вопрос о половом воспитании в неполной семье не столь прост, как это иногда представляется. Безусловно, неполнота семьи не оптимизирует развития ребенка. Но сводить вопрос о неполной семье лишь к фактическому отсутствию отца и видеть в этом исключительно отрицательное влияние на половое воспитание было бы, на наш взгляд, неверно. Отец должен быть представлен в психологии ребенка. Мы видим семьи, в которых роль существующего отца «сведена на нет», и семьи, в которых фактически отсутствующий отец незримо присутствует в доме. В этом плане показательны имеющиеся у нас наблюдения детей 2,5—5 лет (мальчиков и девочек), агрессивно-расторженное поведение которых полностью нормализовалось при появлении в доме портрета отца. По нашим данным, значима, как правило, не сама по себе неполнота семьи, а травмирующий ребенка негативный образ отца, создаваемый живущими с ним взрослыми, либо непредставленность отца в мировосприятии ребенка. С известной долей условности можно сказать, что для ребенка глубоко значимо порой не только то — присутствует ли отец рядом с ним, сколько то — есть ли у него отец и «хороший» ли он.

В полной семье даже самые сдержанные родители не могут не демонстрировать ребенку стиль отношений между собой. Этот стиль информирует отнюдь не только о моральной, но и о психосексуальной сторонах отношений между людьми вообще и между родителями. Забота друг о друге, прикосновения, объятия, поцелуи, не всегда произвольно контролируемые эротические реакции и т. д. постепенно вводят ребенка в стиль отношений мужчины и женщины.

Каково отношение взрослых к сексуальным проявлениям у детей? В поисках ответа на этот вопрос одним из нас (В. Е. Каган) были обследованы с помощью методики семантического дифференциала 50 студентов (44 женщины и 6 мужчин) 5-го курса — будущих врачей-педиатров, реальных и будущих родителей. Все они оценивали детскую сексуальность как достоверно более маскулинное проявление. Характеристики понятий «сексуальность» и «детская сексуальность» оказались ярко различающимися (рис.3). В установочных представлениях мужчин и женщин детская сексуальность связывалась с болезнью, которая пугает, ассоциируется со стыдом и брезгливостью. Эти выводы подтвердились и при обследовании детских психиатров (21 женщина и 6 муж-

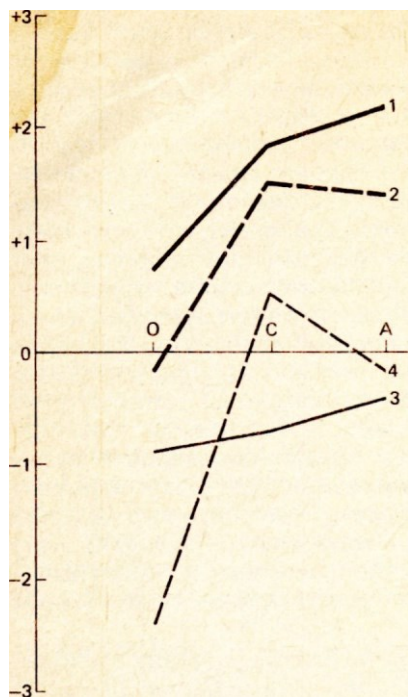

Рис. 3. Факторные показатели семантического шкалирования понятий «сексуальность» и «детская сексуальность».

1 —показатели мужчин; 2 женщин для понятия «сексуальность»; 3 мужчин и 4 — женщин для понятия «детская сексуальность». По оси абсцисс — баллы, по оси ординат — факторы оценки (O), силы (C) и активности (A).

чин со стажем работы не менее 3 лет) (рис. 4). Трудно допустить, чтобы столь отчетливо выраженные репрессивные установки не сказывались в их реальном поведении и как родителей, и как педиатров — консультантов семьи.

В целом следует отметить, что родители и семья являются первыми воспитателями ребенка; они не односторонне влияют на ребенка, а взаимодействуют с ним; это взаимодействие во многом определяется соотношением пола ребенка и родителей и отношением последних к полу ребенка: важная роль отношений взрослых между собой подчеркивает роль семьи как воспитателя; половое воспитание в семье ключевым образом влияет на восприятие ребенком разворачивающихся позже более широких влияний; успеш-

ность полового воспитания в семье зависит и от выраженности маскулинности — фемининности у ребенка.

Сверстники. Их роль в половом воспитании обычно определяется тем, чего не делают взрослые. Именно они оказываются основным источником информации о половых различиях и сексуальном поведении [Исаев Д. Н., Каган В. Е., 1979; Оа^поп Л., 1977]. Эта информация немедленна, откровенна и реалистична, но и очень неточна, часто опошлена. «Улица воспитывает. Сокрушаться по этому поводу бесполезно, да и неразумно. Лучше подумать: как помочь улице в ее воспитательной работе»¹. Принципиально важным при этом является признание существования особой, преимущественно скрытой от глаз взрослых, детской субкультуры: ребенок — «не только объект воспитательных воздействий со стороны взрослого, но и субъект познания и общения, носитель и творец собственной культуры»². «Педагогизированное» сознание взрослых, отмечает М. В. Осорина, — связано со стереотипными образами детства, беспочвенно однозначными представлениями о правилах поведения так называемого «нормального» ребенка, непониманием половозрастных особенностей детского восприятия и творчества, стремлением подчинить ребенка, игнорированием или отверганием многих сторон и проявлений детской субкультуры — «страшилок», изученных и описанных О. Н. Гречиной и М. В. Осориной (1981); «неприличного» и потаенного детского эротического фольклора [Осорина М. В., 1985]; детских «магии», дразнилок, пародичности поведения и т. д. Характерной чертой детской субкультуры «...является ее демонстративное противостояние «правильному» и нередко подавляющему миру взрослых и даже пародирование этого мира, позволяющее детям почувствовать свою самостоятельность, утвердить

¹ Жуховицкий Л. Свободное время школьников. М., 1969, с. 68

² Осорина М. В. Современный детский фольклор как предмет междисциплинарных исследований. Сов. этнография, 1983, № 3, с. 35.

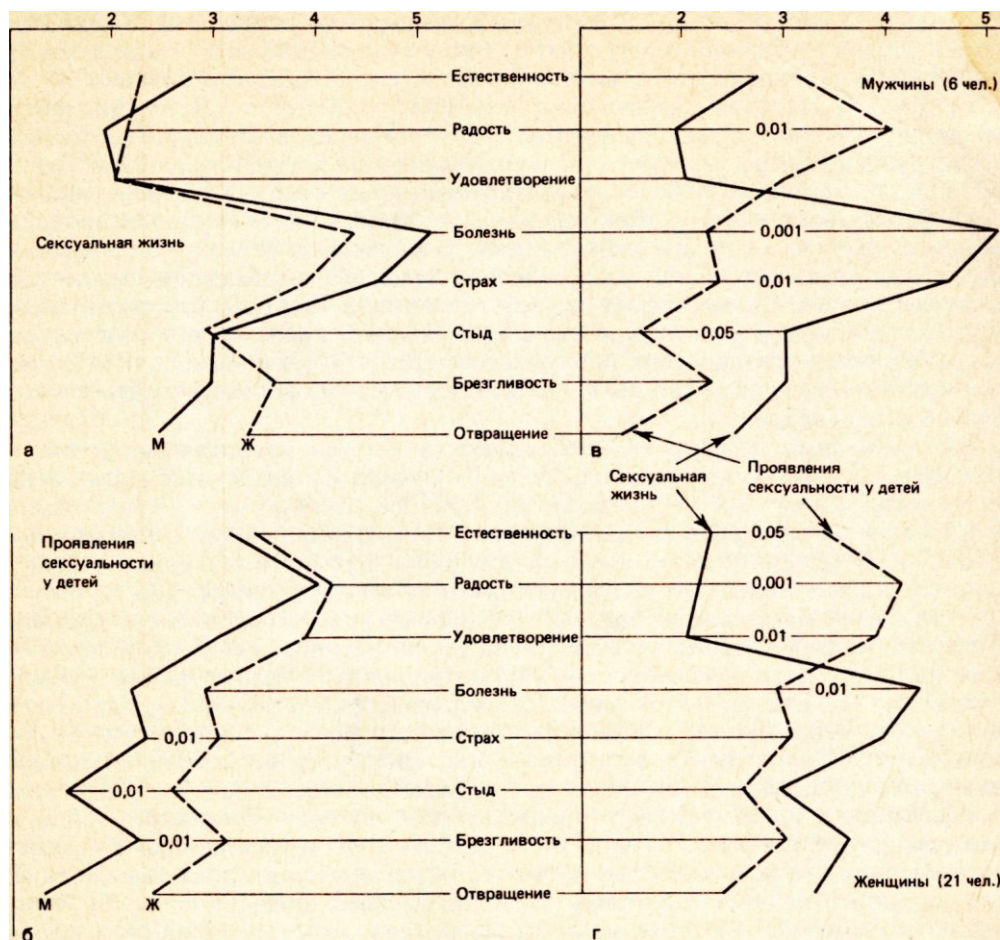

Рис. 4. Отношение к понятиям «сексуальная жизнь» и «проявления сексуальности у детей» у детских психиатров.

а - отношение к понятию «сексуальная жизнь» — сравнение показателей мужчин и женщин; б то же для отношения к понятию «проявления сексуальности у детей»; в — сравнение отношений к исследуемым понятиям у мужчин; г — то же у женщин. Указаны только достоверные различия. По оси абсцисс — показатели расстояний между понятиями «сексуальная жизнь», «проявления сексуальности у детей» и терминами, выражающими отношение (по оси ординат).

собственные нормы и ценности»¹. Уже сама по себе поразительная устойчивость традиций детской субкультуры, переходящих из поколения в поколение, несмотря на борьбу с ними взрослых (например, надписей и рисунков на стенах), заставляет предположить их существенность для детского развития. На всех возрастных уровнях детской субкультуры традиции девочек и мальчиков существенно различаются, что привлекает возрастающее внимание исследователей. Именно в среде сверстников ребенок может испытывать себя как представитель пола, апробировать усваиваемые полоролевые установки в нерегулируемом взрослыми общении. Дети подкрепляют друг у друга соответствующее полу поведение, а вызывающее отрицательное отношение сверстников поведение, не соответствующее полу, прекращается быстрее, чем подкрепляемое.

¹ Осорина М. В. Современный детский фольклор как предмет междисциплинарных исследований. Сов. этнография, 1983, № 3, с. 36.

Эти данные ДА. ЕатЪ и соавт. (1980) тем более значимы, что на них не повлияли индивидуальные вариации чувствительности к поощрениям и наказаниям. С возрастом осознаваемые и мотивированные отрицательные реакции на несоответствие поведения сверстника (-цы) полу учащаются. Наблюдая около 500 детей от 3 до 5 лет, В. ЗеедтШег (1980) пришел к выводу, что половая роль — один из самых распространенных механизмов детского научения. Если в общении со взрослыми ребенок ориентируется на стандартные стереотипы полоролевого поведения, то в общении со сверстниками он *практически* прodelывает динамику половой дифференциации. В детской субкультуре происходит важнейшая часть того процесса, в котором «ребенок в известном смысле сам является творцом своего воспитания. В том смысле творцом, что воспитывает та деятельность, которая исходит из души ребенка, является его собственной деятельностью, основанной на побуждениях его „я"» [Азаров Ю., 1984]. Роль и значение детской субкультуры в половом воспитании сколько-нибудь серьезно пока не исследованы.

Но уже само допущение необходимости ее для развития личности, ее существование могут избавить взрослых от многих неадекватных шагов в половом воспитании.

Организованное обучение и воспитание. Не так давно вопрос о половом воспитании в структуре организованного обучения и воспитания практически не стоял. И сейчас сохраняют свою актуальность многие возражения педагогов и воспитателей против этой работы, на которые врач должен уметь аргументированно возразить. Педагогическая нагрузка за счет полового воспитания не возрастает, так как основная его часть должна быть «растворена» в других предметах. Те, кто пытается работать по введенной программе, ссылаются на свою неосведомленность и неподготовленность, но это лишь актуализирует вопрос о такой подготовке, которая не противоречила бы и личным интересам педагога. Различный уровень развития детей должен, конечно, учитываться, но едва ли он имеет большее значение, чем во всех остальных областях педагогики. Реализация мнений о желательности индивидуальной работы с детьми привела бы к практическому ее отсутствию, ибо даже при желании педагога она связана с высокими психологическими перегрузками, на много большими, чем при работе с классом. Передача детям необходимых общих сведений педагогом обеспечена его профессионализмом, тогда как врачу даже высокой квалификации она едва ли доступна в силу педагогической неподготовленности и неизбежной ограниченности своей сферы знаний (по данным бесед с директорами школ видно, что для таких бесед они склонны приглашать психиатра, уролога, венеролога, иногда — психолога). Так обстоит дело в школе. В дошкольном организованном воспитании половое воспитание не представлено вообще; лишь некоторые воспитатели интуитивно реализуют дифференцированный подход к мальчикам и девочкам, акцентируя внимание детей на обязанностях мальчиков помогать и уступать девочкам, не обижать их, заступаться за них и т. п. [Репина Т. А., 1984]. Нельзя не отметить явную односторонность этой интуитивной тактики, которая весьма красноречива как характеристика воспитания, осуществляемого почти исключительно женщинами: воспитываются не взаимоотношения мальчиков и девочек, а одностороннее должествование мальчиков. Если в семье эта «фемининная педагогика» хоть отчасти компенсируется возрастающим участием отцов в воспитании, в школе необходимое выравнивание запрограммировано школьной реформой, то в детском саду она остается пока абсолютным принципом воспитания, казуистические исключения из которого лишь подтверждают его. Отмечая необходимость учета диалектики противоречий, с которыми сталкивается педагог в детском саду, Т. А. Репина пишет: «Перед педагогом встает сложная задача — найти пути, способствующие дружбе между мальчиками и девочками,

и вместе с тем не тормозить процесс половой дифференциации»'. Сгладить эти противоречия, полагает Т. А. Репина, могут учитывающие интересы и мальчиков, и девочек сюжетно-ролевые игры. В спонтанных детских играх так и происходит.

Но организация таких игр педагогом предполагает его участие, а при существующем в дошкольном воспитании положении в таких организованных играх будет не хватать только одного участника — мужчины.

По существу аналогичное положение сохраняется и в школе вплоть до 8-го класса, когда подросткам впервые будут преподнесены сведения о воспроизводстве человека. До этого времени половое просвещение практически педагогами не осуществляется и не имеет методических основ, а воспитание продолжает линию должностования мальчиков и носит характер односторонних деклараций типа: «Девочка — будущая женщина, это мать и сестра». Половая социализация в школе пока определяется преобладанием женщин среди преподавателей.

Дискуссия о том, кто — школа или семья — должен проводить половое воспитание, еще недавно разрешающаяся приглашениями врача для бесед с подростками и упованиями на средства массовой коммуникации и искусство, сегодня уже не носит столь острого характера, как это было до введения в школах соответствующего курса. Но отношения в треугольнике «семья — школа — медицина» все же требуют уточнения. Врач, даже если он обладает более или менее интегрированным запасом сведений (в процессе обучения он их не получает; в программах циклов усовершенствования вопросы детской сексологии обычно если и затрагиваются, то лишь очень бегло), ни физически, ни за отсутствием педагогического опыта не может быть ни основным, ни — тем более — единственным проводником полового воспитания, но он может и должен, как мы уже отмечали, быть консультантом, а при необходимости — и воспитателем воспитателей (родителей, педагогов). Но и при этом сохраняется вопрос: какой именно врач? Задачи дошкольно-школьных отделений детских поликлиник ограничиваются соматической медициной — ни психогигиена, ни психогигиена пола в них не входят. Безусловно, минимумом знаний этого рода должен владеть каждый педиатр. Но когда за дело отвечают все, то практически не отвечает никто. Между тем, именно до школьно-школьные отделения в силу своего места в системе здравоохранения и воспитания, по нашему мнению, могли бы стать такими психогигиеническими центрами, работающими в непосредственном контакте с отделами народного образования.

Литература и искусство — специфические средства познания мира, содержательной осью которых так или иначе является поиск смысла жизни и места человека в ней; они никогда не обходили вопросов пола, сексуальности, эротики. В русских народных колыбельных песнях прямо отражались полоролевые стереотипы: «Баю-баю девушку — /На полянке жнеюшку, /На лужке грабеюшку, /У стола стряпеюшку, / — У окошка швеюшку./Баю-баю паренька — /На полянке пахарька, /— На гулянке форсунка, /На беседе плясунка»². Целомудренная откровенность народного творчества воспринималась лучшими литераторами: «Кабы я была царица, — /Третья молвила сестрица, — /Я б для батюшки-царя/Родила богатыря ... Царь недолго собирался:/В тот же вечер обвенчался./Царь Салтан за пир честной/Сел с царицей молодой;/А потом честные гости/На кровать слоновой кости/Положили молодых/И оставили одних ...А царица молодая, /Дела вдаль не отлагая/С первой ночи понесла»³.

¹ Репина Т. Д. Особенности общения мальчиков и девочек в детском саду. Вопросы психологии, 1984, № 4, с. 69.

² Русская народная поэзия. Л., 1984, с. 243.

³ Пушкин А. С. В кн.: Сказки русских писателей, М., 1984, с. 24.

Волшебная сказка несет в себе образы сложных концептуальных трактовок пола. Образ Бабы-Яги это образ, в известном смысле, антиженщины, т. е. женщины (физически) без женственности (душевно). Интересно, что у детей образ Бабы-Яги не связывается со страхом боли, физических страданий, но всегда (даже у самых маленьких, не знающих еще, что такое смерть) со страхом небытия — отрыва от матери, разлукой с ней навсегда. Отец 5-летнего мальчика, возражая против мнения жены о болезненности страха Бабы-Яги у сына, сказал: «Я думаю, что это и не страх даже, хотя он боится. Помню — в детстве Баба-Яга казалась мне уродливо женственной. Она была для меня антиподом мамы, который хочет казаться моей мамой, отнять меня у нее, утащить в какую-то жуткую тьму. От этого я начинал особенно сильно любить маму. От чего же тут лечить? Это — корни любви». Анализ значения сказки в половом воспитании — задача особая, ждущая своего исследователя. Мы лишь хотели обратить внимание на это значение.

Если сказка почти не встречает препятствий на пути к ребенку, то с литературой и искусством вообще дело обстоит сложнее. В силу некоей молчаливой договоренности взрослые склонны делить произведения искусства на «полезные» и «вредные», «возвышающие» и «развращающие», «педагогические» и «антипедагогические», устанавливая цензуру в чтении и знакомстве с ними, ограждая детей и подростков от всякой информации, трактующей отношения полов, телесность пола, многомерность отношений мужчины и женщины. «Но прекрасное существует. Существует мудрый Рембрандт и неумный Рубенс; существует грозный в своем смехе Рабле и веселый Бокаччо. И весь ужас в том, что существуют они уже задолго до того, как нашим мальчикам и девочкам стукнет по шестнадцать лет. Но если этим мальчикам и девочкам постоянно талдычить, что под одеждой все люди голые и при этом они еще делятся на мужчин и женщин (какой позор!), старик Рабле помрет, не родившись в их сознании, потому что побегут они не к нему ..., а к замочным скважинам. Потому что легче всего научить человека видеть мир через замочную скважину»¹.

Беда не литературы и искусства, а воспитания, когда интерес к миру отливается в форму самодовлеющего сексуального любопытства.

Воспитательное значение воспеваемой литературой и искусством возвышенной, романтической любви несомненно. Но любовь несводима только к ее платонической стороне: «Когда описывается жизнь Дафниса и Хлои, их любовь легка, они освобождены от необходимости быть такими, как все. Им надо объяснять, что такое любовь даже в техническом смысле. Они такие, какими никто никогда не бывал»². Поэтому надежды части взрослых на то, что дистиллированные их отбором литература и искусство могут обеспечить задачи полового воспитания, нереалистичны и наивны. Литература и искусство создают неограниченные возможности выработки позитивного отношения к полу, одухотворения человеческой сексуальности только при ясном понимании взрослыми важности не регламентации восприятия, а помощи в формировании отношения к воспринимаемому.

Вместе с тем, к современной литературе можно предъявить некоторые претензии. Мы сталкивались с мнением о том, что такие претензии необоснованны, что психогигиена пола не может быть руководством для литератора. Но вот что говорят сами литераторы: «...адультер стал общим местом многих современных рассказов, повестей, романов, спектаклей, фильмов... Конечно, не писатели ввели моду на адультер..., но многие из них ответственны

¹ Лиходеев Л. И. Искусство это искусство М., 1970, с. 156.

² Шкловский В. Диалоги с прошлым, — Новый мир, 1984, № 1, с. 234—235.

за ее распространение тем, что эксплуатируют ее на бытовом уровне, „не подвергая ни серьезному анализу, ни тем более нравственной оценке и моральному суду. Более того, авторитетом литературы они невольно (даже вопреки субъективному намерению) «санкционируют» ее, ибо слишком уж беззаботно, безответственно, а порой даже смакуя, расписывают супружеские измены... Урон несут не столько душа отдельного человека, но и семья в целом как общественный институт»¹.

Средства массовой коммуникации в современном мире образуют один из важнейших путей воспитания. Их педагогический потенциал становится предметом возрастающего внимания. Массовость аудитории, живость, разноплановость, вариации форм подачи и интерпретации делают их чрезвычайно привлекательными для детской и молодежной аудитории. Не только специально посвященные вопросам любви, брака, семьи, пола материалы, но и развлекательные программы могут серьезно служить целям полового воспитания. Технические возможности делают их эффективными ретрансляторами литературы и искусства. Казалось бы, они могут стать основным и главным каналом полового воспитания, — тем более, что они не связаны с эмоциональными барьерами личного контакта. Это, однако, не так. Им недостает персонификации информации через референтных лиц, способствующей более глубокому запечатлению. Они могут порождать чрезмерно унифицированные стереотипы и становиться психотравмирующими для тех, кто этим стереотипам не соответствует. Массовость аудитории может обернуться и недостатком, когда искаженные смыслы, порождаемые даже просто не совсем точными формулировками, распространяются «массовым тиражом». Они воспринимаются сквозь призму уже сложившихся установок, а потому не имеют точно планируемого эффекта: одного информация о противоправном сексуальном поведении приводит к формированию нравственных «табу», а другого притягивает.

Научная популяризация и санитарно-просветительная работа. Еще в 1978 г. Д. В. Колесов и Н. Б. Сельверова отмечали недостаточность методологической разработки проблем полового воспитания и представленность работ по половому воспитанию в основном популяризацией, отражающей не столько научные исследования, сколько обыденный здравый смысл и благие намерения авторов. Этот пробел призвана восполнить междисциплинарная сексология [Кон И. С., 1981, 1984]. Однако пока это не изменило заметным образом ситуацию, характерную не только для полового воспитания: «... методологическая нагота, прикрываемая в академических работах специальным и, как правило, ограниченным характером задач, ... неприкрыто влияет именно в работах популярного жанра. Не парадокс, а элементарная истина заключается в словах о том, что популярная книга — самый трудный из всех жанров»². Не менее, если не более трудным жанром является популярная лекция на темы пола и сексуальности. Среди немногих серьезных книг для взрослых следует назвать работы Н. М. Ходакова (1979) и В. З. Владина и Д. З. Капустина (1981), осуществленный в Кишиневе перевод книги чешских авторов [РопёеПскоч'а-Ма^ои'а Л., РогскПсек Л., 1981].

Литература для подростков изобилует просчетами, связанными с игнорированием половозрастной психологии читателя, отсутствием не только методологического, но и методического обоснования.

Ведущей остается тенденция подменять вопросы пола общегигиеническими проблемами, а вопрос о том, как проводить половое воспитание — морализирующими формулировками общего типа. Дело не в обсуждении тех или иных

¹ Сушков Б. «Ах, амур проклятый», или адюльтер оптом и в розницу. Литературная учеба, 1985, № 1, с. 124 -127.

² Лотман Ю. М. Биография — живое лицо. Новый мир, 1985, № 2, с. 230.

конкретных лиц, организаций и изданий — все они по мере сил стремятся ликвидировать дефицит знаний населения в области пола и сексуальности и уже тем самым заслуживают признательности. Но сексология, психогигиена пола и половое воспитание — не область проявления житейской мудрости авторитетных в других областях знаний специалистов, а специальная сфера теории и практики. На повестке дня стоит вопрос о необходимости коллегиального и профессионального поиска форм и методов, позволяющих преодолеть существующие трудности. Создание серии научно-популярных изданий для всех контингентов читателей (детей, подростков, юношей и девушек, молодых супругов, родителей, педагогов и воспитателей) должно, по нашему убеждению, стать ближайшей задачей авторских коллективов, состоящих, по крайней мере, из сексолога, детского сексолога, психолога, педагога, врачей, обладающих необходимым для популяризации литературным даром. Одна хорошая книга, обеспечивающая читательский спрос, лучше множества посредственных, тем более, что посредственность в этой области может быть ятрогенной.

В едва ли не единственной, известной нам, серьезной работе по методике научной популяризации знаний о поле и сексуальности Г. С. Васильченко и Ю. А. Решетняк пишут: «...предрешая вопрос о том, что может интересовать данную возрастную группу, а что не может, заранее искажают образ ее истинных интересов, а это искажение создает замкнутый круг: искажение запроса — искажение ответа — искажение запроса»¹. Применительно к лекционной работе они подчеркивают важность оптимальной организации аудитории, как минимум, по возрасту и полу.

Врачу приходится выступать в роли не только собственно лектора, но в известной мере и в роли организатора и «режиссера» лекционной работы. Положение, при котором врач — лишь «исполнитель заказа», нельзя считать верным, так как сам этот заказ часто диктуется неадекватными мотивами, например, стремлением при помощи лекции остановить вспыхнувший в классе или в школе интерес к сексуальной стороне жизни, предупредить подростковую беременность — причем толчком к такому заказу является сексуальный проступок, ранняя беременность и т. д. По существу, от врача при этом ждут не просвещения и воспитания, а неотложной помощи, оказать которую лекция не может, либо сообщений, продолжающих начатую педагогами линию запугивания. Порой такое содружество с врачом оборачивается попытками педагогов переложить на него едва ли не всю программу полового воспитания. Беря на себя исполнение подобных ролей, врач всякий раз испытывает неудовлетворенность своей деятельностью и, мягко говоря, не способствует постановке оптимального полового воспитания.

Можно ли избежать таких ситуаций, порой навязываемых врачу педагогами, общественными организациями, а иногда и органами здравоохранения? На наш взгляд — да. Для этого усилия врача должны быть направлены на *системное* построение работы. Начинать ее лучше всего с педагогов, взгляды которых на уместность полового воспитания и различных его форм очень неоднородны. Задача врача на этом этапе: подготовить в педагогическом коллективе такое отношение к вопросу, при котором педагоги смогут быть союзниками и помощниками врача в работе с родителями и детьми. В это же время врач стремится привести педагогов к адекватному пониманию возможностей медицины в половом воспитании. Тогда на следующем этапе — работы с родителями — участие врача может быть уже меньшим. Он берет на себя лекции по медицинским аспектам полового воспитания, оставляя более широкие воп

¹ Васильченко Г. С., Решетняк Ю. А. Системный подход к психогигиене половой жизни (информационно-социологические аспекты). В кн.: Диагностика, лечение и профилактика половых расстройств. М., 1978, с. 29.

росы педагогам и другим специалистам (психологу, юристу и т. д.). Лишь на этом фоне может быть развернут третий этап: непосредственная работа с детьми и подростками, к которой они теперь подготовлены усилиями педагогов и родителей. Начиная работу прямо с третьего этапа, врач рискует вызвать скрытое или явное неодобрение семьи и школы даже тогда, когда он действует абсолютно верно в пределах частных задач. Порой это неодобрение принимает формы общественного или административного осуждения, надолго блокирующего врача как проводника полового воспитания. На первый взгляд, построение такой системы санитарно-просветительной работы требует значительного опыта. В действительности же, чем меньше опыт лекционной работы, тем настоятельнее потребность в создании такой системы; именно она может «подстраховать» малоопытного лектора и, более того, именно такая система, участвующие в ней педагоги и родители могут оказать врачу неоценимую помощь, пренебрегать которой едва ли разумно. В союзе же с опытным лектором-врачом такая система значительно увеличивает эффективность своей деятельности.

В специальном обсуждении нуждается тематика врачебных лекций. Прежде всего это специальные медицинские вопросы: медицинские аспекты полового созревания, аборт, контрацепция, ранняя беременность и ее влияние на здоровье матери и ребенка, венерические заболевания и др. Названия таких лекций должны быть деловыми и четкими, лишеными завлекательности и игривости, которые могут перевешивать эффект самой лекции («Откровенный разговор о самом сокровенном», «Вредные привычки у подростков» и др.). Едва ли следует врачу читать лекцию для подростков «О любви» — это сводит сложнейшее интимное и возвышенное явление к сугубо медицинским аспектам, что неверно в своей основе. Но подготовленный врач вполне может обсуждать вопросы психологии отношений любящих и супругов, пути предупреждения и разрешения партнерских конфликтов. Многое здесь зависит от индивидуальных особенностей врача, круга его интересов, наконец, просто человеческой широты. Использование готовых «фондовых» лекций и конспектов возможно лишь в крайних случаях: любая аудитория быстро улавливает, когда лектор «поет с чужого голоса», говорит о непродуманном им и неинтересном для него самом, теряет при малейших попытках варьировать содержание или при выходящих за пределы конспекта вопросах. Особо чувствительны к этому подростки.

Одна из типичных трудностей связана с решением вопроса о совместных для мальчиков и девочек или отдельных лекциях. Однозначного решения быть не может, так как в первую очередь это зависит от темы. Конечно, о гигиене менструального периода надо рассказывать девочкам отдельно, как и мальчикам о поллюциях и мастурбации. Но общее знакомство со всеми вопросами вполне возможно в смешанной по полу аудитории. Многое зависит от возможностей и позиций самого врача, и уместно, стремясь к расширению диапазона своих возможностей, в каждый настоящий момент действовать в пределах своих способностей. Мы неоднократно убеждались в том, что за редким исключением углубленного изложения специфически «мужских» или «женских» тем работа в разнополой аудитории успешнее и эффективнее: она подготавливает к взаимоотношениям на основе достаточного знания об особенностях людей своего и другого пола, снимает налет стыдной тайны с обсуждения психосексуальных проблем, стимулирует чувство взаимной ответственности.

Порой полагают, что задача лекции — сообщение информации, и только. Будь это так, лекции были бы излишни уже потому, что ни один лектор не может дать информации больше, чем содержится в литературе. Но он дает ее *иначе* — в живом общении, с поправкой на реакцию аудитории, из души в душу, способствуя выработке оптимальных личностных смыслов. По существу,

в лекционной работе применимы многие приемы психотерапии, психологической коррекции. Поэтому знакомство с методическим аппаратом психотерапии и психологической коррекции оказывает лектору неоценимую помощь, давая возможность сознательно использовать приемы рациональной психотерапии, переубеждения, внушения, массовой психотерапии, групповой дискуссии и г. д.

Наконец, проводящий половое воспитание врач должен отдавать себе как можно более ясный отчет в собственном отношении к проблемам пола и полового воспитания и соотносить их с задачами и принципами полового воспитания с тем, чтобы избежать прямой проекции личного опыта на воспитательную работу и консультирование. В известном смысле тестом может быть категоричность личных позиций, непримиримость к другим подходам и мнениям — они, как правило, указывают на существование травмирующих моментов в личном опыте. Обнаружив у себя эти черты, врач должен попытаться понять истоки их и сделать на них поправку. В противном случае он рискует превратить санитарно-просветительную работу в области полового воспитания в навязывание аудитории своих взглядов, подменяющих содержание программ полового воспитания. Это, как мы думаем, одна из наиболее трудных задач, которая не может быть решена всеми одинаково быстро, успешно, а тем более — одинаковыми путями. И это то обстоятельство, благодаря которому, выступая в роли консультанта и воспитателя воспитателей и подрастающего поколения, врач не может не быть воспитателем и себя самого.

Непосредственный результат плохо прочитанной лекции, разумеется, не обнаруживает себя так ярко, как результат плохо проведенной хирургической операции, во всяком случае, лектор его не наблюдает. Это может создавать впечатление полного благополучия в области полового воспитания тогда, когда до благополучия далеко. Поэтому на врача-организатора, обеспечивающего работу в этой области, ложится задача налаживания обратных связей с аудиторией и отбора врачей, желающих и способных осуществлять половое воспитание: формальный учет количества прочитанных лекций и недифференцированная «обязаловка» здесь просто вредны.

**
*

Если оценивать далекие перспективы системы полового воспитания, то она, видимо, должна будет на новом витке спирали общественного развития воспроизводить основную закономерность «повторяющихся культур», т. е. стремиться к единству социализации, воспитания и просвещения. В процессе же создания этой системы на сегодняшнем его этапе, закладывающем основы такого единства, необходимо четкое и содержательное определение всех путей и проводников полового воспитания, выявления их воспитательной потенции.

Создание такой системы неотделимо от прогресса общественного развития. «Длительное время — как минимум на протяжении первой, начальной фазы развития новой формации ... весьма существенные элементы старой культуры оказываются еще вкрапленными в культуру нового типа. В этот период культура нового типа существует еще в неразвитом виде, а во многих своих аспектах и вовсе еще лишь как доминирующая тенденция развития. Далеко еще не преодоленными оказываются те или иные элементы старой культуры, хотя общая смена ее исторического типа уже налицо. Культура социалистического общества — первой, начальной фазы коммунистической формации — не представляет собой в этом отношении исключения ... надо, безусловно, фиксировать наличие в культуре социалистического общества заметных рецидивов традиционных культур... Эти элементы старой культуры существуют не обособленно, не строго отграниченно от ткани новой культуры, а переплетаются с ней.

образуя порой весьма причудливые сочетания, где существуют и взаимодействуют противоречащие друг другу (вплоть до полного взаимоотрицания) элементы старого и нового»¹. Эта характеристика текущего этапа культурного строительства, составной частью которого является и половое воспитание, диктует необходимость инициативы, но и обязывает к осмотрительности, к тщательному обоснованию и поиску путей, форм и методов работы. Половое воспитание не должно ни отставать от развития культуры, ни быть на повесту у любой культурной тенденции, ни оставлять позади существующую культуру. Но оно обязано соответствовать основным позитивным потенциям развивающейся культуры коммунистической формации и систематически следовать им, избегая таким образом искажающих влияний существующих противоречий.

Решая эти задачи, медицина и медицинская психология не должны лишаться основного своего предмета — охраны физического, психического и сексуального здоровья подрастающих поколений. Это требует соотнесения общих задач, путей и методов полового воспитания с закономерностями психосексуального развития, его возрастными особенностями.

Глава 3

ПОЛОВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

Половое воспитание вступило в новый этап, когда оно уже не может определяться только благими намерениями воспитателей, какими бы высокими целями эти намерения ни диктовались. Воспитание, по существу, есть управление развитием личности. Но никакое управление невозможно без знания управляемых структур и их взаимоотношений между собой. А даже будь оно возможно — между воспитанием и его результатом стоит сам ребенок, могущий принять воздействие или не принять его, либо выдать множество результатов, отличных от планируемого [Чернова О. М., 1984]. Анализ прошлого опыта и современной практики полового воспитания показывает, что там, где игнорируются закономерности развития пола как системы, занимающей свое место в системе более высокого порядка — личности человека, представляющего собой биосоциальное явление, половое воспитание в лучшем случае не достигает своих целей.

Обычно в попытках понимания пола обращаются к детству как времени, **Э** **котором** изначально высокий удельный вес биологических детерминант пола **постепенно** уменьшается, а удельный вес социальных, напротив, увеличивается. Такое допущение, однако, правомерно лишь при изжившем себя противопоставлении биологического и социального и устаревшем взгляде на детство как уменьшенную копию взрослости: из данного «от природы» биологического социально вычитается нежелательное и прибавляется желательное, а результат умножается на паспортный возраст и силу половой конституции. В противоположность такому арифметическому подходу сложность понимания пола с уменьшением возраста не только не уменьшается, но во многом и возрастает. Поэтому при изложении вопросов полового диморфизма и половой дифферен-

¹ Файнбург З. И. Наука как системообразующий элемент культуры: опыт постановки проблемы. — В кн.: Наука и культура. М., 1984, с. 114.

циации мы будем исходить из понимания пола как подсистемы в сложной системе биосоциального бытия человека, а не только из традиционной линии «зерно — росток — побег — растение».

БИОСОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА ПОЛОВЫХ РАЗЛИЧИИ

Наиболее общая теория половых различий представлена в концепции В. А. Геодакяна (1984), согласно которой дихотомия мужского и женского — это дихотомия изменчивости и наследственности, оперативной и долговременной памяти вида, качества и количества потомства, эволюции и консервативности, зрелого и ювенильного (схема 2, табл. 1).

Согласно этой концепции, в филогенетических процессах особи мужского пола принимают на себя столкновение с новыми условиями существования и формируют в этом столкновении новые генетические признаки и тенденции — это своего рода передовой отряд популяции, «группа разведки боем». Такая функция предполагает выраженную онтогенетическую ригидность, которая создает своеобразный фильтр для дифференциации средовых влияний на значимые и незначимые во избежание хаотических изменений генетических программ под действием случайных факторов. Из этого сочетания филогенетической пластичности и онтогенетической ригидности при тесном информационном контакте со средой закономерно следует более высокая уязвимость представителей мужского пола.

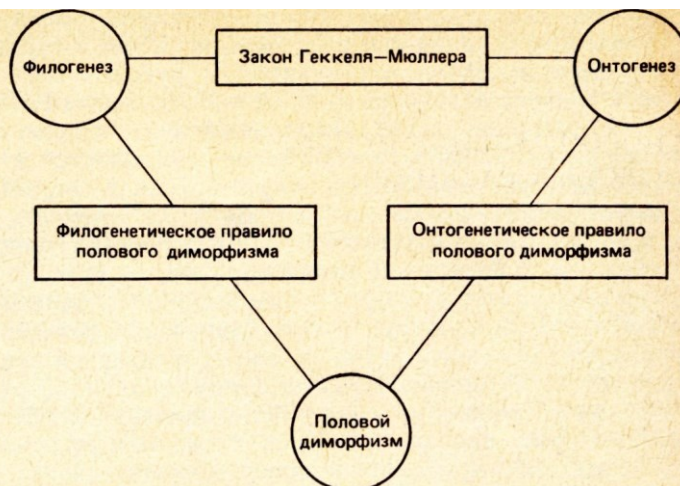
Женский пол в филогенезе обеспечивает сохранение и неизменность приобретаемых в эволюции качеств, играет роль кладовых наследственности, тщательно охраняемого глубокого тыла генофонда. Эта филогенетическая ригидность обеспечивается высокой онтогенетической пластичностью, которая вместе с менее тесным информационным средовым контактом предполагает меньшую уязвимость, более высокую выживаемость женских особей.

Концепция В. А. Геодакяна подтверждается множеством фактов. Так, на 100 зигот женского типа приходится 120—170 зигот мужского типа (соотношение полов 1,2—1,7). Но мужской плод более уязвим уже в 1 триместре беременности [Левина Е. С., 1974], и к рождению соотношение полов составляет уже 1,03—1,07, а во взрослом возрасте меняется в пользу женщин (примерно 0,95). С этой закономерной динамикой связан систематический рост так называемой сверхсмертности мальчиков, сопровождающей уменьшение общей детской смертности [НТР ..., 1984]. В странах с наиболее низким уровнем общей детской смертности сверхсмертность мальчиков, как правило, наиболее высока, и наоборот. Выявленные В. А. Геодакяном закономерности подтверждаются и на качественном уровне: так, врожденные пороки сердца у мужчин чаще близки к не имеющим аналогов в эволюции футуристическим моделям, тогда как у женщин — к более ранним эволюционным моделям.

Однако выведение из концепции В. А. Геодакяна всех половых различий столь же ошибочно, сколько заманчиво своей простотой. Прямой перенос терминов этой концепции в сферу конкретных психологических, медико-социально-психологических, а тем более — социальных закономерностей оказывается не безобидной софистикой, а грубой методологической ошибкой, как, впрочем, и любой механический перенос биологических законов в социальную жизнь. Достаточно подменить эволюционно-генетический смысл понятий постоянства, стабильности, консервативности, информационной защищенности и пассивности женского пола смыслом психологическим и социальным, чтобы жизненный мир женщины оказался ограниченным кухней и детьми, а мужской шовинизм был «научно» обоснован. Такая подмена недопустима и в медицине: в ходе социальной динамики у мужчин учащаются такие «женские» расстройства,

Схема 2. Закономерности связей филогенеза, онтогенеза и полового диморфизма [Геодакян В. А., 1984].

Закон Геккеля — Мюллера: онтогенез — краткое повторение филогенеза. Правила полового диморфизма: филогенетическое — эволюция в направлении от женской формы к мужской, онтогенетическое — возрастная динамика в направлении от женской формы к мужской.

Т а б л и ц а

Прошлые и будущие формы признаков в разных явлениях [Геодакян В. Д., 1984]

Явления	Форма признака		Явления	Форма признака	
	прошлая	будущая		прошлая	будущая
Филогенез	Атавистическая	Футуристическая	Мутирование	Ретроспективная	Перспективная
Онтогенез	Ювенильная	Дефинитивная	Гетерозис	Родительская	Гибридная
Половой диморфизм	Женская	Мужская	Реципрокные различия	Материнский эффект	Отцовский эффект
Доминирование	Рецессивная	Доминантная			

как, например, ожирение и истерические нарушения, а у женщин «мужские» — ишемическая болезнь сердца, алкоголизм [Д. Н. Исаев, В. Е. Каган, 1986а].

Биологические и социальные детерминанты пола изучались в разное время с разной интенсивностью. Развитие биологии предопределило внимание к биологическим аспектам пола в первой половине XX в. Но биологический подход, закладывая основы понимания половой дифференциации как процесса, не был свободен от односторонности и в 50-х годах привел к формированию альтернативного социологического подхода. Социологическая модель предполагала, что биологические факторы определяют возможность психосексуальной дифференциации, а не ее направление. Психосексуальную дифференциацию сравнивали с овладением языком, зависящим от врожденных способностей, которые, однако, не определяют — каким именно языком овладеет ребенок; подобно тому, как ребенок усваивает тот или иной язык, он усваивает и маскулинное или фемининное поведение. Особо впечатляющие «подтверждения» социологической модели доставляла практика перемены пола. В начале 60-х годов 26-летний американец Джордж Поргенсен настоял на проведении ему в Дании хирургической операции по перемене пола, стал Кристиной Йоргенсен и описал свою историю в популярной книге [Цит. по: Кон И. С., 1981б], а к 1971 г. в странах Западной Европы и Северной Америки было сделано более 1500 таких операций. В ряде случаев, приводимых, например, Л. Оа^поп (1977), воспитание мальчиков, имевших несовместимые с полноценным мужским функционированием травмы гениталий, с раннего

возраста как девочек и соответствующая смена паспортного пола имели несомненное терапевтическое значение. У нас в стране опыт перемены паспортного пола накоплен в созданной и руководимой А. И. Белкиным клинике психиатрической эндокринологии в Московском НИИ психиатрии МЗ РСФСР.

Но значение таких «подтверждений» нельзя преувеличивать. Перемена пола при ближайшем рассмотрении оказывается в одних случаях вынужденным «протезированием» пола (приводимые Л. Оа^ппоп случаи) либо «восстановлением» пола (в случаях ошибок и затруднений в определении пола при рождении), либо «пластикой» пола (в случаях транссексуализма, как в истории Йоргенсена). Речь идет, таким образом, не столько о перемене пола в некоем абсолютном смысле, а либо о физически обусловленной необходимости, либо — чаще — о формировании нового стереотипа поведения; направление же этого формирования своеобразно задано субъективной психологией требующего вмешательства и подвергающегося ему индивида; эта субъективная психологическая установка не может быть однозначно объяснена средовыми влияниями, которые, однако, оказывают помощь в ее реализации.

Уже в 50-х годах появились доказательства того, что эмбриональные гормоны могут определять ряд психологических параметров во взрослом возрасте. В 1967 г. Р. ЕННтагсН, Л. Мапу опубликовали данные, опровергающие одностороннюю социальную модель Л. Мапу и соавт. (1955). 10 обследованных ими девочек препубертатного возраста, матери которых получали для сохранения беременности прогестин, оказались развитыми интеллектуально, предпочитали свойственные мальчикам и в обществе мальчиков игры, были по-мальчишески подвижны, самоуверенны и независимы. Число таких наблюдений в последующие годы умножалось. При выходе за клинические пределы результаты могли быть не столь яркими, но все же указывали на существование весьма сильной тенденции к наличию связи гормонального статуса и психических особенностей [ВегапЪаит Ъ., Ке^шск 5., 1982].

Все это привело к переходу от альтернативных биологической и социальной моделей к модели биосоциальной. Согласно ей, среда образует условия для развития в онтогенезе усложненных программ, которые, в свою очередь, являются необходимым условием превращения определяемых средой возможностей в действительность: пол есть биосоциальное единство, в котором биологическое и социальное являются его уровнями. Понятие пола оказалось многомерным и иерархичным, а формирование его стало пониматься как последовательное, преемственное и согласованное действие биологических и социальных детерминант либо как двумерный процесс взаимодействия биологического и социального.

СИСТЕМНАЯ МОДЕЛЬ ПОЛОВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Мы будем исходить из построенной одним из нас (В. Е. Каган) системной модели (рис. 5). Очевидно, что одни ее аспекты и этапы связаны с воспитанием более, а другие — менее, но именно это и требует учета при построении воспитательных воздействий.

Аntenатальная дифференциация. I ее этап — генетический, хромосомный пол, образующийся при комбинациях содержащихся в яйцеклетке и сперматозоиде хромосом: XX — женский и XY — мужской. Считается, что Xi У-содержащие сперматозоиды вырабатываются яичниками в равных количествах, а потому возникновение зигот мужского и женского типа равновероятно [Общая сексопатология, 1977], однако реальное соотношение полов на зиготном уровне составляет, как отмечалось, 1,2—1,7.

Переход ко II этапу — гонадному полу, как показано в 1975—1981 гг. (данные приводятся по В. Б. Розену, 1984), совершается не прямо, а опосредо

ван дополнительным фактором — Н — У-геном, который кодирует синтез локализуемого в плазматической мембране прегонады специфического «мужского» белка.— Н У-антигена; Н — У-антиген, в свою очередь, индуцирует развитие гонад по мужскому типу. Если ввести Н — У-антиген в недифференцированную гонаду эмбриона с хромосомным набором XX, то гонада подвергается необратимой маскулинизации. У человеческого плода процесс гонадной дифференцировки запускается на 6-й неделе внутриутробного развития: наличие Н—У-антигена приводит к превращению недифференцированных гонад в семенники, отсутствие его к формированию яичников.

III этап — гормональный пол — связан с гонадной секрецией. Формирующиеся семенники довольно скоро начинают продуцировать андрогены, функциональная активация яичников происходит много позже [Кобозева Н. В., 1983].

Соответственно этому IV этап — генитальная дифференцировка по мужскому и женскому типу — совершается в разные сроки. Мужские внутренние гениталии формируются на 8—10-й, а наружные — на 15—20-й неделях внутриутробного развития, тогда как женские — позже. Строение гениталий определяет устанавливаемый при рождении паспортный (акушерский, генитальный, анатомический, гражданский) пол.

Примерно до 30-х годов XX в. проблема антенатальной половой дифференциации по существу исчерпывалась сказанным и понималась как отражение немедленных эффектов гуморально-гормональных факторов. Начиная с 30-х, а наиболее эффективно — с 1950—60-х годов, изучается система отсроченных эффектов, к которым относятся половая дифференцировка мозга и связанные с ней различия в секреции гонадотропных гормонов и поведении. По выражению А. Г. Резникова (1982), в ходе половой дифференцировки мозга гормоны записывают на 1аЫ1а газа незрелого мозга программу полового развития индивида. Критический ее период приходится на 47-й мес внутриутробного развития. В процессе половой дифференциации мозга формируется нейроэндокринный комплекс, включающий в себя систему прямых и обратных связей разных уровней нейроэндокринной регуляции. Полагают, что на ранних этапах половые гормоны влияют не только на формирование гипоталамических центров, регулирующих деятельность эквипотенциального гипофиза, но и на половую дифференцировку гиппокампа, миндалевидного тела, на синтез ряда ферментов стероидного обмена в печени и т. д. Гипофиз, по-видимому, способен вырабатывать особый гормональный феминизирующий фактор, который направляет печеночный метаболизм по женскому (нейтральному) пути. Секреция этого фактора тормозится гипотетическим фемностатином, вырабатываемым гипоталамусом; эмбриональная продукция тестостерона семенниками стимулирует синтез фемностатина и вследствие этого снижает у мужского плода уровень феминизирующего фактора [Розен В. Б., 1984]. Итогом половой дифференцировки мозга является разная для мужского и женского пола чувствительность ЦНС к гормональным влияниям и разная реакция на эти влияния, т. е. феминизация или маскулинизация мозга, формирование нейроэндокринной предрасположенности к полоспецифическому поведению.

В начале 80-х годов было показано [Эе 1а Со51е-1Лат51п^ С., Ноллоуау Р., 1982], что в рамках половой дифференцировки мозга к моменту рождения у мальчиков и девочек выявляются различия анатомической структуры мозолистого тела, осуществляющего, как известно, функции связи деятельности правого и левого полушарий. По-видимому, это начало новой перспективной линии исследований, так как целостный анализ половых различий [Исаев Д. Н., Каган В. Е., 1986а; Каган В. Е., 1986] заставляет думать, что одно из фундаментальных половых различий связано с различными у мужчин и женщин особенностями парной работы полушарий.

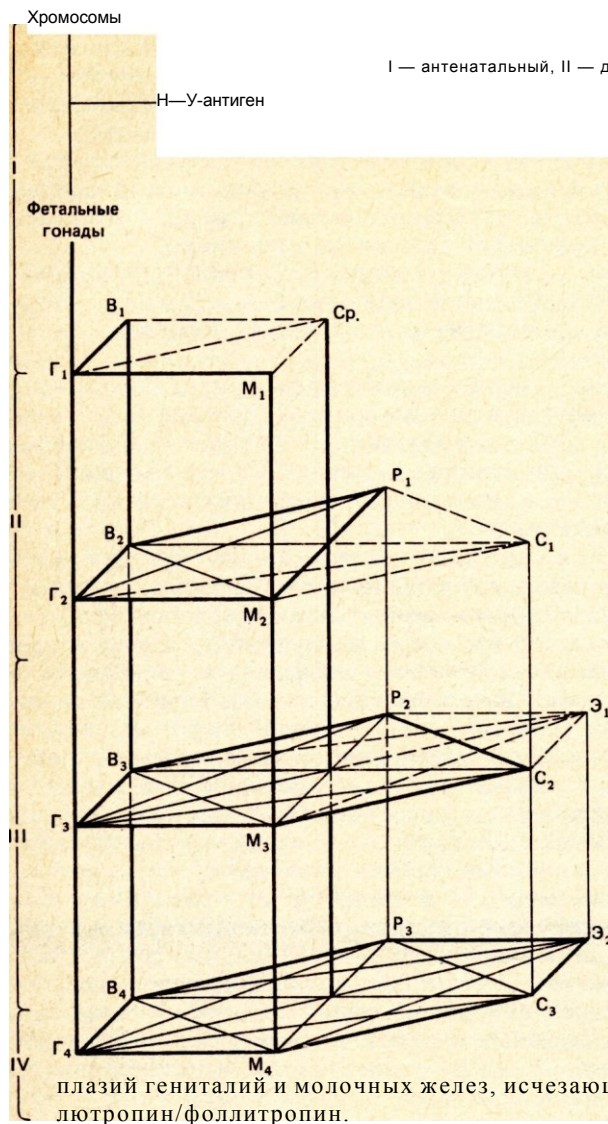

Рис. 5. Системная модель половой дифференциации.

I — антенатальный, II — детский, III — пубертатный, IV — взрослый уровни.

Результаты антенатальной половой дифференцировки, механизмы которой до конца еще не расшифрованы, содержат программы постнатальной дифференциации и так или иначе кодируют тип реакции на средовые влияния, акцептирование воспитательных воздействий.

Постнатальная гормональная динамика. На нашей схеме она представлена линией Г — 4. До сравнительно недавнего времени полагали, что до начала полового созревания биологические параметры половой дифференциации, в частности — гормональная секреция, не претерпевают существенных изменений; в этом видели подтверждение мнения об асексуальности ребенка. Исследования последних десятилетий показывают, что это не так [Физиология развития..., 1983].

У новорожденных уровень содержания гормонов в крови не только высок, но порой и выше, чем у взрослых — за счет материнских половых стероидов и гонадотропинов. Это отражается в виде специфических гипер-

плазий гениталий и молочных желез, исчезающих по мере снижения соотношения лютропин/фоллитропин.

До 1 года регуляция эндокринной секреции подчинена преимущественно антенатальному принципу, в 1—3 года она совершается на уровне биогенных аминов, а с 3—6 лет возрастает центральная регуляция, что приводит к прогрессирующему уменьшению гетерохронии эндокринного развития и синхронизации деятельности эндокринной системы. Критические периоды этого развития у дошкольников приходится на возраст 6 мес, 1 год, 3 и 5 лет. В дошкольном возрасте различаются по полу не только соотношение лютропин/ фоллитропин, но также активность катехоламиновой, серотониновой и гистаминной систем. Формирование гонадной секреции начинается примерно с 5 лет: у мальчиков соотношение половых гормонов приближается к уровню взрослых мужчин, а в 6 лет отмечается подъем уровня тестостерона. Четкий половой диморфизм обнаруживает и секреция биогенных аминов, так что катехолами-

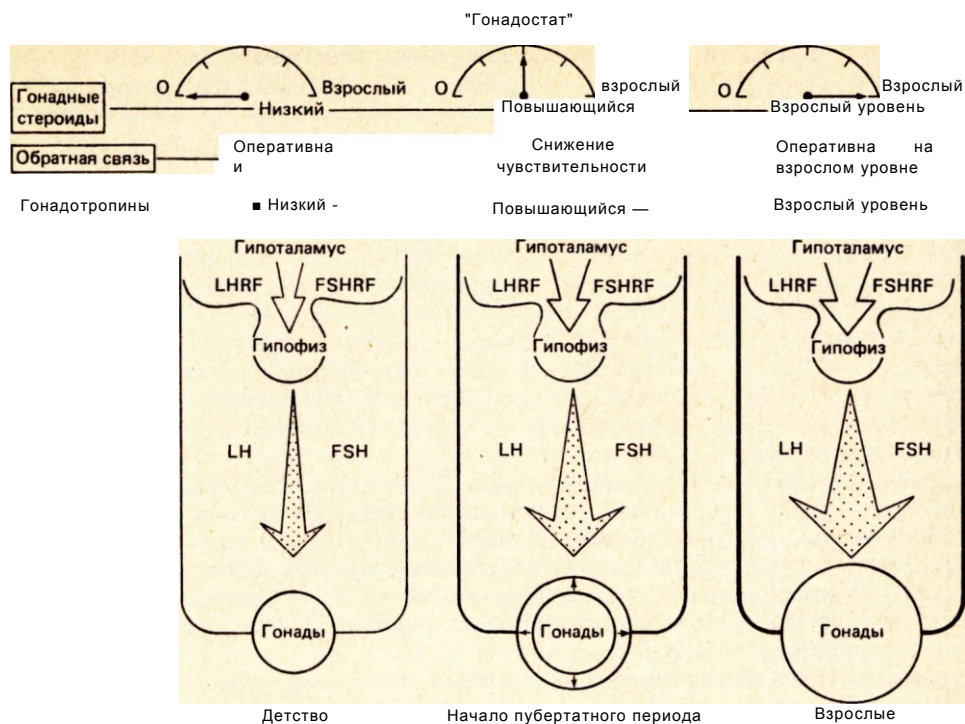

Рис. 6. Возрастная динамика функционирования гонадостата (КеЙег Е., КиПп Н., 1972; Випк \У., 1977) .

1_N— лютеотропный гормон, P5H— фолликулостимулирующий гормон, и Н К К и P5HKP—рилизингфакторы этих гормонов.

новые пики, например, приходятся у мальчиков на возраст 6—7 и 10—11 лет, а у девочек — на 5—6 и 9 лет.

В препубертатном возрасте за счет изменения чувствительности коры надпочечников к гипофизарному кортикотропину стабилизируется деятельность системы «гипофиз — кора надпочечников», формируются циркадные (суточные) ритмы секреции соматотропина, гонадотропинов и половых гормонов, которые будут оформляться в пубертате. Начало препубертата совпадает с началом установления системных отношений между железами внутренней секреции и гипоталамо-гипофизарными структурами. К концу препубертата возрастает роль гипоталамо-гипофизарной системы, увеличивается значение биогенных аминов, повышается эффективность функциональных связей гипоталамуса с вышележащими мозговыми структурами.

Биологические механизмы полового созревания обеспечиваются перестройками в гипоталамо-гипофизарно-гонадно-адреналовой системе и процессами, обусловленными гормональной функцией половых желез. Изменяется характер функционирования так называемого гонадостата (рис. 6), все более приближающийся ко взрослому типу.

Нейрофизиологические аспекты половой дифференциации. Исследования 1970—80-х годов дают серьезные основания думать, что линия психосексуальной дифференциации, представленная в нашей схеме как M1₄, играет существенную роль в формировании половых различий.

Ф. А. Лейбович и Л. Ф. Кожушко (1974) при анализе суммарной ЭЭГ отметили у женщин более высокий уровень лабильности и возбудимости

мозговых структур, с которыми связаны механизмы активации и перестройки ритма. Они объяснили это первичным половым диморфизмом мозговых функций и влиянием на корковую ритмику различных гормональных агентов. Такое объяснение, нуждаясь в уточнениях, все же вполне правдоподобно, особенно если учесть не только нисходящие влияния коры на гипоталамус, но и обратные — восходящие.

У женщин на ЭЭГ отмечают меньшее, чем у мужчин, количество аи 0-волн при сравнительном преобладании р-волн, больших амплитудах и средней частоте ЭЭГ, а оцениваемый по общей тенденции к десинхронизации более высокий уровень активации рассматривают как основу психологической феминности [ЕпесП Уо^е! Р.. 1979]. Средняя частота а-ритма достоверно выше у экстра-, чем у интровертов, и у женщин выше, чем у мужчин [Оеакт Л., Ехлеу К-, 1979]. До 10 лет половой диморфизм ЭЭГ выражен слабо, в 10—13 лет женский мозг по электрографическим характеристикам опережает мужской, а к 15 годам это соотношение меняется на обратное [Ер5(ет Н., 1980].

Эмпирическая оценка нашего опыта ЭЭГ (более 5000 исследований в клинике детских неврозов) также указывает на большую встречаемость быстрых и относительно быстрых ритмов у девочек, особенно с началом пубертата. Доминирующее или опережающее паспортный возраст развитие быстрых ритмов, особенно в сочетании с десинхронизацией, часто совпадает с эмотивностью, впечатлительностью, личностной ранимостью, эмпатичностью, а у мальчиков обычно коррелирует с нейротизмом.

Все большее внимание исследователей привлекает парное функционирование полушарий у мужчин и женщин. Практически всеми признается, что полушария у мужчин функционируют более автономно и асимметрично, чем у женщин. Уже в первые сутки жизни обнаруживается связь межполушарной асимметрии с полом, которую О. МоНезе, V. МоКея (1979) объясняли разной скоростью созревания мозга у девочек и мальчиков, но имеющую, видимо, больше оснований в уже упоминавшихся данных Эе 1а Со5{e-1Лат\$т§ С., НоПошау Р. (1982) о врожденных различиях строения мозолистого тела.

В первые годы жизни полушария, как считают, в известной мере эквипотенциальны, а специализация их в онтогенезе проходит через разные в зависимости от пола критические периоды [ОаПлаг1 Р., 1980]. Мнение об изначальной эквипотенциальности требует, однако, осторожного отношения, так как может быть обусловлено неучтенными особенностями организации парного функционирования полушарий. Так, половые особенности межполушарного взаимодействия при восприятии и запечатлении информации выражены достаточно отчетливо уже у детей, а во взрослом возрасте степень асимметрии выше у мужчин [Коновалов В. Ф., Отмахова Н. А., 1984].

Правое полушарие уже в эмбриогенезе более уязвимо, чем левое [Чуприков А. П. и др., 1976]. Если учесть более высокую уязвимость мужского пола вообще, более позднюю специализацию правого полушария у девочек, то можно заключить, что преобладание у мальчиков минимальных мозговых дисфункций, гиперкинетического поведения, психомоторной нестабильности связано с половым диморфизмом [Исаев Д. П., Каган В. Е., 1986а].

Латерализация функций проявляется и на поведенческом уровне (подробнее см. Д. Н. Исаев, В. Е. Каган, 1986а). В обсуждении же психосексуальной дифференциации важно, что динамика становления парного функционирования полушарий входит в систему детерминант этой дифференциации, включаясь в структуру половой дифференцировки мозга.

Образ тела. В нашей модели линия В|₄ соответствует образу тела. Исходная точка этого развития (В|) представлена генитальной морфологией — конвенциональным полом, определяющим отношение к новорожденному как

к мальчику или девочке, придающим средовым влияниям полоспецифический характер, начиная с первых дней жизни.

В раннем возрасте оценка ребенком своей генитальной морфологии и сопоставление ее с морфологией другого пола входят в формирование образа тела (физического «я», физической аутоидентичности). Исследуя свое тело и доставляемые разными его частями ощущения, знакомясь с функциями разных частей и органов своего тела («Это что? Это глазки. Зачем глазки? Чтобы смотреть» — адресованные ребенку монологи взрослых или диалоги с ним подобного содержания обычны для возраста 1—2 лет), осмысливая наличие аналогичных органов и функций у других людей, ребенок неизбежно «натывается» на проблему генитальных различий. Он постепенно узнает, что мальчики и девочки в этом смысле устроены по-разному, по-разному мочатся и т. д. Трогая свои половые органы, ребенок знакомится с более или менее приятными ощущениями от них. Эта информация — составная часть образа своего тела, физического «я» — всегда «я» мальчика или «я» девочки.

Примерно до 5—6 лет еще могут возникать недоумения по поводу генитальных различий, допускается возможность потерять их, обрести другие половые органы. В этом возрасте угроза взрослого «отрезать», «зашить», «переделать» или «превратить» ребенка в существо иного пола воспринимается еще буквально. З. Фрейд характеризовал этот этап завистью девочек к наличию у мальчиков полового члена и страхом кастрации у мальчиков; это, однако, не существо переживаний ребенка, а метафора взрослого сознания.

После 5—6 лет телесная идентичность мальчиков и девочек становится необратимой. Физические отличия мальчика от мужчины и девочки от женщины могут казаться ребенку неизмеримо больше, чем различия между сверстниками и сверстницами, но ребенок уже знает, что он навсегда мальчик или девочка и, когда вырастет, будет мужчиной или женщиной.

В пубертатном возрасте с его мощными биологическими детерминантами телесная организация и генитальная морфология претерпевают специфическое развитие. Стадиальность этого развития оценивается по критериям Л. Таппег (табл. 2).

С пубертатной морфологией, развивающейся физиологией пола связана реорганизация образа тела, в которой важен и сам факт изменений, и их темп, и маскулинный или фемининный характер. С завершением пубертатной перестройки образ тела в основных своих чертах стабилизируется на взрослом уровне. Реорганизация образа тела и ее рефлексия становятся своего рода равнодействующей объективных физических изменений, индивидуальных особенностей психики и психологии, культуральных стереотипов физической маскулинности — фемининности.

Средовые влияния. Гормональный пол, половая дифференцировка мозга и генитальная морфология — эти врожденно заданные матрицы развития реализуются как детерминанты психосексуальной дифференциации лишь в социальной среде. Они программируют направление дифференциации, но не сам факт ее. Получившие множество подтверждений классические эксперименты на приматах показали, что даже животные, лишенные в раннем возрасте необходимых средовых влияний, в последующем неспособны к адекватной коммуникации, копуляции и родительскому поведению¹. Понять первично

¹ Ссылки на данные, полученные при изучении животных, при изучении человека часто вызывают возражения. Но «изучение поведения человека не должно ограничиваться только тем, что исследуют социология и социальная психология. Этология как отрасль биологического знания имеет полное право на участие в изучении человека, однако с учетом всего того, что привносится в его поведение обществом» [Леонovich В. В. Поведение человека как общий объект исследования социогуманитарных наук и этологии. В кн.: Пути интеграции биологического и социогуманитарного знания. М., 1984, с. 238].

Стадиальность полового развития по .1. Таппер (1968)

Девочки	Мальчики
<p>Молочные железы не развиты, сосок приподнимается, полового оволосения нет. Молочные железы набухают, увеличивается диаметр ареол; вдоль половых губ — начальный рост редких слабо пигментированных и прямых волос.</p> <p>Молочные железы и ареолы увеличиваются, но контуры их не разделяются; волосы темнеют, грубеют, завиваются и распространяются за пределы лонного сочленения.</p> <p>Ареола и сосок приподнимаются, образуя бугорок; женский тип полового оволосения, не занимающего всей поверхности лобковой области.</p> <p>Ареола перестает выступать над поверхностью молочной железы, которая достигает взрослого оформления; половое оволосение занимает всю лобковую область.</p>	<p>Детские половой член и мошонка при отсутствии полового оволосения.</p> <p>Увеличиваются яички и мошонка (половой член еще не увеличивается), у основания полового члена начинается рост слабопигментированных прямых длинных и редких волос.</p> <p>Продолжается увеличение яичек и мошонки, половой член увеличивается в длину; волосы грубеют, темнеют, завиваются и распространяются за пределы лонного сочленения.</p> <p>Продолжается рост яичек и мошонки, половой член растет в основном в диаметре; оволосение мужского типа, пока не занимающее всей поверхности лобковой области.</p> <p>Взрослые по форме и размерам гениталии, половое оволосение занимает всю лобковую область.</p>

биологически детерминированные половые различия можно, лишь установив — что в них относительно независимо от среды, что в среде и культуре способствует закреплению и развитию одних и свертыванию других врожденных программ, ибо половая дифференциация — функция не организма или среды, а их взаимодействия и взаимосодействия, т. е. в терминологии П. К. Анохина (1978, 1979), — функциональная система.

Общая схема средовых влияний показана на схеме 3. Если первые этапы дифференциации разворачиваются во взаимодействии ребенка с семьей — прежде всего с матерью или заменяющим ее лицом, то с возрастом в круг средовых влияний включаются другие взрослые, сверстники, литература и искусство, средства массовой коммуникации и т. д. Ни одно из этих влияний само по себе, оторванное от других и вырванное из контекста культуры, не обеспечивает необходимых и достаточных для психосексуальной социализации условий. Так, семья и сверстники, будучи и сами объектами воспитания культурой, образуют те контрольно-эталонные системы, те призмы, в которых так или иначе преломляются и опосредуются непосредственно влияющие на ребенка другие составляющие культуры. «Каждое человеческое общество имеет свою «сексуальную культуру», вариативные возможности которой ограничены, с одной стороны, биологической природой человека, а с другой — внутренней последовательностью и логикой культуры как системного целого. Сексуальная культура есть система норм, посредством которых общество унифицирует... поведение своих членов... Вне этой системы отсчета поведение и переживания индивидов понять невозможно»¹.

Большинство современных культур, несмотря на половую и сексуальную демократизацию, остаются маскулинно ориентированными. Это сказывается и в формировании детской личности: проанализировав более 1000 рисунков, выполненных в ответ на просьбу нарисовать человека, мы смогли отметить,

¹ Кон И. С. Этнография и проблемы пола Советская этнография. 1983, № 3, с. 30.

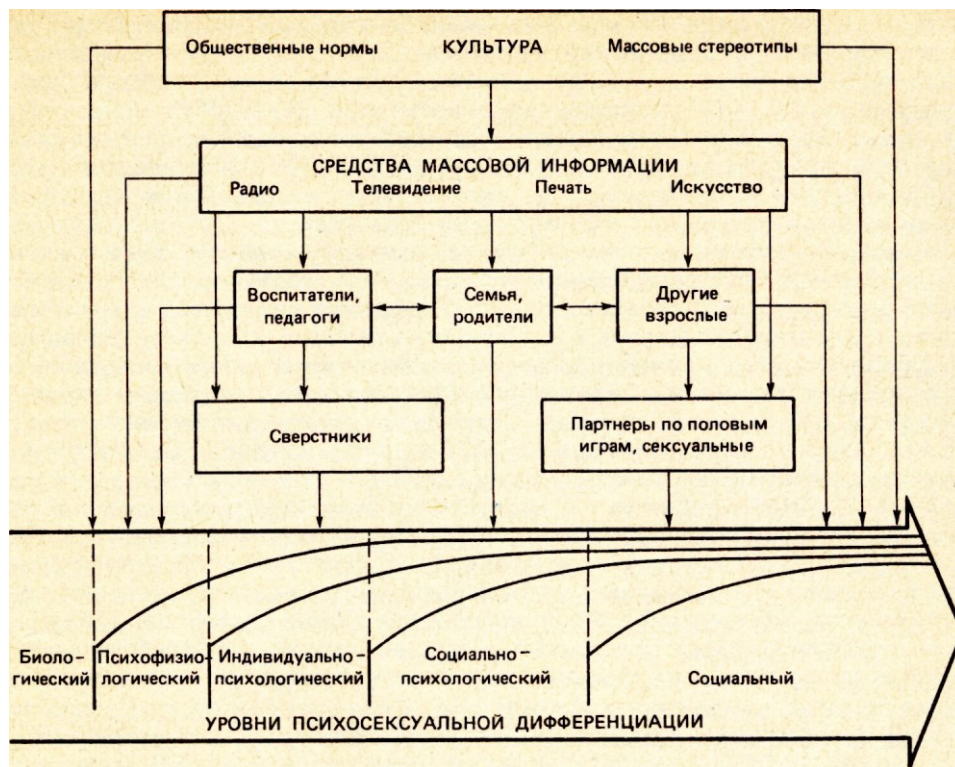

Схема 3. Психосексуальная дифференциация и ее основные детерминанты.

что мальчики всех возрастов рисовали обычно человека своего пола, 84 % девочек 5—7 лет — женские и 78 % девочек 14—15 лет — мужские фигуры [Исаев Д. Н., Каган В. Е., 1986а]. В детской литературе преобладают мужские персонажи. Но выравнивание этого «скоса» может затруднять половую социализацию мальчиков [Исаев Д. Н., Каган В. Е., 1986а].

Требования к маскулинности мальчиков в целом жестче, чем к фемининности девочек, и мальчики в ходе половой социализации испытывают большее средовое давление. В последние десятилетия жесткость маскулинных ожиданий и количество социальных барьеров на путях воспитания маскулинности возрастают почти параллельно. Достаточно вспомнить, что мальчик в ходе воспитания переходит из одних женских рук в другие: мать — воспитательницы в дошкольных учреждениях — учительницы в школе, а следовательно, вне зависимости от декларируемых воспитателями задач, он воспитывается как «удобный для обращения» с женской точки зрения. Эти контрасты нельзя не учитывать при обсуждении проблемы так называемой феминизации мужчин. Феминизация мужчин как фактор культуры нуждается, на наш взгляд, в специальном — более корректном и менее конфликтном, чем это делается в печати последнего времени, рассмотрении.

Во-первых, хотя Е. МассоБу, Л. ЛаскИп (1974) считали неподтвержденными определяющие влияния на развитие мальчиков наследственности, а девочек — среды, более новые исследования, в частности на близнецах [Ком. О., 1982], показывают, что это не так. Обоснования этому находим также в сформулированной в 1965 г. В. А. Геодакьяном теории, согласно которой «наследственная норма реакции женского пола шире, чем мужского. (Норма реакции —

способность генотипа реагировать на изменение среды — характеризует долю участия среды в формировании признака. Чем шире норма реакции, тем больше влияние среды и меньше влияние генотипа, и наоборот)»¹. Следует поэтому полагать, что свойственная современной культуре демократизация социальных половых ролей не только не должна прямолинейно распространяться на весь набор возможных половых различий, но и неодинаково влияет на формирование маскулинности и фемининности: на девочек и женщин она должна влиять больше, чем на мальчиков и мужчин.

Во-вторых, создается соответствующее вышесказанному и все более сильное впечатление, что феминизация мужчин — не столько реальное явление, сколько артефакт изменившейся системы социальных отношений полов. Демократизация половых стандартов и эмансипация женщин процесс неоднозначный. Обратной стороной его прогрессивности является противопоставляемый традиционному (заметим — практически исчезающему) двойному стандарту так называемый эмансипационный экстремизм; происходит вполне согласующаяся с теоретическими посылами В. А. Геодакяна средовая маскулинизация женского поведения и самовосприятия, которая, как показано нами ранее [Каган В. Е., 1984], значительно превосходит феминизацию мужчин. В итоге поведение мужчин воспринимается как фемининное тем больше, чем более маскулинизировано поведение женщин. Надо надеяться, что эта тенденция не беспредельна, а связанная с субъективными трудностями освоения новых демократических стереотипов и порождающая крайние формы поведения ролевая растерянность будет преодолена. Сегодня, однако, она требует воспитательной компенсации. Риск феминизации мужчин существует, но он значительно меньше риска маскулинизации женщин. Дело поэтому не во фронтальной атаке на феминизацию мужчин (такая атака, благодаря сверхмаскулинным ожиданиям, чревата невротизацией и психозащитной инфантилизацией, принимаемой за феминизацию), а в гармонизации стереотипов маскулинности и фемининности в массовом сознании и культуре, определяющих ключевые влияния среды как детерминанты психосексуальной дифференциации.

Половая роль/идентичность. Формирование половых ролей/идентичностей в нашей модели обозначено как P|₃. Половая роль — это модель поведения, определяемая системой предписаний и ожиданий, которую индивид должен усвоить и соответствовать ей, чтобы его признавали представителем мужского или женского пола. Половая идентичность — единство самосознания и поведения индивида, относящего себя к одному или другому полу и ориентирующегося на требования соответствующей половой роли. Разделение роли и идентичности довольно условно (по крайней мере — при гармоничном течении половой дифференциации): идентичность — субъективное переживание роли, а роль — проявление идентичности в поведении. Культурные стереотипы половых ролей чрезвычайно вариативны [Вазо\у 5., 1984].

У детей половые роли и идентичности существуют не в свойственном взрослым амальгамном виде, а формируются в динамике развития и социализации. Уже к 1,5—2 годам, а иногда и раньше, задолго до осознания своего «я» ребенок, как правило, знает, что он — мальчик или девочка. Он еще не знает — почему это так, еще не умеет на основании достоверных признаков отличать мужчин от женщин (например, не может различить на картинке обнаженного мужчину и женщину потому, что они «не одеты»), но уже ориентируется на требования соответствующей половой роли, формируя в ходе ее интернализации половую идентичность. Этот процесс завершается к 5—6 го

¹ Геодакян В. А. Системный подход и закономерности в биологии. В. кн.: Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. М., 1984, с. 332.

дам. Если до этого возраста воспитывать ребенка как представителя противоположного пола, то результаты такого воспитания впоследствии оказываются крайне трудно обратимыми или даже необратимыми [Зейд К., Згебург Н., 1977]. Опасность этого тем больше, чем больше во врожденных программах представлены свойственные противоположному полу черты. Если исходить из закона нормального распределения, то лишь незначительное число детей изначально обладают крайними врожденными программами, индифферентными к средовым влияниям. Для подавляющего же большинства детей средовые детерминанты оказываются более или менее значимыми. После 5—6 лет в ходе дальнейшего развития и социализации происходят обогащение полоролевого репертуара личности, закрепление и нюансировка половой идентичности.

Представления о формировании половых ролей и идентичностей сформулированы в ряде теорий. Теория моделирования восходит к теории идентификации З. Фрейда, утверждавшей подкрепляемое на неосознаваемом уровне отождествление ребенком себя с одним из родителей, место которого в отношениях с другим родителем он, якобы, стремится занять (комплекс Эдипа у мальчиков и комплекс Электры у девочек). Позже моделирование связывалось с имитацией, имеющей в виду идентификацию не только с родителем своего пола, но и с людьми своего пола вообще. Обоснования теории моделирования довольно тавтологичны — дети чаще выбирают модель своего пола, так как предпочитают сходную с собой модель; однако само предположение о предпочтении базируется на частоте выбора. Самый сильный довод в пользу этой теории состоит в том, что, игнорируя имитацию, невозможно понять другие механизмы половой дифференциации. Но и этот довод не в состоянии скрыть неясности того, почему все-таки ребенок предпочитает модель своего пола.

Теория социального научения [Миселл У., 1966] придает решающее значение механизмам поощрения-порицания: мальчики поощряются за маскулинное и порицаются за фемининное поведение, а девочки — наоборот. Слабое место этой теории состоит в том, что многие половые различия не являются результатом обучения и — более того — нередко формируются вопреки ему.

Когнитивная (познавательная) теория [Коблер Б., 1966] утверждает, что ребенок сначала воспринимает себя как девочку или мальчика, а затем, в зависимости от этого, старается вести себя соответствующим образом. Как слабое место этой теории, отмечают обычно то, что она исходит из половой идентичности, которая является результатом интернализации половой роли.

Каждая из этих теорий описывает тот или иной реальный аспект формирования полоролевого поведения. Но и все вместе они не отвечают на один, но ключевой вопрос: почему ребенок в своем развитии моделирует поведение именно своего пола, что является первичным толчком в этом движении?

В известной мере на этот вопрос отвечает языковая теория (Песк Л., 1975). Она исходит из лингвистической теории порождающих грамматик Н. Хомского: говоря или понимая речь, человек производит действие, соответствующее речевой модели (как заметил один из писателей, многие вещи не возникли из-за невозможности их назвать). Согласно этой теории, так или иначе обращенная к ребенку и воспринимаемая им информация (информация в широком смысле — не только содержательная речь, но и тон, тембр голоса, речевая ритмика, язык прикосновений и жестов и проч.) сигнализирует ему о половой принадлежности и влияет на выбор моделей для идентификации и имитации. Принимая во внимание, что на ранних этапах постнатального онтогенеза ведущую, доминирующую роль играет правое полушарие мозга, обеспечивающее целостное и неосознаваемое восприятие информации, степень правдоподобия языковой теории надо признать достаточно высокой, а если учесть диалектику непрерывности

и дискретности в мышлении и языке [Налимов В. В., 1979; Налимов В. В., Дрогалина Ж. А., 1984], то эту теорию придется признать вариантом когнитивной теории. Языковая теория, безусловно, нуждается в более систематических доказательствах, но в ряде случаев, приподнимающих завесу над внутренней жизнью детей, можно убедиться в ее небезосновательности.

Мальчик Андрей, 2¹ /2 лет. Чрезвычайно миловидный и грациозный, он всюду привлекал внимание взрослых, принимавших его за девочку. Воспитывавшие его мать и ее родители называли его ласковым именем — Аноля, на полушутливом уровне поддержания заблуждения окружающих. К 2¹ /2 годам мальчик или игнорировал «мужские» игрушки, или даже боялся их, терялся при инициативном или агрессивном поведении сверстников. Ко времени описываемого эпизода его стали чаще называть настоящим именем, остригли кудри и постоянно одевали в штанишки вместо длинных рубашек. В ответ на чье-то замечание зимой, когда он был в «нейтральной» шубе: «Какая красивая девочка! Как тебя зовут, девочка?», он серьезно и гордо ответил: «Я не девочка. Я раньше был девочкой, а теперь я мальчик. Меня зовут Андрюша».

Стадиальная теория [Ка17. РН., 1979] восходит к взглядам Пиаже, подчеркивавшего, что дети сначала усваивают стандарты социального поведения благодаря познанию и исполнению правил и лишь затем совершают переход от этой объективной, внешней ответственности к субъективной, внутренней (т. е. от роли к идентичности). Согласно этой теории, ребенок примерно к 2—2¹ /2 годам обучается подходящему поведению, затем осваивает физические и поведенческие проявления маскулинности и фемининности у окружающих и к 5—6 годам, осознав необратимость своей половой принадлежности, следует поведению своего пола. Стадиальность описывается и советскими исследователями [Частная сексопатология, 1983], но сама по себе касается не столько механизмов, сколько динамики становления полоролевого поведения.

По нашему мнению, все эти теории — лишь стороны единой модели «первичная идентичность — роль — идентичность». Первичная идентичность связана, как минимум, со взаимодействием результатов антенатальной половой дифференциации и общения с ребенком в раннем возрасте. Затем в соответствии с первичной идентичностью он идентифицирует себя с родителем своего пола, имитирует соответствующее своему полу поведение и обучается ему. Лишь пройдя эти этапы, ребенок к 5—6 годам формирует окончательную половую идентичность. В дальнейшем развитии половая роль и половая идентичность функционируют в системе обратных связей, подкрепляя друг друга [Исаев Д. Н., Каган В. Е., 1986а].

В любом случае на формирование половой роли/идентичности влияют свойственные данной культуре стереотипы маскулинности и фемининности. Согласно этим стереотипам, маскулинность ассоциируется с активностью, силой, уверенностью, властью, доминантностью, агрессивностью, интеллектуальностью, а фемининность — с мягкостью, слабостью, пассивностью, зависимостью и подчиняемостью, конформностью, эмоциональностью. Такие стереотипы рассматривают то как «ненаучные» и предрассудочные анахронизмы, то как выражающие абсолютную, хотя и интуитивную истину. Действительное положение отражается в стереотипах массового сознания в преобразенном и упрощенном виде. Во-первых, это имеет отнюдь не обязательно негативное значение, а во-вторых, приходится считаться с тем, что и само существование гюдобных стереотипов, и их содержание — объективный факт, влияющий на поведение людей, так что сбрасывать его со счета столь же неправильно, как и абсолютизировать его значение.

Реалистический подход обязывает считаться с этими стереотипами, отражающимися в декларативном и реальном знаниях, различающихся по степени интернализации индивидом социального опыта [Шмелев А. Г., 1983]. Декларативное знание связано с очень поверхностной интернализацией, когда представления о маскулинности и фемининности признаются, но не определяют

Рис. 7. Модели маскулинности — фемининности (М и Ф)

а — дихотомическая; б -континуально-альтернативная; в -ортогональная. 1, 2, 3, 4 — схематические примеры индивидуальных соотношений М и Ф.

или недостаточно определяют поведение и переживания индивида. Реальное же знание связано с глубокой интернализацией социальных стереотипов, выступающих в форме маскулинных и фемининных установок, т. е. на уровне убеждений и побуждений. Соотношение декларативного и реального знаний — это соотношение того, что и как должно быть, с тем, что и как есть. Так, и взрослые, и дети лучше справляются с теми заданиями, которые, согласно стереотипам, «соответствуют» их полу, хотя могут быть уверены, что соответствующие навыки не зависят от пола и обязательны для любого человека.

Интересна судьба этих стереотипов в научном сознании. Первые представления были выдержаны в духе жесткой дихотомии, когда признаки поведения рассматривались как мужские или женские (рис. 7, а). Однако уже в древних цивилизациях эта примитивная социологическая модель уравнивалась многочисленными отступлениями от двойного стандарта. Ее сменила континуально-альтернативная модель (рис. 7, б): чем более выражена фемининность, тем менее — маскулинность, и наоборот. Эта модель позволила измерять маскулинность и фемининность специальными тестами, результаты которых в идеале должны были совпадать с полом обследуемого. Но диктуемые этой моделью ролевые предписания все сильнее противоречили нарастающим тенденциям демократизации половых ролей. В. 1974 г. 3. Вет ввела понятие андрогинии для обозначения сочетания высоких показателей маскулинности и фемининности. Предложенный ею тест фиксировал маскулинность и фемининность как независимые, ортогональные измерения личности. В последовавшей затем серии исследований было показано, что при оптимальной выраженности андрогиния обеспечивает в современных культурах большую социальную гибкость и адаптивность, а высокая фемининность у женщин и высокая маскулинность у мужчин часто связаны с нарушениями социальной и психологической адаптации. Высокофемининные женщины более тревожны, у них ниже самооценка. Высокомаскулинные мужчины обнаруживают высокую тревожность в зрелом возрасте и менее способны к лидерству. Высокие показатели по шкале своего пола обычно связаны с меньшей успешностью в приписываемой другому полу деятельности. Выразенно андрогинные женщины больше ориентированы на успех и более доминантны, но у них ниже уровень личностной защиты. У выразенно андрогинных мужчин, напротив, уровень личностной защиты выше. В целом же андрогиния влияет на поведение мужчин и женщин неодинаково [Вепо15(Л., Ви1сБег Л., 1977; Март В., 1979; НеПЪгип Л., А1|'ге() В., 1981]. И. С. Кон (1981) считает понятие андрогинии неудачным из-за его ассоциации с болезнью, противоречащей индивидуальной вариабельности поведения, которая зависит от половой принадлежности, но не сводится к ней. М. Таулог (1983) высказывается в пользу понимания того, что обозначается термином «андрогиния», как меры множественного взаимодействия маскулинности и фемининности. В целом, видимо, удачнее всего рассматривать маскулинность и фемининность как аддитивную пару со множеством возможных индивидуальных вариаций (рис. 7 в). Такое понимание обосновывается, в частности, результатами наших экспериментальных исследо

ваний [Каган В. Е., 1984]. Они показали, что индивидуальные полоролевые установки могут быть выражены как соотношение показателей 'маскулинности и фемининности, коррелирующих с приписыванием себе тех или иных качеств, которые не являются сами по себе маскулинными или фемининными, т. е. являются функциями не собственно пола, а отношений между полами (подробнее см. Д. Н. Исаев, В. Е. Каган, 1986а). Наши данные близки к данным Э. Зсбег (1984), также указывающим на значение отношений между полами для оценки маскулинности и фемининности. В целом динамика полоролевого развития может быть представлена и понята как вариативный вектор взаимодействия биологических и социокультурных детерминант.

Сексуальные роли/идентичности, эротические ориентации. Они представлены на нашей модели линиями С₃ и Э1-2.

Под сексуальными ролями/идентичностями понимают специфические генитально-эротические аспекты половых ролей/идентичностей. При обсуждении этой стороны половой дифференциации важно помнить, что и десексуализация мира детства, и его эротизация в представлениях взрослых чреваты крайностями перmissивности или репрессивности в половом воспитании.

Отдельные элементы сексуального поведения и сексуальные реакции можно проследить уже у детей раннего возраста. Эрекции у мальчиков-младенцев, младенческая мастурбация и т. д. отражают наличие физиологических механизмов сексуальности задолго до возникновения собственно сексуального поведения. По мере развития и знакомства с миром, ребенок знакомится и со стереотипами сексуального поведения, которые он может пытаться имитировать как имитирует мир взрослых вообще. Это еще не сексуальное (в точном смысле этого слова) поведение, а скорее постепенно и подражательно складывающиеся стереотипы — формы, не наполненные пока содержанием. Даже при таких пугающих взрослых проявлениях, как коитальные игры, мастурбация, стремление наблюдать коитальное поведение других людей или животных и проч., сексуальность еще не представляет собой для ребенка ни самостоятельной ценности, ни целостности — отдельные, составляющие ее, элементы существуют сами по себе. Изучение сексуального поведения детей наталкивается на множество объективных и субъективных препятствий: здесь, с одной стороны, неочевидность сексуальности, проявляющейся чаще всего в скрытой от глаз взрослых детской культуре, а с другой — эротизация детства, приписывание ребенку сексуально-эротических личностных смыслов, проекция на него взрослого восприятия сексуальности. Речь же идет, подчеркнем еще раз, о содружественном развертывании биологических и социальных программ развития. Это можно сравнить с овладением чтением: знание букв не есть ни умение читать, ни потребность в чтении как таковом, ни — тем более — проявление тяги к литературе того или иного толка. Постепенное освоение физиологического и социального алфавита сексуальности включает в себя и усвоение направленности сексуального поведения на адекватный объект, формирование этой направленности и круга сексуально-эротических предпочтений.

Критическим периодом формирования сексуальной ориентации является пубертатный. Гормонально обусловленная энергетика выражается в пубертатной гиперсексуальности и разлитой эротичности, стимулируемых не только теми или иными реальными напоминаниями о сексуальности, но и сексуально индифферентными раздражителями. Сексуально-эротическим стимулом в этом возрасте может быть телесность вообще, а не только лиц противоположного пола. Сексуальное экспериментирование, благодаря гомосоциальности и гомофилии, часто разворачивается как раз в среде сверстников своего пола [Кон И. С., 1978]. К концу пубертатного периода такое экспериментирование обычно изживает себя и прекращается, основание для

беспокойства (требующего деликатного анализа, а не патогенного наклеивания диагностических ярлыков) дает продолжение его после 15—16 лет.

По мнению М. 8(ортн5 (1981), сексуальная ориентация складывается в результате взаимодействия развивающегося полового влечения и социального развития в раннем подростковом возрасте. При одинаковой силе полового влечения, согласно М. 51ортн5, сексуально-эротическая ориентация на лиц своего пола будет тем сильнее, чем длиннее период возрастного-половой сегрегации, а укорочение этого периода способствует гетеросексуальной ориентации. Реальное положение дел много сложнее, и в оформлении сексуальной ориентации и выработке эротических предпочтений участвуют далеко не только сила либидо и социальный опыт пубертатного периода. Известно, например, что при одних конституционально-характерологических типах гомосексуальное экспериментирование отмечается чаще, чем при других [Личко А. Е., 1983], и что абсолютно гомои гетеросексуальные установки присущи меньшинству людей, тогда как для большинства характерно большее или меньшее преобладание одной из установок. Бесспорно, однако, что пубертатный период для многих подростков оказывается временем своеобразной сексуально-ролевой неопределенности и растерянности, когда гиперсексуальность и разлитая эротичность могут вызывать у подростка сомнения в своей полноценности и нормальности. Если переживание такой неопределенности очень сильно, то внешний толчок в любую сторону (гомоили гетеросексуального поведения) может приносить субъективное облегчение, снижать психологическое напряжение — любая определенность, пусть и «плохая», переживается легче, чем неопределенность — и побуждать тем самым к выработке соответствующего стиля жизни. Вместе с тем «тропность» развивающейся личности к гетероили гомосексуальному опыту можно оценить лишь с учетом особенностей развития в более раннем возрасте.

Эти особенности невозможно с уверенностью свести к средовым влияниям: обследование детей, воспитывавшихся в семьях гомои транссексуалов, не обнаруживает влияния семьи на половую дифференциацию детей в казалась бы диктуемом семьей направлении [Шеекз Р. е(al., 1975; Огееп Р., 1978]. Это можно трактовать по-разному, но бесспорно, что понять их вне связи с гипотетическими пока биологическими детерминантами едва ли возможно.

ПОЛОВОЕ СОЗНАНИЕ

Половая дифференциация представляет собой сложную и динамичную систему, вырывать из которой отдельные элементы и соотносить их между собой без учета их конструктивной функции неправильно. Эта конструктивная функция реализуется в половом сознании и половых различиях.

По мнению Г. С. Васильченко [Общая сексопатология, 1977], динамика становления полового сознания различается у мужчин и женщин. Он описывает ее следующим образом. Формирование полового сознания у мужчин проходит 4 стадии. I стадия — понятийная. Она протекает в детстве и характеризуется отсутствием чувственно-эротической окраски физиологических реакций и связанного с полом и сексуальным поведением опыта. II стадия — романтическая (платоническая), когда эротичность еще не связана с сексуальностью и разворачивается в сфере несексуальной коммуникации, часто — лишь воображаемой и, как правило, возвышаемой и поэтизируемой. «Значение платонической стадии очень велико: именно платонический компонент возвышает физиологический инстинкт до истинно человеческой Любви. При редукции платонического компонента возникает опасность соскальзывания в примитивную похоть»¹. III стадия — сексуальная, характеризующаяся также как стадия

¹ Общая сексопатология. М., 1977, с. 140.

юношеской гиперсексуальности. IV стадия — зрелого полового сознания. Она характеризуется, в целом, гармоничным, но индивидуально очень вариативным единством понятийного, платонического и сексуально-эротического компонентов, с одной стороны, и представляемого ими комплекса и системы ценностных морально-этических ориентации личности — с другой.

У женщин, по Г. С. Васильченко, вслед за понятийной и платонической стадиями «обычно формируется (в отличие от сексуальной стадии и стадии зрелости у мужчин) третья, и последняя, стадия — пробуждения сексуальности, хотя у многих женщин этого вообще не происходит»¹.

Возможны и иные подходы к анализу формирования полового сознания у мужчин и женщин, обоснованные как работами, посвященными женской сексуальности [Святощ А. М., 1984; Здравомыслов В. И. и др., 1985], так и положениями Г. С. Васильченко. Он, в частности, отмечает, что динамика становления полового сознания у мужчин более прямолинейна, сексуальные реакции более определены (эрекция), а первый оргазм возникает автоматически, без предварительной выучки, и всегда связан с чувством удовлетворения. Нам не кажется, что положительная эмоциональность, адресуемая другому полу, обязательно отражает эротичность; романтизация, по нашему мнению, есть свойство этапа развития и определенного личностного склада — подросток как бы буквально следует определению романтизма Новалисом, придавая обыкновенному возвышенное значение, обыденному — тайный смысл, знакомому — достоинство незнакомого, конечному — видимость бесконечного, счастью — оттенок трагизма, причем это касается далеко не только отношений с представителями другого пола. Иное дело, что романтизация в приложении к полу выступает как высшее, духовное проявление сексуальности и эротичности, образующих не последовательные стадии, а стороны единого явления. Анализ зрелого полового сознания мужчины показывает, что его гармоничность в известной мере дисгармонична, ибо понятийный, романтический и сексуально-эротический элементы остаются в той или иной мере автономными — они объединяются в зрелом половом сознании как деловые партнеры, прочность союза которых определяется удовлетворением интересов каждого из них. У женщин же, как замечает Г. С. Васильченко, уже поведение на понятийной стадии отражает основную направленность будущей сексуальности — материнство, романтическая стадия продолжительнее и выраженнее, а оргазм не дается автоматически и требует выучки, связанной с эмоционально-личностным компонентом. В нашей практике сексологического консультирования и в практике сексотерапии [КгалосбуП 5., 1985] имеется достаточно примеров того, что испытанные женщиной физиологические ощущения при близости с нелюбимым мужчиной оцениваются как отсутствие оргазма, а с любимым человеком — как оргазм.

Это не значит, что она вообще неспособна к физиологическому оргазму при отсутствии оргазма эмоционального. Но это значит, что оптимальная, глубоко удовлетворяющая женщину сексуальность, если продолжить наше сравнение, определяется не партнерским союзом более или менее автономных понятийного, романтического и сексуально-эротического элементов, а своего рода сплавом их, в котором отдельные элементы, пользуясь языком философии, «сняты» в целостном явлении более высокого порядка. Зрелость, наступающая как этап развития полового сознания у мужчин, женщине как бы задана в качестве ядра структурирования полового самосознания, которое поэтому не может рассматриваться как «недоразвитое мужское», а представляет собой иное, чем у мужчин, качество. Такое понимание согласуется и с данными о половых различиях.

¹ Общая сексопатология. М., 1977, с. 144.

ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Результатом процесса половой дифференциации является формирование системы половых различий. Из множества таких различий, описанных до 1974 г., Е. Массо́бу, Н. ЛаскПп (1974) сочли достоверными лишь три: мужчины (мальчики) более агрессивны, у них выше успехи в зрительно-пространственных и математических операциях, а у женщин (девочек) выше языковые способности. Различия в послушности и заботливости, общем уровне активности, доминантности, страхе и тревожности, тактильной чувствительности, соревновательности требуют, по их мнению, уточнений. Они сочли недостоверными для девочек определяющее влияние на их развитие среды, большую внушаемость и социальность, успешность в требующих стандартного подхода заданиях, меньшее самоуважение и потребность в достижении, преимущественное развитие слухового анализатора, а для мальчиков определяющее влияние наследственности, большую успешность в сложных и нестандартных заданиях, более аналитичный стиль, преимущественное развитие зрительного анализатора.

Ранее мы уже указывали, что не все выводы этих исследователей оказались верными. И. С. Кон (1981 г.) считает, что они проявили излишнюю методическую придирчивость и что неподтвержденность психологами тех или иных различий не означает их отсутствия. По нашему мнению, анализ половых различий как однозначного явления просто невозможен, а неопределенность выводов Е. Массо́бу и Н. ЛаскПп была заранее предreshена подходом, в рамках которого сопоставлялись достаточно разнородные явления — от преимущественного развития анализаторов до самоуважения и соревновательности. По нашим данным, половые различия представляют собой многоуровневую систему, в которой отдельные уровни и те или иные качества на каждом из них не противопоставляются, а сопоставляются, причем между разными уровнями существует сложная система обратных связей, так что большинство качеств может быть прослежено на разных **уровнях**. **Рассмотрим с** этих позиций некоторые различия.

Агрессивность, по мнению Е. Массо́бу и Н. ЛаскПп, **доказанный** атрибут маскулинности, связанный с биологическими **детерминантами**. Но уже через несколько лет Т. Ие^{ег} (1980), проанализировав 94 публикации, заключил, что вывод о биологической природе агрессивности **у мужчин** неверен; по его мнению, дети до 6 лет не агрессивны, а после 6 **агрессивность** усваивается вместе с полоролевыми стереотипами. Заметим, что **это расходится** с данными Р. Срееп (1974), утверждавшего, что уже **к 4 годам** мальчики агрессивнее девочек. Возражая Т. "Пе^{ег}, Е. Массо́бу и Н. ЛаскПп (1980) ссылаются на эти данные и на данные межкультуральных обследований европейских, африканских и американских (США) детей; они подчеркивают, что незавершенность социализации в раннем возрасте не опровергает, а подтверждает врожденный характер половых различий в агрессивности.

А. ЕгосП и соавт. (1977) полагают, что мнение о большей агрессивности мужчин ложно, и речь должна идти не о различиях в степени агрессивности, а о половых различиях детерминации ее в разных ситуациях. Мужчины агрессивны там, где женщины, благодаря более выраженным у них эмпатичности, тревожности и чувству вины, подавляют открытую агрессию. В соответствии со стереотипами массового сознания мужчины чаще женщин сообщают об агрессивности в своих самоотчетах. Имеют значение пол жертвы и пол подстрекающего к агрессии. Авторы отвергают мнение о биологической обусловленности агрессивности и утверждают, что женщины не менее, чем мужчины, агрессивны, если расценивают свои действия как справедливые или чувствуют себя свободными от ответственности. По данным других исследователей, в сходных экспериментальных ситуациях направленность и выраженность аг

рессивности у мужчин и женщин могут выравниваться, даже если до эксперимента они различались.

В разных исследованиях агрессивность оценивается на основе разных признаков: ударов, нападений, разрушительных игр, враждебных высказываний и угроз, показателях тестовых методик и т. д. Естественно, что при этом результаты исследований значительно расходятся. Современная «агрессиология» вообще подчеркивает невозможность построения универсальной модели агрессивности человека, ключевым аспектом которой являются трудно идентифицируемые мотивы и намерения. Мальчики играют в войну, девочки — в куклы, но мальчик, систематически «расстреливающий пленных», и девочка, систематически и жестоко «наказывающая детей», вероятно, одинаково агрессивны. Немалое значение имеет и тип характера: женщина с акцентуацией по эпилептоидному типу более агрессивна, чем мужчина с акцентуацией по сенситивному типу. Эмпатичность женщин, полагают А. РппИ и соавт., сдерживает проявления агрессии. Но она же может делать агрессивность особо изощренной и прицельной, что вынуждает рассматривать агрессивность и эмпатию как независимые измерения личности.

Перечень трудностей можно было бы продолжить. Ситуация кажется тупиковой, если не учитывать, что за понятием агрессивности скрывается не один механизм, а система их. На биологическом уровне данные о гормональных механизмах ее вполне убедительны. Но уже на уровне реализующейся в поведении психики обнаруживается, что влияние гормонов на агрессивность неоднозначно. Так, А. р15сНег [цит. по: Кон И. С., 19816] вводил в мозг крысы-самца тестостерон, рассчитывая вызвать агрессивное поведение и половое возбуждение, но самец вместо спаривания с подсаженной самкой начал по-матерински «нянчить» ее; введение тестостерона в соседнюю точку мозга действительно привело к агрессивности и половому возбуждению, а инъекция между этими точками — к чередованию агрессивного и материнского поведения. На индивидуально-психологическом уровне имеет значение тип характера и, по данным А. И. Белкина и В. Н. Лакусты (1983), психологический настрой. На уровне социально-психологическом агрессивное поведение мотивируется прежде всего системой отношений, а затем уже индивидуальными свойствами их участников. Агрессия в социальном смысле, очевидно, не сводима к предыдущим уровням, хотя и связана с ними; ее может проявить человек с низким уровнем половых гормонов, не агрессивный в личных отношениях. Так, ребенок может быть в игре «палачом», но для одного это тягостная обязанность, а для другого — желанная роль; сходные коллизии — не редкость в серьезной взрослой жизни, и понять их через закономерности какого-либо одного, не связанного с другими, уровня едва ли возможно. С маскулинностью и фемининностью связаны, по нашему мнению, не мера агрессивности, а стиль ее проявления (более эмоционально-экспрессивный у женщин и инструментальный у мужчин) и различное отношение мужчин и женщин к агрессивности.

Эмпатия при самых разных методических подходах к ее изучению во всех возрастах более присуща лицам женского пола. Обобщив множество ее исследований, М. НоНтап (1977) заключил, что вероятность случайности такого вывода составляет 1:64 000. Эмпатия и моральное сознание соответствуют друг другу, но положительная зависимость эмпатии и готовности помочь другому обнаружена только у мальчиков, на основании чего считают, что только у них социализация влияет на развитие эмпатии [Е15епБег^ -Вег^ N.. Миззеп Р., 1978]. Р. В1апск и соавт. (1981) отмечают разницу направленности влияния социализации на эмпатию: мужчины в течение жизни «обучаются» эмпатии, а женщины «разучиваются», так как слишком высокая эмпатичность социально обязывает и потому «невыгодна»; но полностью различия между мужчинами и женщинами не нивелируются.

Причину более высокой эмпатичности женщин можно видеть в «материнском инстинкте», т. е. на биологическом уровне. На нейрофизиологическом уровне она может быть связана с более симметричным, чем у мужчин, функционированием полушарий, способствующим более целостнообразному и эмоциональному восприятию. Индивидуальные вариации эмпатии, как психологического свойства, достаточно широки, так что персональные сравнения легко могут обнаружить мужчин, превосходящих по эмпатичности женщин. Социально-психологический анализ скорее подчеркнет способствующие или препятствующие эмпатическим поведению и переживаниям отношения и разные способы проявления эмпатии в разных социально-психологических контекстах. На уровне же социальном это «женское» и, в целом, стимулируемое у девочек свойство не всегда желательно и может в той или иной мере «свертываться».

Интеллект и способности. Большинство признанных достоверными Е. Массоу и Н. ЛаскПп различий относятся именно к этой сфере и подтверждались множеством последующих работ. Но К. Рлотт и Т. Рось (1981), заново проанализировав те же, что Е. Массоу и Н. ЛаскПп исследования, пришли к выводу о большем значении индивидуальных различий; половые различия, по их мнению, ответственны не более чем за 5 % от общей дисперсии показателей интеллекта и 1 % — вербальных способностей. Иной, и на наш взгляд более продуктивный, подход, связанный не со сравнением выраженности отдельных способностей у лиц разного пола, а с изучением организации интеллектуальной деятельности, продемонстрирован в работе Б. Уогтаск (1980). Сопоставив факторные структуры способностей, он выделил у мужчин 3 фактора (вербальный — 72% переменных, зрительно-пространственный—18% и математический—10%), а у женщин—2 (объединяющий все 3 выделенных у мужчин фактора — 72 % переменных и вербально-зависимый от пола—28%). Таким образом, у мужчин основные факторы способностей более автономны, чем у женщин, что сопоставимо с представлениями об аналитическом и синтетическом, дискретном и непрерывном в мышлении [Налимов В. В., 1979]. Эти данные хорошо согласуются с данными о большей автономности, асимметричности взаимодействия полушарий у мужчин. Речь, таким образом, идет не о том, кто умнее — мужчины или женщины, а о биологически обусловленных различиях в организации интеллекта и мышления, неявных на житейском уровне. Вместе с тем, социальные и социально-психологические факторы влияют на реализацию врожденных задатков, стимулируя одни и дезактуализируя другие их особенности у лиц разного пола.

Приведенных примеров достаточно для того, чтобы, не обращаясь ко многим другим различиям, подчеркнуть главное: системность половых различий как проявлений биосоциального бытия человека. «...В человеке все решительно от наследственности, от генов, решительно все. И в человеке решительно все — все — от воспитания. Не пятьдесят на пятьдесят, не это — от наследственности, а это — от воспитания, а все от наследственности и все от воспитания»¹. Анализ половых различий, а следовательно—и воспитательные выводы из него, существенно зависят от того, насколько гибкой и адекватной будет система соотнесения данного и заданного, врожденного и приобретенного как взаимообуславливающих, а не взаимоисключающих детерминант психосексуального развития. Вне этого едва ли возможна реалистическая и корректная (нельзя подчинить природу, не подчиняясь ее законам) постановка проблемы полового воспитания и ее решение.

¹ Соловейчик С. «Агу» и «Бука». — Новый мир, 1985, № 3, с. 197.

Глава 4

ПОЛОВОЕ ВОСПИТАНИЕ ДОШКОЛЬНИКОВ

Все исследователи, с каких бы позиций они ни рассматривали детство, единодушны во мнении о том, что первые 5—6 лет жизни — это тот период, в котором формируются базисные слои психики и личности, существенно влияющие на динамику последующего развития. Ни один другой возраст не знает таких головокружительных темпов развития: от первого слова в 10—11 мес до 200—300 слов в 2 года и 1200—1500 в 3 года (напомним, что словарь повседневной речи взрослого человека обычно состоит из 1500—2000 слов). Иногда для иллюстрации этих темпов используют образное сравнение, утверждая, например, что примерно половину пути интеллектуального развития человек проделывает к 4 годам [Вит В., 1964]. Не менее поразительны темпы развития и других сторон личности: ребенок проходит путь от способности к общению до потребности в общении и инициативного общения [Каган В. Е., 1983], выделяет себя из среды и осознает свое физическое и психическое «Я», проходит период «кризиса 3-летних» и к 6—7 годам начинает осмысливать собственные переживания и ориентироваться в них. Изменяясь под влиянием среды, ребенок меняет свое отношение к ней: стремление к удовлетворению органических потребностей все более перерастает в диктуемую содержательными и эмоциональными мотивами деятельность [Выготский Л. С., 1984]. Это возраст, в котором адаптация преобладает над индивидуальностью [Петровский А. В., 1984], но и предполагает ее как необходимое условие. Даже в младенчестве, когда среда создает условия для развертывания врожденных программ, дети неодинаковы; уже в это время могут быть выявлены некоторые различия в реагировании и поведении мальчиков и девочек. От предпосылок психосексуальной дифференциации к сформированным половым ролям/идентичностям — таков путь дошкольника.

ДИНАМИКА ПОЛОРОЛЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Связанные с полом различия обнаруживаются уже с первых дней жизни. У девочек ниже, чем у мальчиков, пороги тактильной и болевой чувствительности, они дольше спят. У мальчиков лучше мышечное развитие и способность удерживать головку. У новорожденных девочек больше, чем у мальчиков, усиливается аппетит при подслащивании пищи. В 3 мес для мальчиков при выработке навыка, например, фиксации взгляда на предмете, лучшим поощрением служит визуальное поощрение (показ белого круга на ярком цветном фоне), а для девочек — слуховое (ласковый голос). В 6 мес у девочек сердцебиение замедляется больше при прослушивании джазовых мелодий, а у мальчиков — при восприятии немusыкальных прерывистых звуков. Р. Огееп (1974), обобщая эти данные, замечает, что, хотя значение их может казаться сомнительным, за ними должны скрываться существующие уже к рождению реальные различия. В отличие от интерпретаторов его работ, видящих в них исключительно доказательство роли социальных влияний на формирование пола, сам Р. Огееп рассматривает вопрос шире: будет ли, например, фемининный по таким признакам мальчик и в последующей жизни фемининным и насколько результативным феминизирующим влиянием на мальчика будет обладать обращение с ним в младенчестве как с девочкой?

Различия игрового поведения мальчиков и девочек впервые прослеживаются в 13 мес. Девочки менее охотно уходят с материнских рук, чаще возвращаются к матери и оглядываются на нее, чаще стремятся вступить с ней в непосредственный физический контакт, их игры пассивнее, чем у мальчиков. При отделении ребенка от игрушек барьером мальчики чаще двигаются вдоль него (возможно, пытаясь его обойти), а девочки чаще плачут и требуют помощи матери. Наблюдение тех же групп через 6 мес показало, что матери девочек чаще, чем мальчиков, вступали с ребенком в телесный контакт и говорили с ним. Как понимать значение этих данных, цитируемых К. Огееп? Известно, что уже в младенчестве мальчики получают от матери больше физической стимуляции, а на долю девочки приходится больше голосовых имитаций. Одни исследователи полагают, что эти различия в поведении матерей обусловлены врожденными половыми различиями детей (лучшее физическое развитие мальчиков и более высокие языковые способности девочек) — мать как бы подстраивает свое поведение под особенности ребенка. Другие, наоборот, считают, что поведение матери формирует эти различия. Большая склонность девочек искать опору в матери обнаруживается не только у человека, но и у приматов: это можно с равными основаниями понимать и как подтверждение биологической детерминации поведения мальчиков и девочек, и как результат известного сходства ранней социализации у приматов и человека.

Изучение предпочтений мальчиками и девочками тех или иных игрушек наталкивается на трудности достоверной интерпретации выбора. Т. "Педег и Б. РаиПпйом (1978), сравнив ряд таких исследований, заметили, что выявление половых различий в игре зависит от методики исследования и позиций исследователя, а работы, выявившие различия, проведены раньше опровергающих. Приверженцы ортодоксального психоанализа обращали внимание на то, что мальчики чаще используют строительный материал для возведения вертикальных конструкций, а девочки — для выкладывания плоских пространств с открытым входом; это рассматривается как символизация мужских и женских гениталий, но вопрос о том, кому принадлежат эти фаллические и вагинальные ассоциации — детям или исследователям, остается открытым.

Вместе с тем, несомненно, что половые различия в содержании и стиле игры существуют уже на 2-м году жизни и что к 4 годам мальчики более маскулинны, чем девочки фемининны. Девочки этого возраста в соответствующей ситуации вполне могут повести себя как мальчики; однако мальчики даже там, где фемининное поведение обеспечивало бы больший успех, ведут себя подчеркнуто маскулинно, обнаруживая более инициативное, активное, соревновательное и агрессивное поведение, чем девочки. Так называемый «кризис 3-летних» у мальчиков протекает резче и конфликтнее.

Мы уже говорили, что в дошкольном возрасте совершается этапное развертывание и становление половых ролей / идентичностей: первичная идентичность — роль — единство роли и идентичности. Напомним вкратце, что первая категория, в которой ребенок осмысляет свое «я», это категория пола. К 1¹/_г—2 годам ребенок знает, мальчик он или девочка, но не знает, почему это так. Далее разворачивается этап освоения половых ролей и знакомства с различиями полов. На этом этапе (1¹/_г—5 лет) ребенок допускает обратимость пола, рассматривая его как временное и меняющееся состояние индивида, а не его постоянное свойство; половые роли и идентичности еще формируются и могут диссоциировать. Лишь к 5—6 годам в ходе нормального развития роли и идентичности сплавляются и становятся сторонами единого качества. К этому возрасту ребенок уже знает, что он вырастет и будет мужчиной (или женщиной), хотя количественная разница «мальчик — мужчина» («девочка — женщина») может казаться ему много больше, чем качественная разница сверстников разного пола.

Не утихшая пока дискуссия о биологической или социальной детерминации этих процессов носит весьма отвлеченный характер, ибо процессы эти биосоциальны. Считается, что генитальный пол новорожденного сигнализирует взрослым о необходимом стиле общения с ребенком — анатомический факт переводится в информационный знак, становится фактом языковым. Исходя из проведенных им исследований, наш сотрудник И. И. Лунин считает, что отправным моментом формирования первичной половой идентичности до начала речевого развития ребенка являются используемые в общении с ним коммуникативные средства и обозначения (указания пола — «мой мальчик», скрытая в ряде имен информация о поле, тембровая и интонационная окраска мужской и женской речи и проч.). Должен, однако, существовать некий «ключ», при помощи которого ребенок может расшифровать указания на свой пол, сравнить и соотнести средства идентификации с «я» и «не я». Нахождение этого «ключа» едва ли возможно без учета того, что уже новорожденные девочки и мальчики по-разному реагируют на мужчин и на женщин. Направление половой дифференциации определяется не только средовыми факторами, но и врожденными особенностями реагирования. Да и сами языковые стороны половой идентификации неоднозначны, как вообще неоднозначно соотношение языка и реальности, им обозначаемой: «Робинзонада личного опыта, когда в сознание ребенка сначала входит некоторый объект, которому подыскивается слово, представляет лишь одну сторону процесса. Не менее важной является другая: ребенок получает не отдельные слова, а язык как таковой. Это приводит к тому, что огромная масса слов, уже вошедших в его сознание, для него не сцеплена с какой-либо реальностью. Дальнейший процесс «обучения культуре» заключается в открытии этих сцеплений и в наполнении «чужого» слова «своим» содержанием»¹. В ходе половой идентификации ребенок и подыскивает названия для проявления пола, и наполняет обозначения пола конкретным содержанием.

СЕКСУАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

За понятием взрослого сексуального поведения скрывается вполне определенный смысл. Если же суммировать мнения разных исследований о сексуальном поведении детей, то в него войдут мастурбация и другие способы раздражения гениталий; поглаживание, почесывание, царапание тела; все виды сосательных действий (сосание языка, пальцев, вещей); кусание ногтей; кусание и облизывание губ; ковыряние в носу; трихотилломания; чрезмерная нежность; сквернословие; связанные с полом фантазии; надписи и рисунки на стенах полового или кажушегося таковым содержания; задержка дефекации и мочеиспускания; подглядывание за обнажением и естественными отправлениями других людей; стремление причинить физическую или душевную боль другим либо быть объектом такого причинения; вообще все формы любознательности и любопытства, так или иначе обращенные на пол, и т. д. Такое расширительное толкование детской сексуальности, во многом обязанное ассоциациям взрослых, требует осторожности тем большей, чем младше ребенок. Диагностическое их значение различно [Ковалев В. В., 1985]. Действительно, многие из перечисленных проявлений могут обретать сексуальную окраску. Мы, например, неоднократно наблюдали, как резко прекращение сосания пальца сменялось мастурбацией и наоборот. Но в целом подавляющее большинство этих проявлений следует считать условно сексуальными и судить об их сексуальности по сочетанию с другими прямыми ее проявлениями или смене их друг другом [Исаев Д. Н., Каган В. Е., 1979].

¹Лотман Ю. М. Асимметрия и диалог.— В кн.: Текст и культура. Труды по знаковым системам. XVI, Тарту, 1983, с. 27.

Не задерживаясь на многократно обсуждавшихся взглядах З. Фрейда на детскую сексуальность, отметим лишь, что в рамках нашей модели психосексуальной дифференциации сексуальность у дошкольников представлена не целостным качеством, а его разрозненными элементами, сторонами, предпосылками, а поэтому мнение об аутоэротичности ребенка, если понимать эротическое как высшую психическую переработку сексуального, едва ли обоснованно: эротическое формируется лишь на основе складывающегося сексуального. Внешнее сходство поведения ребенка с теми или иными проявлениями сексуального поведения взрослых еще не обозначает идентичности мотивов и переживаний ребенка и взрослого. А. ОезеИ и Р. (1973) описывают сексуальное поведение дошкольников так. В возрасте от 10 мес до 1 года дети трогают гениталии, но началом мастурбации это становится крайне редко. В 1¹/[^] года появляется особая нежность к матери, особенно при усталости или мокрою белье. В 2 года дети стремятся поцеловать мать перед сном, начинают различать мальчиков и девочек по одежде и прическе. В 2¹/^г года знают о своих половых органах и раздетые могут играть ими; проявляют интерес к обнажению других людей; различают мальчиков и девочек по позам при уринации, хотя еще не могут объяснить этого; появляется интерес к физиологическим отличиям полов, вопросы о материнских грудях. В 3 года спрашивают о различиях полов, позах при уринации; стремятся рассматривать тело взрослого и касаться его, особенно — материнской груди; интересуются малышами и просят братика или сестричку; спрашивают — откуда берутся дети, где они были раньше, но еще не понимают рассказов о развитии внутри тела матери; говорят, что женятся на матери или выйдут замуж за отца, когда вырастут. В 4 года играют пупком, спрашивают о нем; при внезапных волнениях может возникать позыв на мочеиспускание; появляются игры с обнажением, демонстрацией гениталий и уринации; иногда подолгу повторяют «неприличные» слова; внимание к обнажению других может сочетаться с требованием ребенка не глядеть на него раздетого; спрашивают — как дети попадают в живот к матери и выходят оттуда, но могут и настаивать на том, что их купили в магазине. В 5 лет снижается интерес к анатомическим различиям полов, появляются вопросы о детстве родителей, просьбы о сестре или брате, намерение иметь в будущем своих детей. В 6 лет нередок интерес к тому, как обзавестись детьми не больно ли это, какова роль отца; повторяя дома то, что слышали на улице, ждут реакции родителей.

Нетрудно заметить, что и в этом описании круг сексуального поведения расширен. По данным наших опросов (Д. Н. Исаев, Н. В. Александрова), мастурбация в возрасте до 7 лет по опросам молодежи отмечена у 2,5 % юношей и 5 % девушек. По сведениям родителей мастурбируют 5 % детей, а по сведениям воспитателей детских учреждений — 11 % детей. О подглядывании за обнажением, уринацией и дефекацией, интимной жизнью взрослых припомнили 5 % юношей и 4 % девушек. Родители полагают, что такого рода интерес распространен шире (25 %), сходного мнения придерживаются и воспитатели. Родители и воспитатели отметили попытки обнажения у 5 % детей, но лишь около 3 % молодежи (чаще юноши) смогли припомнить это у себя. Примерно 5 % мальчиков и 8 % девочек влюбляются в лиц другого пола разного возраста. Педагоги примерно у 30 % детей, а родители — у 15 % отмечают особую привязанность детей к животным. Как и привязанность к персоналу детских учреждений, обнаруженная примерно у 30 % детей, это не имеет сексуального значения, но может указывать на недостаточный эмоциональный контакт с родителями, затрудняющий половую дифференциацию. Не исключено, что случаи желания детей изменить свою половую принадлежность (12 %) объясняются мотивами их привязанности к посторонним людям. Редкие случаи страха утраты половых отличий связаны, по-видимому, с ошибками воспитания: запугиванием, роди

тельским отверганием, инвертным воспитанием, ревностью к сиблингу. Игры с взаимным раздеванием отмечены родителями 50 % детей. По мнению матерей — 5 %, а по мнению воспитателей — 10 % детей проявляют интерес к «неприличной» тематике, хотя этот интерес не обязательно сексуален и может быть просто средством привлечения внимания и самоутверждения.

В ходе формирования физической идентичности ребенок, начиная с раннего возраста, открывает различные части тела и знакомится с доставляемыми ими ощущениями. Жалобы на ощупывание младенцами гениталий преувеличены — матери забывают, что пеленки обычно снимаются при взрослых. У мальчиков-младенцев отмечаются эрекции реш'з'а — они легко провоцируются переполнением мочевого пузыря, прямой кишки, кожными раздражениями, а во сне связаны с фазой быстрых движений глаз. Телесное удовольствие от манипуляций с гениталиями младенец начинает получать не ранее 6-месячного возраста; интенсивность проявлений в этот период различна у разных детей [Онуе Л., 1974].

Младенческая мастурбация встречается чаще у девочек. Проявления ее разнообразны: раздражение гениталий руками, трение гениталиями о предметы или тело взрослого. Некоторые дети бьют себя пятками по ягодицам, лежа на животе. Но чаще всего она выглядит как сильное сжатие сомкнутых или скрещенных бедер с вытянутым и напряженным, иногда — почти до опистотонуса, телом и явным возбуждением, гиперемией кожи, удовлетворенным «мычанием»; это длится от долей минуты до минут (попытки прервать это состояние вызывают резкую реакцию неудовольствия), а затем после оргазмоподобного «взрыва» активности наступает расслабление тела, сопровождающееся бледностью, потением, иногда последующей сонливостью. У мальчиков при младенческой мастурбации наблюдаются ритмичные движения тела с характерной пульсацией реш'з'а и толчкообразными движениями таза, явными изменениями чувствительности и завершающим напряжением с последующим расслаблением. За исключением эякуляции это вполне соответствует картине мужского оргазма, и А. Ктзеу наблюдал такие картины даже у 5-месячных младенцев.

Чаще всего младенческая мастурбация проходит без каких-либо последствий. Примерно в 20 % случаев она продолжается (как правило у девочек) до достижения умения вызывать оргастическую реакцию [Вакшт Н., Вакмш К., 1972]. Стереотипность ее проявлений и переходящий характер заставляют думать о неравномерности созревания глубоких структур мозга, которую не следует непременно связывать с невропатической конституцией, энцефалопатиями или умственной отсталостью. Врачебная консультация тем не менее уместна, а сохранение мастурбации к 2 годам заставляет искать причины того, почему это явление затягивается.

В более старшем возрасте круг причин мастурбации расширяется, и она может быть, по нашей [Исаев Д. Н., Каган В. Е., 1986] классификации, симптоматической (при раздражении гениталий инфекционно-соматическими и физическими влияниями), фрустрационной (смягчающей переживание эмоционального дискомфорта), невротической, привитой (подобно другим, «липнушим» к ребенку, привычкам). Псевдомастурбация (исследовательское или привычное ощупывание гениталий) распространена довольно широко, но мастурбацией в строгом смысле не является. Истинная ранняя мастурбация — явление не частое, обычно разворачивающееся в комплексе с другими сексуальными проявлениями.

Детская влюбленность, адресованная взрослому противоположного пола из постоянного окружения ребенка, может возникать довольно рано. Восхищение, стремление видеть «предмет любви», быть рядом с ним, наивно-непосредственная открытость и, вместе с тем, целомудренная потаенность чувства — ее наиболее характерные черты. Сколько-нибудь отчетливой сексуальной окрас

ки она не имеет, — в отличие от некоторых случаев ревности одного из родителей к другому ребенку (нередко сводным братьям и сестрам), которые могут выглядеть сексуально насыщенными; но и в этих случаях анализ чаще выявляет психозащитное стремление к близости, концентрации на себе внимания взрослых.

СРЕДА И ПОЛОРОЛЕВОЕ РАЗВИТИЕ

В младенчестве родители или постоянно заменяющие их лица составляют основную среду обитания ребенка, от которой зависит развитие его психики и даже жизнь: существуют наблюдения, что дети, лишенные эмоционального контакта со взрослыми, могут при отсутствии соматических заболеваний в возрасте 4—5 лет погибнуть при явлениях маразма. В одном из родильных домов ФРГ новорожденных из страха перед инфекционными заболеваниями длительное время содержали в кюветах; смертность среди них достигала 32:1000. В тюрьме же с ее худшими условиями, но при возможности совместного пребывания ребенка с матерью, смертность составляла 19:1000. Но если исход бывает и не столь тяжел, эмоциональный мир младенца в условиях подобной депривации не получает необходимых стимулов к развитию и ребенок рискует вырасти недостаточно способным к контакту, с более или менее тяжелыми нарушениями психики [Hillel M., 1974; Bap^teleg L., Male]сек 2., 1984]. Не испытавший материнского тепла в младенчестве, лишенный его позже или «разочаровавшийся» в матери, он может чувствовать себя беззащитным, испытывать страх, тревогу и находить утешение в ощущениях от собственного тела (раскачиваться, сосать палец, кусать губы, раздражать гениталии и т. д.). У выросших в условиях материнской депривации приматов, по данным широко известных экспериментов Н. Harlow, выявлялись тяжелые нарушения поведения, они были неспособны к полноценному копулятивному и родительскому поведению. Б. Уаггош (1965) подчеркивает роль матери как источника сенсорной стимуляции и удовлетворения витальных потребностей младенца, посредника между ребенком и средой. Индивидуализированное предпочтение младенцем матери устанавливается с 5—6-месячного возраста и в итоге приводит к формированию более широких отношений с окружающим миром. В 5—7 лет начинается некоторое ослабление привязанности ребенка к матери как подготовка к более самостоятельной жизни.

Ранее мы касались роли отца в полоролевой дифференциации. Наибольший же интерес вызывает не столько раздельное понимание миссии отцовства и материнства, сколько роль семьи, в которой эти миссии обретают конкретное выражение [Спиваковская А. С., 1986]. Для этого показательны исследования нашего сотрудника И. И. Лунина. Он использовал для изучения семейной социализации разработанную им методику изучения семейной социализации (МИСС) и адаптированную методику измерения родительских реакций (МИРР) в сочетании с опросниками для родителей о половых различиях, обследовав 50 полных семей (по 25, имеющих мальчика или девочку) с детьми (средний возраст 6 лет), посещавшими детский сад, и 50 детей (по 25 мальчиков и девочек) того же возраста, не менее 4 лет воспитывавшихся в детском доме.

Стимулы МИСС представляют собой рисованные изображения связанных с полом ситуаций, в которых участвуют все члены семьи или (для воспитывавшихся в детском доме) вместо родителей изображены мальчик и девочка. От ребенка требовалось ответить на вопросы:

1. Бывает ли такое? Можно ли так делать и хочется ли, чтобы так было? (в ситуации наказания — согласен ли с ним)?
2. Нравится ли изображенная ситуация каждому из родителей?
3. Обозначить ситуацию в целом и каждого из ее участников каким-либо цветом из 8-цветного набора Люшера.

Родители определяли:

1. Нравится ли ситуация каждому из участников?

2. Бывает ли такое?

3. Производили цветовую идентификацию ситуации и ее участников.

Воспитывающиеся дома дети не обнаружили половых различий в отношении к ситуациям агрессии и оказания помощи родителям. Мальчики считали, что наказывать их имеют право оба родителя, но «справедливые» наказания приписывали матери; девочки, оставляя право наказания преимущественно за мать, «справедливые» наказания приписывали отцу. Существенные различия выявлялись в оценке игровой деятельности. Вербальные и цветовые оценки мальчиков указывали на предпочтение игры с танком и отвергание игры с куклой. Все мальчики считали, что отцу их игра с куклой не понравится, но половина указывала, что маме это может нравиться. Девочки предпочитали игру с куклой, но вполне допускали игру с танком; отношение родителей к своим «мужским» играм воспринимали как спокойное или заинтересованное.

Отцы в полном соответствии с представлениями о них матерей и детей отрицательно относились к несвойственным полу ребенка (особенно у мальчиков) играм. Во всех остальных случаях представления родителей и детей о ситуации не совпадали. Матери положительно относились к любой помощи детей. Отцы девочек не одобряли их попыток помогать в «мужском» труде, помощь же сыновей матери в «женском» труде считали вполне допустимой; они считали, вопреки мнению самих мальчиков, что сыновьям такая помощь матери не по душе. Несмотря на невозможность каждого члена семьи увидеть себя глазами других, обследованные семьи все же обладали определенной структурной уравновешенностью—позиция одного члена семьи не становилась жестким императивом для других. Так, отец мог быть настроен против помощи ему со стороны дочери, мать — не разделять позиции отца, а девочка — все же пользоваться его инструментами.

Обработка полученных данных на ЭВМ позволила отразить сложную систему оценок и отношений в графических индивидуальных и обобщенных моделях полоролевых отношений в семье. Их сравнение выявляет различия на всех уровнях между семьями мальчиков и девочек. Однако вывод об однозначно фемининном или маскулинном типе воспитания был бы опрометчив, ибо анализ показывает, что они могут существенно различаться и внутри пола.

Воспитанники детского дома выявили больше различий между полами, чем «домашние» дети. Мальчики и девочки оказались в своих установках значительно более нормативными и склонными более строго следовать декларативным образцам, хотя неосознаваемые установки могли таким образом противоречить. Так, все считали, что драться нельзя, но мальчики все же чаще дрались (больше друг с другом, меньше с девочками), в целом оказываясь агрессивнее девочек. Все дети высокоположительно оценивали проявления ласки, исходящей от человека любого пола. Взрослый труд «своего пола» мальчики чаще рассматривали негативно или амбивалентно: они считали, что это нельзя, не хочется и не бывает, но полагали, что наблюдающему мальчику это нравится. Аналогичным было и отношение девочек к «мужскому» труду. «Женский» же труд и мальчики, и девочки оценивали положительно. И. И. Лунин справедливо полагает, что это связано с запретностью в детском доме «мужского» труда из-за опасений травматизма. Видимо, не меньшее значение имеет и то, что все воспитатели — женщины.

Обследование по МИРР включало в себя прослушивание родителями адресованных соответственно матери и отцу магнитофонных записей 20 фраз, произносимых 6-летним ребенком, пол которого по голосу определить невозможно. Это были просьбы о помощи, агрессивные высказывания, потребность в утешении, разрушительное поведение, дерзость, общение с гостем и младшим ребен

ком, проявление самостоятельности, привлечение к себе внимания, вопросы о поле. Родителям предлагалось представить, что это говорит их ребенок, и ответить,отреагировать на услышанное. Реакции были, как правило, ярки и эмоциональны. Затем родители заполняли опросники половых различий, определяя: 1) относятся ли 32 в общем нейтральных по полу качества к мальчикам, девочкам или к тем и к другим; 2) важность всех этих качеств для мальчиков и для девочек.

В отличие от результатов по МИСС, между родителями мальчиков и родителями девочек различий не было, но между матерями и отцами они обнаруживались. Отцы спокойнее матерей относились к агрессии детей в адрес младших и гостей, к конфликтам ребенка и гостя, чаще отзывались на просьбы детей о помощи в игре, занимали более жесткую позицию по отношению к вопросу ребенка: «Откуда берутся дети?». Матери были внимательнее отцов к физическим жалобам ребенка и при заполнении опросников находили больше различий между полами. Чем более выраженными и важными представлялись родителям половые различия, тем больше они затруднялись при столкновении с вопросом о происхождении детей и тем менее реалистическими были их ответы.

Оказалось интересным сопоставление данных по МИСС, моделирующей зрительный образ ситуации, и МИРР, моделирующей слуховой образ; зрительные модели больше, чем слуховые, «пропитаны» половыми различиями, на основании чего делается предположение, что зрительное восприятие больше влияет на связанное с полом реагирование. Не исключено, что в других возрастных группах значение этой разницы может быть иным.

Эти эксперименты еще раз обращают внимание на то, что половое воспитание в семье — не просто сумма влияний взрослых на ребенка-дошкольника, а сложная система взаимных влияний взрослых и ребенка друг на друга. В этой системе существуют свои внутренние противоречия, но значение их отнюдь не обязательно негативно и потому, что они могут уравновешивать и компенсировать друг друга, и потому, что побуждают ребенка на этапе интенсивного полоролевого формирования к собственной активности, поисковому поведению.

МЕДИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Отношение к половому воспитанию и просвещению дошкольников очень неоднозначно. Если, например, Е. ЕесМтап (1970) посвящает их методам большую часть своей книги, то В. ВеКеШеип [цит. по: К. Тос1с1, 1979] считает, что современное половое воспитание, пытающееся привить ребенку взгляд на сексуальность как нечто нормальное и прекрасное, попросту не считается с тем, что ребенок может воспринимать сексуальность как нечто отталкивающее, и это может иметь для детской психики важную защитную функцию. Понимание особенностей детской субкультуры снимает противоречие этих, на первый взгляд взаимоисключающих, мнений: отношения ребенка и взрослого к полу и сексуальности, очевидно, не тождественны, а удовлетворение естественного интереса ребенка к полу и сексуальности, как сторонам жизни, и помощь в полоролевом развитии не следует превращать в преждевременное навязывание ребенку взрослых стереотипов восприятия и переживания сексуальности. В большинстве отечественных публикаций основное внимание сосредоточено на необходимости привития гигиенических навыков, избегания раздражения эрогенных зон и сексуальной стимуляции, организации рационального режима дня и питания, важности этических норм, корректности демонстрируемых взрослыми отношений и т. п. Но даже таким (очень общим) образом понимаемое половое воспитание дошкольников проводится недостаточно.

Разумеется, говоря о половом воспитании, врач не может не дать режимногигиенических рекомендаций. Значение их усиливается тем, что, воспитывая

детей в гораздо более благоприятных условиях, чем росли они сами, родители не всегда могут соблюсти необходимую меру в уходе за ребенком. Страх простуды и излишнее укутывание не только снижают сопротивляемость организма, но и создают условия для раздражения гениталий (тесная одежда, обильное потоотделение). Не только возбуждающая пища (избыток мяса, жареные, острые, пряные блюда, шоколад, тонизирующие напитки), но и просто избыток пищи, благодаря переполнению кровью тазовых органов, может создавать условия для сексуальной стимуляции. Постель не должна быть слишком мягкой и теплой, а ночная одежда — тесной (мальчикам нередко, стремясь помешать играм с гениталиями, надевают тесные трусики, добиваясь этим противоположного эффекта). Шумные, бурные игры перед сном, эмоционально напряженные телепередачи, а тем более предназначенные для взрослых, возбуждают ребенка, так что в попытках заснуть он может успокаивать себя, играя с гениталиями. Чрезмерные ласки взрослых, особенно в области эрогенных зон, могут сексуально стимулировать ребенка, тем более, если они исходят от родителей противоположного пола¹. Суебливость, расторможенность и нецеленаправленность дневного поведения некоторых детей в сочетании с естественной детской любознательностью и удовольствием от телесной активности также могут способствовать сексуальной стимуляции. Лучше попытаться отвлечь и переключить, чем жестко заблокировать нежелательные игры.

Родители должны иметь представление о нормальной величине, форме и функционировании половых органов детей, в частности, о физиологическом характере спонтанных эрекции у мальчиков-младенцев, о возможности увеличения молочных желез у новорожденных обоих полов и кровянистых вагинальных выделений у девочек-младенцев, о возможных отклонениях (например, неопущение яичек у мальчиков). Сведения о темпах полового развития должны даваться так, чтобы представления родителей о преждевременном или задержанном развитии не были расширенными и не вели к самостоятельной гипердиагностике и вытекающим из нее домашним мерам.

Оптимальный возраст для обучения навыкам опрятности — 1—2 года. Девочки обычно быстрее мальчиков приучаются пользоваться горшком и оставаться сухими ночью. Примерно с года желательно знакомить ребенка с местом, где он будет справляться, с горшком. Может использоваться пример уринации и дефекации более старших детей того же пола. Засиживание на горшке часто сопровождается игрой с гениталиями — при этом необходимы не репрессии взрослых, из-за своей непонятности вызывающие у ребенка лишь негативные эмоции, а надлежащий уход за детьми. Навыки опрятности должны быть дифференцированы по полу. Не всем детям это удастся сразу — мальчики часто не хотят мочиться стоя, а девочки могут стремиться пробовать делать это как мальчики. Тогда приходится использовать пример старших, давать нужные разъяснения.

На 2—3-м году ребенок изучает свое тело при любом обнажении, например, при купании. Дружелюбное, спокойное, без тревоги и гнева отвлечение, необходимые разъяснения при вопросах ребенка предупреждают избыточную фиксацию на этом. Если мальчик, купаясь, показывает на свой ретз и спрашивает у матери — есть ли это у нее, то вместо того, чтобы стыдить его («Хорошие дети об этом не спрашивают»), лучше спокойно ответить, что это есть только у мальчиков и взрослых мужчин, а девочки и женщины устроены иначе.

¹ Эти влияния могут участвовать в формировании эрогенных зон у женщин, у которых, как подчеркивается [Васильченко Г. С., 1977; Свядош А. М., 1984; Здравомыслов В. И. и др., 1985;

1 гпІеМп5кІ К., 1986], экстрагенитальные эрогенные зоны играют большую, чем у мужчин, роль. Функциональный спектр эрогенных зон женщины существенно зависит от индивидуального, в том числе раннего, опыта.

Несмотря на полезность режимно-гигиенических советов, они никоим образом не исчерпывают полового воспитания. Принципиальное значение имеет естественное и спокойное отношение взрослых к телу и телесным отправлениям. Оно вне зависимости от декларируемых и осознаваемых родителями намерений определяет нюансы их поведения, как воспитывающие ребенка влияния. Родители нередко боятся, что вид обнаженного тела обязательно стимулирует «нездоровый» интерес к сексуальности. Важно, однако, не само по себе обнажение, а придаваемое ему взрослыми, а потом — по их примеру — и ребенком значение. Т. Бостанджиев (1977) считает, что при определенных условиях обнаженность не вызывает нежелательных реакций и, ссылаясь на лучшие стороны движения за свободную телесную культуру, рекомендует совместные физкультурные занятия и игры обнаженных взрослых и детей в условиях, например, летнего отдыха. Абсолютизировать такие рекомендации не следует: родители, смущающиеся при обнажении перед ребенком, рискуют своим эмоциональным напряжением сообщить наготе оттенок запретности, сенсационности и фиксировать любопытство ребенка. Нельзя не учитывать и реальных реакций ребенка: на маленьких мальчиков обнажение матери может действовать возбуждающе, а обнажение отца вызывать переживания своего несовершенства, страха, вины [Брок В., 1971]. И все же понимание сущности психосексуального развития и чувство меры должны помочь родителям найти тот оптимальный способ поведения, при котором ребенок сможет постепенно и без нежелательных потрясений воспринимать свое и чужое тело естественно и спокойно. В этом есть и значительный психопрофилактический смысл, ибо, не познакомившись в раннем детстве с обнаженным телом, человек во взрослой жизни чаще испытывает трудности в сексуальной жизни [К.он И. С., 19856]. Из этого не следует, что взрослые должны посягать на чувство интимности ребенка, навязывая ему обнажение перед другими или обнажение других перед ним.

Нередко указывают на возможность неизгладимых впечатлений и опасных последствий случайного наблюдения ребенком интимных отношений родителей. Одни дети, испуганные и обеспокоенные непонятными для них звуками, стараются заснуть, не пытаясь разбираться в происходящем: в этих случаях говорить о вредности «неосторожности» родителей не приходится, другие бегут к родителям. Увиденное может восприниматься ими как агрессия со стороны отца и вызывать страх за мать. У тех детей, которые получили от старших ополненные сведения об отношениях мужчин и женщин, к беспокоейству за мать может присоединиться разочарование в «непогрешимости» родителей. Эмоциональное напряжение может способствовать тому, что наблюдавшаяся сцена запомнится надолго. Реакция ребенка во многом зависит от атмосферы в семье. Ребенок, даже намеки на сексуальность которого резко осуждаются и подавляются, едва ли простит родителям то, что они наказывают его. Как раз в таких семьях с их ханжеством наиболее вероятны негативные последствия наблюдения ребенком близости родителей. Желательно, чтобы в последующем поведении взрослых не было проявлений чувства страха или вины, недовольства ребенком, его порицания или осуждения. Прямых вопросов о происшедшем дети родителям обычно не задают. Если они и будут заданы, то позже, не всегда в прямой форме и чаще не родителям. Ровные и спокойные отношения заботящихся друг о друге родителей помогут ребенку уменьшить эмоциональную «отдачу» случайно увиденного, освободиться от возникших опасений. Разумеется, лучше исключить возможность таких наблюдений для ребенка.

Возраст появления «острых» вопросов, их форма и сопутствующие им обстоятельства могут широко варьировать. Отношение же взрослых к этим вопросам, как правило, настроенное и нег ативное. Порой это возводится в принцип воспитания, согласно которому знание умаляет стыд и поэтому вредно. Но воспитание совести -гэтого наиболее сильного внутреннего императива

ответственного социального поведения — не есть воспитание стыда. Знание не развращает — развращает незнание, невежество. Языковой «ляпсус» — подмена понятия «совесть» понятием «стыд», помноженный на связанный с полом психологический барьер — отливается в формулировку рестриктивного полового воспитания, чреватого патогенным эффектом. Возникает недоразумение, о котором О. Уайльд сказал: неприличных вопросов нет — есть неприличные ответы. Движущая ребенком любознательность отнюдь не обязывает взрослых срывать покровы интимности, не говоря уже о том, что сексуальная жизнь одних людей может быть много нравственнее воздержания других (достаточно вспомнить историю кальвинизма).

Необходимые сведения о поле ребенок должен получать по мере проявления к ним интереса. Родители не должны подавлять детскую любознательность, на какие стороны жизни она ни обращалась бы. В семье должна быть атмосфера не только готовности ответить на любые вопросы ребенка, но и заметить их, готовность помочь в формулировке их. Отрицательные реакции родителей на вопросы о поле отталкивают ребенка, лишают его возможности обратиться с этими вопросами к родителям в будущем и прямо толкают его в объятия «уличных просветителей», способствуя тем самым как раз тому, чего так опасаются противники бесед с детьми о поле, а именно — восприятию циничных и пошлых установок в вопросах пола и сексуальности. Попытки переадресовать вопросы другому лицу на практике оборачиваются, как правило, тем же. Ответы должны быть немедленными (за редким исключением, когда взрослый сам вернется к заданному вопросу в более подходящей, по его мнению, обстановке), краткими, исчерпывающими, понятными для ребенка и правдивыми. Здесь уместен известный афоризм, советующий говорить всегда правду и только правду, но не всю правду. Нужно очень недооценивать ребенка, чтобы надеяться, что он оставит без внимания беременность окружающих женщин, не уловит полутонов и намеков в речи взрослых и т. д. Заслуживает внимания и язык ответов. «Детские» обозначения обычно призваны скрыть родительское смущение, они неинформативны и не годятся для использования во взрослой жизни. Грубые же выражения опошляют описываемое явление. Желательно с раннего возраста приучать детей к общепринятым медицинским терминам, точным и свободным от нежелательных эмоциональных окрасок. Опыт показывает, что позднее знакомство с медицинской терминологией не обеспечивает ее повседневного использования. Даже врачи, казалось бы лучше других знающие медицинские обозначения, в быту ими, как правило, пользоваться не умеют. Между тем, от того, как мы называем явление, зависит и отношение к нему.

Ложь в ответах на детские вопросы о поле не так невинна, как может показаться. Ответы «аист принес», «нашли в капусте» не наполнены никаким, в том числе сказочным, содержанием для современного, особенно городского ребенка, не видевшего ни аиста, ни капусты на грядке, и убедить его ни в чем не могут. Ответы этого типа были хороши и уместны только тогда, когда были сказочной, отражающей приметы и поверья, частью взрослой правды, ассоциировались у ребенка с другими знакомыми ему образами. Не выручает и модернизация сказки: услышав, что дети — от специальных таблеток, ребенок может тут же спросить: «А если принять 10 таблеток — будет 10 детей?». Да и само уподобление зачатия лечению, технологизация его в ущерб общечеловеческому смыслу едва ли желательна. Ответ «купили в магазине» звучит довольно часто, и современный ребенок, лучше знающий, что такое магазин, чем что такое аист, принимает его легко. Но для части детей он связан с потенциальной психотравматизацией: уже слыша от родителей, что он «плохой», ребенок может опасаться, что его, подобно бракованной вещи, отдадут обратно в магазин. Некоторые родители прямо пугают детей: «Сдам и возьму другого — хорошего». В итоге вместо ответа на вопрос возникают тревога и страх сепарации

от родителей. Ответ «дети растут у мамы в животике, а потом маму кладут в больницу, разрезают животик и достают ребеночка» совершенно игнорирует внутренний мир дошкольника. Он, как правило, боится медицинских процедур, и в восприятии такого ответа все вытесняется страхом. Вместо формирования отношения к воспроизводству и материнству как радостному, положительному явлению у маленькой девочки возникает реакция панического страха: «Положат в больницу! Разрежут живот!». Мы находили такого рода «объяснения» в раннем анамнезе женщин, негативно относящихся к беременности или требующих массивной психотерапевтической подготовки к родам. Есть много ответов, в общем сводящихся к передаче от папы к маме «через ротик» семечка, из которого растет ребенок. Так, одна школьница сообщила, что «папа в слюнке что-то передает маме, у нее от этого склеиваются кишочки и начинает расти ребеночек, а когда он вырастет — маме дают слабительное и он выкакивается». Но уже в 4—5 лет ребенок улавливает связь приема пищи и дефекации, о которой слышит, что это грязно, надо мыть руки — а то будет понос, плохо пахнет и т. д. Не закладывают ли такие ответы брезгливого отношения к беременности и родам, не обедняют ли связанные с родительством эмоции? Конечно, риск отрицательных последствий ложных ответов не одинаков для всех детей, но он все же есть, и не считаться с ним нельзя. Кроме того, дети могут быть невольными или нечаянными свидетелями разговоров взрослых о тяготах беременности, болезненности родов и т. д., что еще больше усиливает отрицательный эффект лжи взрослых. Не выручает и апелляция к примерам из жизни животных, птиц, насекомых, пресмыкающихся и, тем более, растений. Опыт показывает, что сельские и имеющие дома животных городские дети, вполне осведомленные о многих сторонах размножения в растительном и животном мире, не могут перенести свои знания на человека, а тем более — на своих родителей и самих себя.

Ответы на детские вопросы должны быть информацией не только о фактах и процессах, но и об их значении в человеческой жизни. Одних детей устраивает ответ: «Дети растут у мамы в животике». Другим можно дать более развернутый ответ: «Дети растут у мамы в животике. Там есть специальное место. Оно называется «матка». В ней и растет ребенок. Ему там тепло и уютно, как в гнездышке. Он растет там, пока не сможет сам дышать и кушать. Тогда он выходит из маминого животика». Третьих сразу или вскоре занимают вопросы о том, как ребенок попадает в живот и выходит из него, почему дети и папины тоже и т. д. Имея в виду разнообразие и, часто, неожиданность детских вопросов, мы приведем вариант исчерпывающего рассказа, из которого по необходимости можно использовать фрагменты.

Для того, чтобы появился ребенок, нужно два семечка — папино и мамино. У взрослых женщин есть такие клеточки-семечки, они называются яйцеклетки и похожи на маленькие-маленькие желточки. А у взрослых мужчин есть другие клеточки-семечки, они называются сперматозоиды. Чтобы из папиных и маминых клеточек-семечек начал расти ребенок, они должны соединиться. Как это делается? У мальчиков внизу живота есть орган-трубочка, а у девочек такого органа нет, зато есть дырочка (более старшим детям можно дать и медицинские термины: половой член, влагалище). И вот когда мальчики становятся взрослыми мужчинами, а девочки — взрослыми женщинами, когда они любят друг друга, женятся и хотят, чтобы у них был ребенок, похожий на них, — тогда папа при помощи своего органа-трубочки через дырочку внизу маминого живота закладывает ей в живот свое семечко, а там его уже ждет мамино семечко. Мамино и папино семечки соединяются, и начинает расти ребенок. Он растет в матке — ты знаешь (либо, если не объясняли раньше — вышеприведенный короткий вариант). Сначала он совсем-совсем маленький. Но мама отдает ему часть своего питания, и он растет. У мамы в это время растет живот: чем больше ребенок — тем больше живот. Когда ребенок растет у мамы в животе, это называется беременностью. Папа помогает беременной маме и заботится о ней, чтобы ребенок рос как можно лучше. Когда ребенок там, в животе у мамы, подрастет, он начинает шевелиться, двигать ручками и ножками. Мама это чувствует. А папа может почувствовать, если положит свою руку на мамин живот. И папа, и мама очень ждут ребенка, представляют — каким он будет, радуются и готовят для него одежду и игрушки. Когда ребенок вырастет ещё больше и сможет сам дышать и пить молоко из маминой груди,

тогда он через дырочку внизу маминого живота выходит на свет. Это называется роды. Мама рождает ребенка в специальном родильном доме, там за ней смотрит доктор и следит, чтобы ребенок был здоровым. Ребенок еще не слишком большой, а дырочка растягивается. Чтоб помочь ребенку родиться, мама напрягает живот, и ребенок выходит на свет. Пока мама в родильном доме, папа ждет ее и ребенка, покупает цветы и готовит все к их приходу. Пока ребенок не подрастет и не научится сам пить и есть, он кормится молоком из маминой груди.

Подобные рассказы имеют множество вариаций. Дать готовые рецепты на все случаи невозможно. Так же, как Я. Корчак, мы думаем, что получать готовые мысли — все равно, что поручить другой женщине родить твое дитя; мысли, которые надо самому выносить и самому, порой — в муках, родить, и есть самые ценные. Но иметь какой-то черновой конспект ответов полезно — это помогает не попасть впросак при неожиданном вопросе, ответить на него непринужденно и убедительно. Лишь разговаривая с ребенком искренне и правдиво, родители могут создать у него иммунитет против влияния тайных еовоспитателей.

Хорошо, если ребенок увидит беременную женщину. Можно привлечь его к подготовительным хлопотам в своей или другой семье, ждущей ребенка (подбор детского белья, покупка коляски и других вещей). Если родители ждут второго ребенка, то привлечь первенца к этому ожиданию и помощи матери, дать ему положить руку на живот матери и ощутить движения будущего братика или сестры — значит не только что-то разъяснить ему, но и практически снять будущие проблемы детской ревности. Можно специально пойти в гости к знакомым, имеющим младенца, и дать ребенку посмотреть на него, дотронуться.

Вполне естественно, что родители не могут остаться безразличными к ранним проявлениям сексуальности у детей. Многие интуитивно улавливают их связь с неблагоприятной обстановкой в семье. Это, однако, не только не уменьшает их волнений за ребенка, но и может вызывать подавленность за счет переживания своей виновности и неумения найти выход из ситуации. Поэтому лучше при ранних проявлениях сексуальности обратиться к врачу, что не освобождает родителей от необходимости соблюдения ряда условий: всякая фиксация ребенка на сексуальности исключается; наказания за сексуальные проявления недопустимы, ибо способствуют отношению к сексуальности как явлению постыдному и наказуемому, что может сказаться во всей последующей жизни.

Для уменьшения сексуально стимулирующих влияний и при наличии показаний следует провести дегельминтизацию, лечение запоров, противоаллергическую терапию. Если детская мастурбация принимает упорный, затяжной характер, показан психотерапевтический подход, по возможности — на основе семейной психотерапии. Главное условие в этих случаях — создание взаимопонимания и доверия, нормализация отношений детей и родителей. При эпизодических сексуальных проявлениях правильное поведение взрослых предотвращает их усиление. В этом плане заслуживают внимания социосексуальные игры («дочки — матери», игра в «доктора» и т. д.), которые не следует односторонне эротизировать или пресекать. Они играют важную роль не только в полоролевом и личностном развитии, но и в становлении здоровой сексуальности [Свядош А. М., 1984]. Порой их инициатором оказывается ребенок с расторможенными влечениями. Но и в этом случае поведение взрослых должно быть предельно деликатным: помочь такому ребенку, при необходимости — вывести из группы и переключить группу на круг желательных занятий, но не создавать конфликты или наказывать. В целом же взрослые поступают вполне разумно, когда наблюдают за детьми, оказывают необходимую помощь, но избегают репрессий и запугиваний.

Нередко приходится слышать от взрослых, что он (ребенок) еще маленький, еще не понимает. Действительно, часто не понимает, но всегда стремится и пытается понять. Воспринимая даже не очень для него ясное — те или иные об

разы ситуаций и поведения, ребенок накапливает необходимый для более глубокого понимания опыт. Держать ребенка «под колпаком» нельзя, да и не нужно. Но нужно помнить, что он слушает и слышит, смотрит и видит, пытается понять и начинает понимать. Навязывание ребенку нелестного мнения о сверстниках и их родителях могут влиять на его отношение к группе и положение в ней. Малыш, слышащий от сверстников, что его папа «неудачник», а мама «уродина», оказывается перед альтернативой — родители или сверстники; любой выбор может иметь психотравмирующее значение, деформировать установки полоролевого поведения.

Особо остро вопрос о маскулинном или фемининном воспитании встает в случаях, когда ребенок ярко выделяется в среде сверстников своими достоинствами или недостатками. Все дети должны в ходе воспитания освоить представление о человеке, не сводящееся к одному какому-то качеству — только достоинствам или только недостаткам, но и не игнорирующее их. Конечно, нельзя заставить красивого ребенка чувствовать себя равным по красоте с некрасивым и наоборот. Но каждый должен чувствовать — и в этом одна из существенных задач воспитания, что он — равный среди равных. При игнорировании воспитателями этой задачи могут возникать многочисленные и трудно предсказуемые искажения установок маскулинности и фемининности. Нередко из поля внимания воспитателей ускользают «средние», ничем особо не выделяющиеся, а потому «удобные» дети. Но именно у них рискует сложиться та личностная и ролевая неопределенность, которая толкает на крайние формы поведения (тогда вспоминают, что в тихом омуте...), в том числе маскулинного или фемининного.

Следует твердо усвоить, что половое воспитание должно начинаться с младенчества. Начинаясь с опозданием, оно не может отменить половой социализации и является, по существу, ликвидацией ее артефактов, т. е. в значительной мере перевоспитанием, которое не может полностью компенсировать упущенное. Половое воспитание дошкольников разворачивается в возрасте максимальной восприимчивости детей, формирования у них отношения к миру и полу вообще, в том числе и своему полу, в период становления половой идентичности и полоролевого поведения. Таким образом, оно прямо связано с формированием личности, подготавливает ребенка к разрешению и преодолению предстоящих противоречий и трудностей развития, в конечном итоге гармонизируя взаимоотношения общечеловеческого и полового в структуре развивающейся личности.

Г лава 5

ПОЛОВОЕ ВОСПИТАНИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

В разных системах возрастной периодизации эта группа имеет разные названия: позднее детство, второе детство, препубертатный период. Нижняя возрастная граница обычно определяется поступлением в школу, верхняя — весьма размыта, что связано с постепенностью вхождения в пубертатный период и его индивидуальными и половыми вариациями.

СОЦИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ РАЗВИТИЯ

Понятие социальной ситуации развития, сформулированное Л. С. Выготским, означает «...то особое сочетание внутренних процессов развития и внешних условий, которое является типичным для каждого возрастного этапа и обуславливает и динамику психического развития на протяжении соответствующего

возрастного периода, и новые качественно своеобразные психологические образования, возникающие к его концу»¹.

Развитие психики в этом периоде является не просто развитием ранее существовавших потенций, хотя они имеют немалое значение; ключевым его фактором становится перестройка системы жизненных отношений. Она состоит не в том, что у ребенка становится больше обязанностей, а в том, что у него появляется качественно новая обязанность — перед обществом [Леонтьев А. Н., 1975]. Большинство детей к началу обучения обладают достаточным уровнем психического развития; это так называемая объективная психологическая готовность. Особенности отношения к предстоящей учебе, способность ребенка к общению и взаимодействию определяют субъективную психологическую готовность. В ней важна и степень готовности мальчиков и девочек к сотрудничеству, та или иная установка на общение мальчиков и девочек, отношение ко взрослым разного пола.

С поступлением в школу изменяется весь уклад жизни ребенка. Сначала он учится просто потому, что «так надо», относясь к учебе то как к игре, то как к притягательной своей новизной ситуации. Первые отметки часто радуют самым фактом их получения, а открытие их балльной ценности только предстоит. Если отметка не становится карающей санкцией педагога, самооценным результатом учебы, тестом на «хороших и плохих», «умных и глупых», не унижает одних и не возвышает других, если она не расценивается взрослыми как однозначный прогноз будущей судьбы ребенка, то оценка, как правило, не травмирует детей. Переход к обучению с 6 лет ставит перед школой и медициной сложные гигиенические и психогигиенические проблемы. Врачу при консультировании детей этого возраста в связи с обучением могут быть полезны «десять нет» советского педагога Ш. А. Амонашвили: «1. Можно ли применять в подготовительном классе опыт работы с первым классом без изменений? — Нет. 2. Можно ли заставлять детей немедленно выполнять приказы и распоряжения педагогов? — Нет. 3. Можно ли давать детям обязательные домашние задания? — Нет. 4. Можно ли ставить детям отметки? — Нет. 5. Можно ли говорить в классе, кто из детей учится лучше других? — Нет. 6. Можно ли строго требовать от детей, чтобы они сидели на уроках не шелохнувшись? — Нет. 7. Нужно ли отнимать у ребенка игрушку, которую он принес в школу? — Нет. 8. Можно ли оставлять детей на второй год? — Нет. 9. Нужно ли требовать от детей, чтобы они ходили в школу в ученической форме и с ранцами? — Нет. 10. Можно ли принимать в подготовительный класс детей, которым до 6 лет не хватает 2—3 мес и более? — Нет»². При нарушении этих заповедей, по существу, обеспечивающих выполнение главного психогигиенического принципа «не вреди», могут возникать состояния психогенной школьной дезадаптации [Каган В. Е., 1984а], которые требуют не только симптоматической помощи ребенку, но и «патогенетической терапии» школьной ситуации.

До поступления в школу потребность ребенка в личной привязанности определяла круг его общения. Если эта потребность продолжает стойко преобладать и в школе, формирующийся коллектив может отвергать такого ребенка, так как либо школа остается для него чуждой из-за слишком сильной привязанности к семье, либо он стремится любой ценой добиться личного расположения учителя. У детей это отвергание, объективно значимое для формирования коллектива, нередко принимает форму травли. Обычно она направлена на тех детей, которым недостаточно для коррекции своего поведения легких знаков отвергания, и чаще — на мальчиков. Ни сверхпривязанность к дому, ни попытки снискать любовь и расположение учителя не совпадают с представлениями о

¹ Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. — М., 1968, с. 152.

² Амонашвили 111. А. Здравствуйте, дети, — М., 1983, с. 205—206.

маскулинности. Такие мальчики часто оказываются на социально-психологической «периферии» класса. И даже если девочки принимают «несостоявшегося мужчину» в свой круг и под свою опеку, это мешает адекватному формированию маскулинности. Только очень тонкая и деликатная помощь взрослых может привести к восстановлению мальчика в его маскулинном статусе.

Прежде ребенок имел относительно узкий и обычно известный родителям круг общения. С началом обучения он все чаще оказывается в кругу детей разного возраста, культурного уровня и поведения. Стремясь утвердиться в разношерстной дворовой компании, мальчик может считать своим долгом поступать в соответствии с образцами более активных и сведущих «заводил». Участвуя в «налете» на девочек вместе с 9—10-летними детьми и не имея еще соответствующих мотивов для этого, мальчик может усвоить форму поведения, когда девочку (женщину) обижают походя, без желания обидеть, просто из стремления «быть мужчиной».

У младшего школьника уже есть некоторое представление о помощи и сочувствии. Но оно конкретно и опирается на эмоциональную зависимость ребенка от одобрения — неодобрения взрослого, а не на понимание значения своих действий. Правильное поведение, выражающее сочувствие и помощь, отстает от знания «что такое хорошо», а отрицательное поведение опережает возможности понимания того, «что такое плохо» [Рогава Н. В., 1974].

Постоянная требовательность взрослых и сверстников вводит ребенка в круг общественных обязанностей. Дети от них не только не устают, но и активно ищут их. Не найдя эмоционально позитивных, повышающих уровень общей удовлетворенности и самоуважения, обязанностей в школе и дома, ребенок будет искать и находить их в других местах и, возможно, в самых неприемлемых формах. Слово «должен» не побуждает ребенка 6—7 лет к желательному для взрослых поведению: чувство долга формируется в связи с произвольностью как особым качеством психики лишь к 10 годам [Левитов Н. Д., 1969; Давыдов В. В., 1973]. У одних чувство долга устойчиво и проявляется в широком круге жизненных отношений, у других — лишь в отдельных поступках или сравнительно узкой сфере поведения, у третьих оно развито еще слабо, и они послушны лишь по мере требования взрослых. Постепенно развивается способность к планированию действий про себя, внутренне. Начинает оформляться умение оценивать свои действия как бы со стороны, лежащее в основе рефлексии [Давыдов В. В., 1973].

В этом периоде, как и в дошкольном детстве, адаптация преобладает над интеграцией и «не столько сама учебная деятельность выступает фактором развития личности младшего школьника, сколько отношение взрослых к его учебной деятельности, к его успеваемости, дисциплине и прилежанию» [Петровский А. В., 1984, с. 25]. Врачу приходится учитывать, что игнорирующий эту закономерность завышенный уровень ожиданий педагогов и родителей к ребенку создает психологическую перегрузку, часто непосильную для ребенка и искажающую его отношение к школе, а нередко становящуюся и начальным этапом психогенной школьной дезадаптации. Последняя может косвенно влиять и на формирование маскулинности и фемининности.

СЕКСУАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Мнение 5. Егис! (1928) о сексуальной латентности этого периода, подкрепляемое отсутствием явных изменений гормональной секреции и внешних признаков полового метаморфоза, надолго затормозило его изучение в аспекте психосексуальной дифференциации. В ряде ценных и содержательных в других аспектах отечественных руководств обобщенно-бесполой анализ психологии и поведения младшего школьника до сих пор не редкость. Действительно, этот

период не выглядит столь впечатляющим, как дошкольное детство с интенсивной половой социализацией или пубертатный период с напряженным психосексуальным развитием. Но при ближайшем рассмотрении мнение о сексуальной латентности этого возраста наталкивается на множество опровержений, хорошо согласующихся с данными о динамике гормональной секреции; безусловно, сексуальное поведение не есть прямое производное от гормонального статуса, но связь между ними существует и игнорировать ее было бы ошибкой.

По данным А. Ктзеу и соавт. (1948, 1953), при сохранении свойственных дошкольникам исследований своего тела и манипуляций с гениталиями мастурбация в собственном смысле отмечается к 10 годам у 13—16 % детей. У мальчиков этого возраста эрекция пениса возникает быстрее и провоцируется более широким кругом влияний, чем у подростков; уже за 3—5 лет до начала пубертатного периода почти все мальчики способны переживать оргазм. Младшие школьники, особенно девочки, в несколько раз чаще «открывают» мастурбацию сами, чем следуют примеру или сведениям о ней. Круг ситуаций, наводящих на это «открытие», практически непредсказуем. 30 % женщин и 40 % мужчин, опрошенных А. Ктзеу, сообщили о сексуальных играх в этом возрасте с партнером другого и 33 % женщин и 48 % мужчин — своего пола. Чем ниже социально-культурный уровень среды, в которой растет ребенок, тем больше исследовательские сексуальные игры вытесняются коитальными; это, однако, не значит, что мотивы и переживания детей в таких играх тождественны коитальным переживаниям взрослых. Данные опросов В. В. Данилова [Исаев Д. Н., Каган В. Е., 1986а], проведенных спустя несколько десятилетий после опросов А. Ктзеу и в совершенно иной социокультурной среде, в основных чертах совпадают с его данными. Речь идет, таким образом, не об артефактах средовых влияний, а о характерных половозрастных закономерностях.

Подобно тому, как в раннем возрасте полоролевое поведение относительно пассивно и половые роли еще не интернализированы, сексуальное поведение младших школьников во многом подражательно либо носит поисковый характер; оно имеет значение сексуальной типизации поведения как знака маскулинности или фемининности. Это первые фрагментарные «пробы» сексуального сценария, в которых взаимодействие биосоциальных детерминант порождает поведение, исходящее скорее из сексуальных ощущений и простых чувств, чем из переживания сексуальной потребности. В этих «пробах» создаются предпосылки и возможности для того, чтобы учиться переживать эту потребность.

ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ

С началом школьного обучения половые различия находят отражение в успеваемости и поведении. Обобщенные нами ранее данные [Каган В. Е., 1984; Исаев Д. Н., Каган В. Е., 1986а] показывают, что школьная адаптация у мальчиков хуже, чем у девочек, которые на протяжении всего обучения имеют более высокие показатели успеваемости и поведения. К концу учебного года утомляемость у мальчиков 8—10 лет выражена больше, чем у девочек, и проявляется в отвлекаемости и расторможенности. Успешность в выполнении заданий выше, когда они воспринимаются как соответствующие полу. Интерес к решению трудных задач у мальчиков выше при материальном, а у девочек — при эмоциональном поощрении успеха. Мальчики лучше справляются с заданиями в одиночку, а девочки — в смешанной по полу группе. Влияние образовательного уровня семьи и помощи педагогов на девочек выше, чем на мальчиков. Уровень притязаний у мальчиков выше, они более автономны и как бы запрограммированы не любить поощряемые взрослыми виды деятельности, отмечает О. Рапзеп (1980). Мальчики на фрустрацию чаще реагируют уменьшением общения, а девочки — более жестким, направленным на достижение цели, поведением.

Тестовые методики позволяют подойти к оценке половых различий на популяционном и межкультуральном уровне. Так, по результатам теста Кеттелла, мальчики активнее, настойчивее, более напряжены и склонны к риску, чем девочки, но менее исполнительны и чувствительны, хуже контролируют свое поведение [Александровская Э. М., Липовецкий С. С., 1978]. Эти результаты идентичны данным Кеттелла для США, что позволяет оценить их как самостоятельные половозрастные характеристики. К 10 годам мальчики более экстравертированы, а девочки более невротичны и менее искренни [Панасюк А. Ю., 1977].

Социометрические исследования [Коломинский Я. Л., 1984] показывают, что, хотя пол сам по себе не определяет статуса ребенка в классе, различия между мальчиками и девочками все же существуют. Аналогичные результаты получены нами (В. Е. Каган) при обследовании отрядов младших школьников в пионерских лагерях: при малом количестве взаимных выборов девочки чаще выбирают мальчиков, чем наоборот, причем количество взаимных выборов было выше в тех отрядах, где неформальные лидеры групп мальчиков и девочек были дружны.

Девочки, ищущие одобрения взрослых, не теряют, в отличие от мальчиков, расположения сверстниц. В мальчишеской среде такая тенденция резко снижает популярность ее обладателя. Мальчик-отличник редко бывает неформальным лидером в классе; не исключено, что это связано с феминизацией школы и родом занятий — в руководимых мужчинами кружках по интересам популярность мальчика часто прямо зависит от его успехов.

Особо ярко половые различия проявляются в возрасте половой гомогенизации — в 9—10 лет. Возникает сильная потребность в кооперации с людьми своего пола. По существу, это период второй половой идентификации, в котором дети как бы примериваются ко взрослым половым ролям. Происходит это на фоне первых гормональных сдвигов, предшествующих пубертатному периоду. В семье половая гомогенизация проявляется стремлением к тесному контакту с родителем своего пола. Если в это время распадается семья, мальчики переносят развод родителей тяжелее, чем в более младшем или старшем возрасте. Они часто берут на себя психологическую роль главы семьи, а их конфронтация с отцом отмечена той особой категоричностью, за которой без труда прослеживаются мотивы психологической защиты.

Уход отца он перенес страшно тяжело, — рассказывает мать 9-летнего мальчика, — он не жаловался, не плакал, но я-то видела, что он ночами не спит, что ему даже физически тяжело. Муж живет теперь через подъезд от нас. Так сын может часами высматривать его у окна, но никогда не вспомнит о нем вслух, а при встречах, что называется, «в упор не видит». Он очень повзрослел, взял на себя много домашних дел, хотя раньше палец о палец не ударял. Он поддерживает меня, как взрослый, причем очень надежно и незаметно для меня.

У девочек же в сходной ситуации часто оживает свойственная более раннему возрасту симбиотическая связь с матерью, возникает тревога за мать, доходящая нередко до невротических фобий.

Общение со сверстниками в этот период отмечено яркой половой сегрегацией. Мальчики и девочки разделяются на два отдельных лагеря, «измена» своему лагерю резко осуждается. Разнополая дружба редка и, как правило, скрывается от сверстников своего пола. Интересы резко поляризованы по полу. Собственное поведение со сверстниками другого пола оценивается в свете установок референтной однополой группы. Но мальчики и девочки не разделены глухой стеной, проявляя себя в общении как носители существующих в их представлении особенностей пола. Половая сегрегация совпадает со стремлением обратить на себя внимание нравящегося представителя другого пола и (или) утвердить себя как представителя своего пола не только в глазах однополых сверстников. Девочки привлекают внимание мальчиков громким смехом, подтруниванием. У мальчиков внимание к девочке выражается внешне агрессивно.

Но для тех и других такое поведение свойственно лишь в групповом общении — на глазах у сверстников и под контролем их реакции. Сколько-нибудь серьезных конфликтов это обычно не вызывает. Мальчики, таким образом, не «изменяя» своему полу, показывают девочке, что обратили на нее внимание, и обращают ее внимание на себя. В. В. Богословский (1974) пишет о мальчике, дернувшем девочку за косу потому, что девочка «ему нравится». Будучи в устах ребенка скорее исключением из правила, такое объяснение тем не менее раскрывает истинный смысл происходящего. Жалобы девочек по поводу «ухаживающей агрессии», в отличие от других жалоб, всегда публичны и спонтанны; в них звучит не обида, а оповещение о проявленном к ним внимании, при отсутствии которого девочки часто чувствуют себя обойденными. Более решительные или те, кому не повезло с нравящимся им «тихоней», могут взять инициативу ухаживающей агрессии на себя. Все это часто напоминает кокетство у взрослых, о котором точно писал С. Штейн: «...сущность женского кокетства состоит в напряженном отношении между намеком на обещание и намеком на отказ... Кокетка... живет как бы между «да» и «нет», не принимая окончательного решения. Эта свобода от тягостно однозначного (сексуального.— Д. И., В. К.) содержания и жестких требований реальности придает кокетству характер парения, облегченности, идеальности... чтобы кокетство могло произрастать на почве общения... оно должно получить вполне определенный отклик в поведении мужчины. Если мужчина не отвечает на кокетство или же, наоборот, падает его жертвой, безвольно влачась за каждым полу-да и полу-нет, кокетство не может обрести собственно приличествующую форму»¹. Один из интереснейших и неисследованных пока аспектов половой гомогенизации состоит, на наш взгляд, в том, что это период научения искусству общения между людьми разного пола, той инструментовке общения, при которой разница полов подчеркнута, но не развивается до сексуального взаимодействия.

СРЕДОВЫЕ ВЛИЯНИЯ

В младшем школьном возрасте средовые детерминанты половой дифференциации много демонстративнее биологических. Реальное значение средовых детерминант зависит часто не столько от того, что происходит, сколько от того, как происходит, от кого исходят и кому адресуются ожидания, научение и оценка его результатов, т. е. в конечном итоге от того, каков реальный стиль отношений между людьми разного пола.

Сохраняющаяся феминизация школы (в особенности — начальной) продолжает линию феминизации воспитания (мать — воспитательница дошкольного учреждения — учительница). В ней складываются многие стереотипы последующей школьной жизни. Она создает разные условия для мальчиков и девочек. По представленным нам О. Л. Черновой данным, учительницы при оценке мальчиков используют такие выражения, как «невоспитанные, бесятся, хулиганят, более подвижные, много бегают, менее трудолюбивы, дерзкие», а при оценке девочек — «старательные, смирные, аккуратные, прилежные, послушные, ласковые, приветливые, помогающие». В таком обобщенном виде это подчеркивает в основном «удобство» девочек и «неудобство» мальчиков для педагога. Некоторые учителя склонны к более объемному видению: «девочки менее шумны и менее дружны», «мальчики менее послушны и старательны, но более искренни». Часть оценивающих исходила из эгоцентрических критериев: девочки ласковы ко мне, мальчики дерзки. У части учительниц оценка пола «равство

¹ Штейн О. (Зиммель Г.). Общение. Пример чистой, или формальной, социологии.— Социологические исследования, 1984, № 2, с. 175.

ряется» в неприятии детей вообще: девочки — навязчивые подлизы, мальчики — невоспитанные и дерзкие. Некоторые чувствуют царящее в школе полоролевое неблагополучие, и данные ими описания двойственны или неожиданны: мальчики — «плохие (на самом деле нет)», «боятся девочек». Такое ролевое неравновесие сказывается на успеваемости — в экспериментах с машинным обучением шансы мальчиков и девочек на успешность выравниваются. В реальности же, особенно у педагогов, самих переживающих связанное с отношениями полов неблагополучие, класс часто разбивается на «хороших» — девочек и «плохих» — мальчиков. Этому способствует и то, что девочки в начале обучения обладают более дифференцированной и тонкой ручной моторикой, большими усидчивостью, прилежанием и склонностью следовать задаваемым образцам. Наиболее уязвимыми при этом оказываются высокомаскулинные мальчики. Перед ними встает своеобразная альтернатива: быть хорошим учеником или быть маскулинным, и для многих успеваемость и дисциплина становятся антонимом маскулинности. Чем иным можно объяснить тот факт, что, приходя в 1-й класс с не меньшим, чем у девочек, желанием учиться, именно мальчики уже через год-два составляют отряд двоечников? Заметим, что девочки-двоечницы в начальной школе — чрезвычайная редкость. Не лучше положение фемининных мальчиков, пользующихся иногда расположением учительницы и девочек: их статус в мальчишеской группе обычно низок. Ролевое неравновесие сказывается и на девочках, которые могут оказаться в роли гордящихся своей скромностью и агрессивно защищающих свою незащищенность. Речь, таким образом, идет о реальных потенциях искажения полоролевого формирования личности детей и стереотипов отношений между мальчиками и девочками.

С расширением круга общения расширяется и круг воздействий на полоролевое развитие: разновозрастные дворовые группы, большая доступность средств массовой информации и т. д. Ребенок во все большей мере начинает осознавать (хотя полностью осознать может далеко не всегда) черты маскулинности и фемининности в своем и чужом поведении, увеличивается элемент произвольности в построении поведения по маскулинному или фемининному образцу. В содержательном наполнении этих понятий возрастает удельный вес сексуальности: по данным наших опросов, 63 % мальчиков и 43 % девочек в этом возрасте получают сведения о половом акте, причем соответственно 30 % и 19 % — из наблюдения.

МЕДИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Половые различия, переход на новый социальный уровень и завершение формирования основных черт характера определяют поведение детей и тактику воспитателей. При продолжающемся полоролевом развитии в младшем школьном возрасте более отчетливо прослеживается и сексуально-ролевое развитие, требующее понимания и деликатной помощи со стороны взрослых. Многие трудности воспитательной работы связаны с проявляющейся уже в этом возрасте диссоциацией темпов развития мальчиков и девочек (у девочек первые признаки начинающегося созревания сдвинуты к началу рассматриваемого периода, а у мальчиков — к концу или даже за его пределы) и их индивидуальными вариациями. Многие психосексуальные характеристики младшего школьника находятся в процессе формирования, так что даже незначительные воздействия в этом периоде могут приводить к весьма значительным эффектам в последующем. Половое воспитание в этом возрасте особенно важно ввиду приближения пубертатного периода, в котором проблемы пола значительно острее.

Половое просвещение в этом возрасте как часть воспитательных программ практически не осуществляется, что чрезвычайно затрудняет воспитание. По данным наших опросов, лишь треть детей к началу школьного обучения обла

дает необходимым минимумом сведений о поле. Многие усилия воспитателей по привитию детям нравственных установок в области отношений полов разбиваются о неудовлетворенную любознательность, определяющую направленность интересов ребенка.

Родителям, не сумевшим ранее избежать сказочных или ложных объяснений, не следует смущаться. Вполне можно разъяснить ребенку: «Раньше ты был маленький и мы думали, что тебе будет трудно понять. А теперь ты вырос и все поймешь. Вот, слушай...» 7—8-летние дети, не вступившие еще в половое созревание с присущей ему гиперсексуальностью, воспринимают сведения о поле так же спокойно, как любую другую информацию. Н. Огаззе! (1967) приводит подтверждающие это записи бесед с младшими школьниками, спокойные и деловые, без какой-либо нежелательной и указывающей на возможность сексуальной стимуляции эмоциональной окраски. Эта эмоциональная нейтральность создает неоценимые условия для нравственной интерпретации сведений о поле и сексуальности. Благодаря ей в этом возрасте легче дать детям многие сведения о поле, изложение которых спустя 2—4 года будет уже значительно труднее.

Сведения о воспроизводстве человека могут быть оптимально восприняты и усвоены, получают адекватную эмоциональную окраску и нравственную интерпретацию, когда они преподносятся как часть знаний о воспроизводстве живого вообще. Дело не в том, чтобы с ложной стыдливостью подменять сведения о деторождении рассказами из жизни цветов и насекомых. Необходимо на разных примерах познакомить детей с общими принципами полового размножения. Когда Е. БесЪтап (1970) приводит описание того, как дети под руководством педагога строят инкубатор и выводят цыплят, попутно получая сведения об оплодотворении яйца, это может показаться нереалистическим и излишним. Но вот в прекрасной повести Н. Носова для детей пионерского возраста «Веселая семейка» Мише и Коле, решившим вывести цыплят дома в самодельном инкубаторе, тетя Наташа объясняет: «Для цыплят нужны самые свежие яйца, а в пищу годятся яйца, которые лежали и месяц, и два» ¹. Мы далеки от претензий к писателю. Но во многих свободных беседах с подростками и молодыми людьми (читатель может без труда проверить это сам) мы столкнулись с тем, что далеко не каждый может ответить на вопрос о разнице между пищевым яйцом и яйцом для высиживания. На первый взгляд, это может показаться мелочью — незнание этой разницы никому еще не помешало иметь детей (так высказался один убежденный противник полового воспитания). Однако нравственная ценность сведений о воспроизводстве человека, видимо, не совсем одинакова, когда дети воспринимаются как побочный эффект удовлетворения полового влечения или как необходимое и естественное проявление воспроизводящей себя жизни.

Заслуживает внимания не только объем, но и порядок преподнесения сведений. Часто все начинается и кончается рассказом о тычинках и пестиках. Но может ли ребенок, исходя из этих сведений, понять, «откуда берутся дети?» ².

Вызывает сомнения, что сведения о воспроизводстве человека могут быть адекватно восприняты при незнании хотя бы в самых общих чертах устройства

¹ Носов Н. Три повести. — Л., 1974, с. 14.

² «Особенно скандальным было открытие миром растений пола... Царство растений, до тех пор лишенное цветов, охватила горячка публичного любовного сближения, сопровождавшегося фантастическим эксгибиционизмом цветения; исключением оказались лишь тайнобрачные, которые, как говорит само их название, еще хранили тайну связей, присущую консервативному обществу» [№11 Leg O. (Уолтер Г.). Живой мозг. Пер. с англ. М., 1966. с. 35—36]. Эта блестящая метафора порождена сознанием взрослого человека. Постигание же воспроизводства человека ребенком, которому предлагают единственный путь (не от человека к растениям, как в приведенном отрывке, а наоборот — от растений к человеку), просто невозможно для него.

тела. Между тем, дети этого возраста считают многие части тела необязательными, не знают о функциях органов и систем, об их расположении, так что и в 12 лет ребенок может считать, что у него есть только сердце и желудок, а при назывании остальных — локализовать легкие в поясничной области, а все остальные органы — прикрепленными к ребрам [Исаев Д. Н., 1984]. В то же время ни преподнесение необходимой информации, ни усвоение ее не вызывают затруднений при подходе, рекомендуемом, например, Е. Буккеё и Л. (1971); изображения человека с названиями частей тела и внутренних

органов сопровождаются текстом такого, примерно, содержания: «Посмотри — здесь нарисован человек (мужчина, женщина). Все части тела имеют свои названия. Ты их знаешь? Попробуй нарисовать человека на листе бумаги. Можешь ли ты написать все названия, не заглядывая в книжку? Когда нарисуешь и напишешь, можешь проверить — правильно ли ты это сделал, и исправить то, что написано неверно».

На практике половое просвещение ограничивается сообщением матерями девочкам о предстоящих менархе (и то не всем и не всегда). Мальчики практически не готовятся к восприятию функциональных признаков полового созревания; это неудивительно, если вспомнить, что лишь около 20 % мужчин — реальных и потенциальных отцов — считают поллюции нормальным явлением [1ппеПп5к1 К., 1973]. Такая подготовка необходима потому уже, что предотвращает стрессовые реакции на проявления созревания: «Надо было — это чувствовалось до отупенья действительно, чувствовалось в икрах и в висках, — надо было неведомо отчего и зачем скрыть это, как угодно и во что бы то ни стало. Суставы, ноя, плыли слитным гипнотическим внушением. Томящее и измощающее внушение это было делом организма, который таил смысл всего от девочки и, ведя себя преступником, заставлял ее полагать в этом кровотечении какое-то тошнотворное, гнусное зло... Приходилось только отрицать, упорно запершись в том, что было гаже всего и находилось где-то в середине между срамом безграмотности и позором уличного происшествия. Приходилось вздрагивать, стиснув зубы и, давясь слезами, жаться к стене. В Каму нельзя было броситься, потому что было еще холодно... Женя снова глянула и на звезды, и на Каму. Она решилась... И — бросилась. Она, путаясь в словах, непохоже и страшно рассказала матери п р о это. Мать... поразило, сколько души вложил ребенок в это сообщение»¹.

Тот факт, что дети часто оказываются объектами тайного совоспитания на улице и каждый ребенок рискует получить сведения о поле этим маложелательным путем, делает разумное общегигиеническое и половое просвещение в младших классах несомненно целесообразным. Однако программы полового просвещения — даже самые совершенные — не исчерпывают задач, стоящих перед половым воспитанием в этом возрасте. Громадное значение имеет приобретаемый в первые школьные годы практический опыт отношений между людьми разного пола, влияния взрослых на поведение, опыт переживаний и психосексуальные установки ребенка. Решающее значение при этом имеет способность взрослых оценить свою объективную позицию по отношению к детям и полу, избежать прямой проекции своего (неизбежно ограниченного и, как правило, очень индивидуального) опыта на конкретные ситуации, в которых находится ребенок. Женщины с неразрешенными сексуальными проблемами либо обладают наивно-инфантильным переживанием сексуальности, либо рассматривают отношения мужчины и женщины как поле битвы, на котором женщина должна одержать верх над мужчиной, либо сексуальность в их представлении служит единственно цели деторождения [НагсН Л., 1972]. Г. С. Васильченко (1977) выделяет и ряд типов мужских сексуальных проблем, влияющих на восприятие

¹ Пастернак Б. Воздушные пути. Проза разных лет.— М., 1982, с. 61—63.

мужчинами проблем пола у окружающих. И родителям, и педагогам имеет смысл оценить свою реальную психосексуальную позицию, сопоставив ее с требованиями, выдвигаемыми половым воспитанием. Это избавит взрослых от ряда трудностей, предохранит от многих ошибок и поможет найти наиболее эффективные пути проведения полового воспитания. Ни попытки «закрыть глаза» на сексуальность и психосексуальное развитие детей, ни переоценка значения сексуальности в жизни человека не способствуют успеху этой работы.

«Агрессивное ухаживание» мальчиков на этапе половой гомогенизации часто вызывает острое недовольство взрослых и соответствующие «воспитательные меры». Это приводит к утрате педагогического контакта с ребенком и нередко отрицательно сказывается на формировании полоролевых установок не только мальчиков, но и девочек. Осуждая и наказывая мальчика за такое «ухаживание», взрослый рискует способствовать выработке негативного отношения не только к стилю ухаживания, но и к самому ухаживанию, так как стиль этот для мальчика 9—10 лет естествен. Целесообразно не наказывать, а указать на возможность и других способов проявить внимание (хотя освоить эти другие способы мальчик сможет, как правило, позже). Не менее, а часто — более важно создать условия для социально приемлемой реализации спонтанных тенденций детей. Этому поможет эмоциональный климат уроков труда, внеклассных занятий и досуга, когда мальчики и девочки заняты общим делом. Важно, чтобы они могли переживать и осознавать свое разное по содержанию (но не по ценности) и в равной мере необходимое участие в общем деле, могли помогать друг другу как равноправные (но не тождественные) партнеры.

Трудно переоценить значение кружковой работы, физкультурных и военноспортивных игр с их положительным эмоциональным зарядом. Мальчики тяготеют к «мужским» кружкам, которыми и руководят, как правило, мужчины. Здесь они, как и девочки в «женских» кружках, более свободны в проявлениях маскулинности (фемининности). Это, разумеется, не значит, что мальчик не может интересоваться, например, кройкой и шитьем, а девочка — моделированием самолетов. Но такие занятия порой требуют от ребенка (особенно — мальчика) немалого личного мужества, чтобы противостоять насмешкам сверстников, улыбкам (а то и недовольству) взрослых. Поддержка, иногда — просто понимание со стороны значимых взрослых могут помочь разрядить ситуацию.

Роль родителей также состоит не в том, чтобы наказывать, а в том, чтобы привлечь ребенка к реально ценным занятиям, соответствующим его склонностям и установкам маскулинности — фемининности. Для этого не нужны какие-то специальные меры; достаточно включить сына или дочь в круг семейных обязанностей. Когда мужская и женская части семьи помогают друг другу в общем деле, то этим задачи полового воспитания решаются никак не меньше, чем назидательными беседами. Мы неоднократно убеждались в том, что как раз маскулинные мальчики, растущие в таких семьях, редко предпринимают акты бесцельной агрессии в адрес девочек, призванной лишь выразить внимание. Они умеют проявить и заботу о девочке, когда это надо. Попытки жесткого разделения труда на «мужской» и «женский» в современной семье едва ли уместны. Забота о выработке у ребенка маскулинных или фемининных установок не может быть сведена к такому разделению. Умение справляться с физическими нагрузками, мужественная решительность, стремление взять на себя трудности — все эти качества должны воспитываться у мальчиков. Но в такой же степени они нужны и девочкам. Речь не о том, что все должны делать одно и то же, и не о том, что «мальчикам — мужское, а девочкам — женское»: абсолютная «уравниловка» и сегрегация одинаково плохи. Речь должна больше идти о стиле деятельности, о системе маскулинных и фемининных ценностей. От позиций маскулинности и фемининности легче перейти к расширению круга обязанностей, чем от разделяемых по полу дел к установкам поведения.

Родители стремятся всячески оградить ребенка от столкновений с телесными проявлениями пола: «Это тебе рано, здесь целуются, это не для тебя» и т. д. Врач-педиатр, используя весьма бытовую терминологию, рассказала, как, оказавшись с 12-летней дочерью на «взрослом» фильме, велела ей «спать» и заставила закрыть глаза на время смущавшего ее эпизода. Едва ли можно найти лучший способ привлечь внимание ребенка к тому, от чего хотят оградить, и придать естественным человеческим отношениям в восприятии ребенка постыдный характер. Не навязывая ребенку знакомство с сексуальностью, лучше все же при непредсказуемых столкновениях с ней обратить внимание на красоту человеческих отношений, на оскорбительность для человека их принижения. Как правило, аффективное отношение взрослых не ограждает ребенка от проявлений сексуальности, а лишь фиксирует на них внимание и стимулирует сдерживаемые взрослыми (как они думают) интересы.

К нам обратилась мать 9-летнего мальчика с жалобами на его болезненную ревность к полуторагодовалой сестре и стремление подглядывать за переодеванием и естественными отправлениями девочек и женщин. Как оказалось, он всегда очень хотел иметь брата или сестру, но всегда отстранялся матерью от обсуждения этих вопросов, а его попытки помочь ухаживать за сестрой мать сразу пресекала: «Она девочка, а ты мальчик, — это стыдно».

Появляющееся у большинства детей в этом возрасте чувство красоты соз-1 дает новые благоприятные возможности для воспитания. Было бы ошибочным разочаровывать, а тем более — стыдить ребенка, любящегося тем или иным (пусть даже непривлекательным) человеком или зрелищем. Но очень важно подсказать, показать и помочь находить красивое в жизни, в том числе — в человеке противоположного пола. Полезно попытаться показать ребенку высокое и духовное в человеке, то, как оно проявляется в поведении и поступках, как выражается в позе, жесте, мимике и т. д. Ни гипертрофирующее подчеркивание, ни игнорирование телесности при этом нежелательны.

Как бы в противовес тенденции максимального ограничения некоторые взрослые склонны не слишком считаться с восприятием ребенка, чрезмерно демонстрируют свободу поведения при детях. Не для всякого ребенка (особенно, если он уже «просвещен» на улице) безразличны вольное толкование пола в шутках, анекдотах, каламбурах, не говоря уже о просто пошлых и непристойных высказываниях и действиях. Постоянное обсуждение в семье мелочей жизни и поведения знакомых превышает возможности понимания ребенком, трактуется им по-своему и может ограничивать возможности становления маскулинного и фемининного поведения. Множество предрассудков прямо касаются отношений полов.

Одна наша 10-летняя пациентка, будучи на приеме после своего дня рождения, пренебрежительно отозвалась о мальчике, пришедшем к ней с цветами: «Зачем мне это сено?». Ее мать считает, что настоящий мужчина дарит женщине дорогие и дефицитные вещи, а цветы — подарок «рохли и размазни».

Подобные установки, то невежественные, то ханжеские или аморальные, запечатлеваются ребенком, влияют на его полоролевое развитие, рискуют помешать возникновению естественных и гармоничных человеческих отношений, позволяющих находить радостное и необычное в самом простом и повседневном. В этом возрасте — возрасте нравственного созревания, установки детей отличаются от представлений и установок взрослых. Продуктивнее не ломать еще только формирующиеся мнения и позиции, не навязывать детям пока недоступную для них мораль взрослых, а помочь им, насколько это возможно, понять мотивы поступков и попытаться направить ситуацию в адекватное русло. Оценивая, например, обиду девочки мальчиками класса, можно видеть за ней только неуважение к девочке, а можно предположить, что она дала для этого

основания,— только терпение и такт помогут взрослому избежать опрометчивоодностороннего решения.

Половое воспитание, будучи в известном смысле воспитанием межличностных отношений, предполагает, что мальчики и девочки испытывают себя в товарищеских и дружеских отношениях. Формирующееся у них чувство долга по отношению к другому человеку в разнополой дружбе обретает оттенки маскулинности и фемининности. Вместе с тем, эти отношения — хорошая школа самостоятельности. Воспитатели часто забывают, что возможности моделировать для детей жизненные ситуации очень ограничены, а попытки оградить детей от жизни с ее противоречиями и разнообразием — просто несостоятельны. Остается единственная (и наилучшая!) возможность: вместо «короткого поводка» — самостоятельное разрешение возникающих проблем, в котором взрослый может страховать ребенка, но не действовать вместо него и не подменять деятельность ребенка книжно-теоретическими обсуждениями. Это особенно важно, когда речь заходит о стремлении оградить и предостеречь детей от встреч с «плохими», «испорченными» сверстниками и старшими. Предохранить от них возможно далеко не всегда, да и не это важно. Гораздо важнее — как поведет себя ребенок в таких встречах: будет перенимать дурное, останется нейтральным или, может быть, сумеет восстать против дурного подобно Дюшке из «Весенних перевертышей» В. Тендрякова.

Нравственная позиция — позиция активная, требующая часто немало мужества, отчего следование ей понимается и как высокий человеческий и гражданский долг, и — нередко — как подвиг. Мало рассказать об этом детям, им надо помочь сформировать *навыки* нравственного поведения, несовместимого с односторонним извлечением выгоды из отношений человека с обществом, людей разного пола. Такие задачи накладывают на воспитателей обязанность стремиться соответствовать декларируемым ими моральным установкам. В первые школьные годы, создающие тот или иной настрой на дальнейшее обучение, на стиль отношений (в том числе между мальчиками и девочками), это особенно важно.

Опыт показывает, что если в дошкольном возрасте психика ребенка не была отягощена связанными с полом стыдом и страхом, а в младшем школьном возрасте половое воспитание было адекватной частью воспитания в целом, и если к началу пубертатного периода мальчики и девочки проделали при помощи родителей и воспитателей необходимые этапы психосексуальной дифференциации, то подростковый возраст лишается многих, казавшихся прежде неизбежными, трудностей. Особое внимание должно привлечь половое просвещение — как в силу достаточно эмоционально-нейтрального его восприятия, так и в силу того, что чем младше ребенок, тем в большей мере знания определяют складывающиеся убеждения.

Глава 6

ПОЛОВОЕ ВОСПИТАНИЕ ПОДРОСТКОВ

Достаточно глубокие изменения во многих сферах жизни сегодня происходят на протяжении жизни одного поколения, а представители даже одного поколения совсем не обязательно оказываются носителями идентичных стереотипов отношения к жизни вообще и к полу в частности. Это не может не влиять на динамику и оценку пубертатного периода как переходного, критического.

«Жизнерадостность, бодрость и оптимизм советской молодежи не означают, что жизнь ее бесконфликтна и противоречия ее развития — только идиллическая борьба между хорошим и еще лучшим. У нее немало сложных проблем, в том числе и таких, которые далеко не покрываются привычной формулой о пережитках капитализма в сознании людей». Интенсивное нравственное формирование личности — важнейшая психологическая характеристика этого возраста. «Когда же процесс этот по тем или иным причинам (социальным или сугубо индивидуальным) затягивается, тогда невозможным оказывается ни нормальное учение, ни нормальный труд — личность «бродит», мечется и мучается, пока не найдет себя (или не потеряет)»².

Данные последних десятилетий не позволяют рассматривать трудности подросткового возраста только как проявление биологических детерминант, в частности — гормональных, которые определяют в большей мере энергетику, чем содержание процессов развития психики и личности в пубертатном периоде. Гормоны «выявляют свое психотропное действие лишь при наличии определенных условий, важным элементом которых является активная деятельность, в соответствии с конкретным психологическим настроением субъекта»³. Психотропные эффекты гормонов сказываются в неожиданных для традиционного биологически ориентированного врачебного мышления областях. Так, по данным лаборатории А. И. Белкина, окситоцин, участвуя в формировании сексуального поведения, вместе с тем облегчает забывание неприятных ощущений во время родов, участвует в механизмах формирования межличностных отношений «мать — ребенок», «женщина — мужчина».

Социальная ситуация развития в пубертатном периоде складывается, таким образом, во взаимодействии биологического и социального, развития и социализации, организма и личности. Из этого вытекает не догматизация «пубертатного кризиса» и мобилизация взрослых на организацию «наступающей обороны», а необходимость анализа, позволяющего помочь подрастающему поколению в оптимальном прохождении этого периода.

ТЕМПЫ ПОЛОВОГО СОЗРЕВАНИЯ

С начала XX в. возраст менархе уменьшился в среднем на 3 года, а с 1929 г. по 1959 г. (данные В. С. Соловьевой по Москве, Тбилиси и Ростову) — на срок от 6 мес до 1,5 лет [Карсаевская Т. В., 1970]. На фоне акцелерации стала более демонстративной ретардация и актуализировался вопрос о физиологически нормальных темпах полового созревания. В качестве практического критерия акцелерации и ретардации А. Е. Личко (1979) предлагает отклонение на 1—2 периода (хронологически — 2—4 года) от предлагаемых им одинаковых для мальчиков и девочек стандартов. У. Випк (1981) считает, что границы нормального пубертатного периода лежат в пределах двух стандартных отклонений (± 2 года) от среднего возраста. Тогда в соответствии с законом нормального распределения 2,5 % девочек должны быть расценены как отстающие и 2,5 % — как опережающие. Но, подчеркивает Ш. Випк, разница врачебной тактики при акцелерации и ретардации делает уместной диагностику патологического ускорения при опережении на 4 года, а задержки — при отставании на 2 года. Тогда у девочек рубежами ускоренного развития будет возраст 7 лет для телархе и пубархе, 8 лет — для менархе, а патологически задержанного — 13¹ /а для телархе и пубархе, 15¹/г лет для менархе.

¹ Кон И. С. Социология личности. — М., 1967, с. 163.

² Каган М. С. Человеческая деятельность. — М., 1974, с. 285.

Белкин А. И., Лакуста В. Н. Биологическая терапия психических заболеваний. — Кишинев, 1983, с. 135.

На темпах полового развития сказывается и индивидуальная половая конституция. При слабой конституции возраст эякуляры составляет 16 лет и старше, при сильной — 12 лет и младше. Анализируя результаты опросов А. Юпзеу, Г. С. Васильченко (1977) обратил внимание на то, что чем раньше половое созревание начинается, тем более бурно оно протекает и тем более высокого уровня достигает к окончанию. Так, при начале полового созревания в 12 лет оно длится 2 года, в 13—13½ лет — 4 года, в 15—16 лет.

Гетерохронность течения пубертатного периода проявляется как на межиндивидуальном уровне (один мальчик в 14—15 лет фактически уже юноша, другой — подросток, а третий — ребенок), так и внутрииндивидуальном — гетерохрония разных проявлений созревания у одного индивида. Суммируя данные литературы, И. С. Кон (1982) отмечает внутреннюю противоречивость акцелерации и ретардации. Взрослые и сверстники воспринимают быстрее развивающихся мальчиков как более зрелых, а ретардантов — как менее зрелых; большинство лидеров в старших классах выходят из акцелерантов, ретарданты же инфантильны, демонстративны либо, наоборот, замкнуты. Но преимущества акцелерантов не абсолютны — они имеют меньше времени на связанные с пубертатным периодом психологические перестройки, тогда как ретарданты, располагая более длительным временем, решают психологические проблемы этого периода более гибко. Акцелерированная девочка опережает в развитии не только ровесников, но и ровесниц, «вырастая», таким образом, из жизни девочек своего возраста, но не всегда будучи готовой к общению со старшими мальчиками; акцелерация у девочек вызывает трудности, часто большие, чем у мальчиков. И. С. Кон (1987) приводит также данные о последующем развитии акцелерантов и ретардантов. Бывшие акцелеранты — мальчики в возрасте после 30 лет — оказались более доминантными и социально адаптированными, но более конформными и «приземленными», а бывшие ретарданты чаще выявляли невротические симптомы, но психологически были тоньше и восприимчивее. Акцелерированные девушки оптимистичнее воспринимают себя и окружающее, а ретардированные более тревожны. Заметим, что эти наблюдения точно согласуются с концепцией В. А. Геодакяна (1984), в которой популяционная фемининность соответствует онтогенетической ювенильности, а маскулинность — онтогенетической дефинитивности (взрослости).

Безусловно, психологические проблемы акцелерантов и ретардантов различны. Более того, на фоне акцелерированных сверстников вполне нормально развивающийся мальчик может воспринимать себя как отстающего (у девочек это выражено меньше). Акцелерированная девушка, сравнивая себя с нормально развивающимися сверстницами, может гиперболизировать свою акцелерированность. Но свести все только к психологической переработке темпов полового созревания было бы едва ли верно. В структуру акцелерации и ретардации должны входить не только физикальные параметры общесоматического и полового развития, но и изменения темпов мозгового созревания, половой дифференцировки мозга и формирования взрослой психики в целом. У представителей разных типов характера темпы полового созревания неодинаковы и переживаются различно [Личко А. Е., 1983]: например, подросток с акцентуацией характера эпилептоидного типа не только созревает раньше, чем с шизоидной, но и реализует сексуальность в более энергичных и откровенных формах.

ПУБЕРТАТНАЯ МОРФОЛОГИЯ И ОБРАЗ «Я»

Бурный рывок физического и психического развития ставит подростка перед сложной задачей реорганизации образа тела, своего физического «я». Некуда девать удлиняющиеся руки и ноги, за неполный учебный год становится мал школьный стол, моторика приобретает угловатость и неловкость, трудно управ

лять голосом, новизна изменения телесных форм и ощущений от первых менструаций у девочек, необычность полового напряжения и его разрядки (при поллюциях, мастурбации) у мальчиков — вот далеко не полный перечень потрясающих подростка телесных ощущений. Они ставят его перед объективно естественным и необходимым, а субъективно — психологически напряженным (порой невротизирующим) противоречивым единством утраты привычного телесного образа и обретения нового физического «я». Чтобы стать другим — взрослым, подросток должен перестать быть прежним — ребенком; возникает тревожащее противоречие между «быть» и «не быть». Чем более бурно протекает пубертатный период, тем острее это противоречие. Оно проявляется сомнениями в правильности своего развития, боязнью показаться смешным, постоянным и бдительным вниманием к восприятию себя другими. Ощущения и переживания пубертатного развития, вызывающие сомнения, компенсируются в поиске подтверждений своей физической «нормальности» и «взрослости». Длина тела, полнота, степень развития вторичных половых признаков и т. д. подвергаются интенсивной и напряженной психологической переработке. Запаздывание менархе по сравнению со сверстницами, мало растущая грудь беспокоят девочек, далеко не всегда уверенных во временности отставания. Побриться для мальчика, как правило, не столько необходимо, сколько престижно. Особое внимание мальчики обращают на размер полового члена, который кажется недостаточным. Здесь сказываются и гипертрофированно-натуралистические стереотипы «улицы», и индивидуальные вариации размеров и формы мужских гениталий, и, замечает И. С. Кон (1981), оптическая иллюзия: наблюдаемый сверху собственный ретз кажется меньше наблюдаемого сбоку чужого. Одних мальчиков и девочек визуальные сравнения и обмеры убеждают в благополучии, у других вызывают переживания нездоровья, исключительности, неполноценности.

В разной степени и с различно выраженной рефлексивной обработкой эти коллизии так или иначе переживаются всеми подростками, у части принимая форму пубертатной дисморфофобии [Лебединская К. С., 1974; Коркина М. В., 1984]. В свое время эти состояния описал Р. Лапе! (1911), говоря о «стыдящихся тела» юношах и девушках, переживающих, что они чересчур быстро растут или полнеют, боящихся стать уродливыми или смешными, пугающихся признаков полового метаморфоза. В современной литературе эти состояния иногда обозначаются как синдром Квазимодо. Мы обозначаем их как синдром гадкого утенка, отличая от патологических вариантов. Блестящее описание этого синдрома находим в «Отрочестве» Л. Н. Толстого. Любые отклонения в физическом и половом созревании вызывают у подростка тревогу. Не будучи осведомленным о биологических аспектах пола — этой тайне человеческого тела, подросток сравнивает себя с окружающими и приходит к выводу: «Я не такой (-ая), как все». То, что врач воспринимает как нормальную эволюцию, подростка нередко пугает. Ему кажется, что он развивается неверно. Он не знает — каким будет, и воображение рисует ему худшие варианты. Но говорить об этом подросток обычно не решается, пытаясь разрешить трудности самостоятельно — сравнивая себя со сверстниками, со стандартами, предлагаемыми модой, кино и телевидением, литературой и т. д. Его сомнения и тревоги отражаются в повседневном поведении, в рисунках, в защитной псевдологии и т. д.

Является ли все это непременно атрибутом пубертатного периода? Если заинтересованность в созревании присуща психологии этого возраста, то описанные душевные пертурбации — следствие недостаточности, а то и отсутствия адекватного полового просвещения и наличия барьеров в обсуждении возникающих проблем со старшими. Между тем, от того, как организуются чувства и знания подростка о себе, зависят его самовосприятие и самооценка в последующем, отношение к любви, общая система подхода к окружающему миру.

Предметом тревоги подростков, а нередко — и родителей, становятся некоторые внешние признаки, определяемые временным гормональным дисбалансом. Почти у всех мальчиков и девочек под влиянием андрогенов усиливается продукция кожного жира, что приводит к появлению угрей. Девочек может пугать индуцируемое андрогенами избыточное оволосение. Более чем у 50 % мальчиков отмечается преходящая пубертатная гинекомастия. При одностороннем развитии она чаще локализована слева. Обычно прослеживается четкая семейная предрасположенность. Как правило, состояние молочных желез нормализуется самостоятельно в течение 1—2 лет. Эти временные отклонения требуют не только симптоматической физикальной помощи, но в большей мере — помощи психологической.

Реорганизация образа физического «я» — своеобразное психологическое зеркало темпов полового созревания; у мальчиков она начинается позже, но протекает более бурно, чем у девочек. К 13—14 годам, когда большинство девочек обладают достаточными и выраженными признаками завершающегося созревания, большинство мальчиков только еще переживают активную пубертатную ломку. В 11—14 лет девочки по физическому развитию опережают мальчиков на 2—3 года, но уже к 15 годам мальчики опережают девочек [Уланова Л. Н., 1979]. По нашим наблюдениям, у мальчиков реорганизация образа тела принимает проблемный характер чаще, а у девочек проблемы возникают реже, но переживаются сложнее и труднее. Менархе и установление менструального цикла в отличие от поллюций и мастурбаторных эякуляций — безусловный признак созревания. Задержка менархе связана обычно и с более тревожной реакцией на менструации. В свою очередь, тревожность может обуславливать более сильные жалобы на протекание менструаций [Slacle P., Леппег P., 1980]. Кроме того, у девочек реорганизация образа тела протекает в большей связи с другими психологическими перестройками, больше связана с контекстом жизни и жизненных притязаний.

Девочка, 13 лет, была направлена к нам эндокринологами в связи с нервной анорексией, не связанной с эндокринной патологией. Масса тела при нормальном росте отставала на 14—15 кг, а начавшиеся в 11 лет менструации отсутствовали уже больше года. Девочка росла в небольшом городке, в спокойной и дружной семье, мечтала поступить в институт и жить в большом городе. Менархе восприняла спокойно. Быстро формирующаяся грудь, меняющиеся формы тела не остались без внимания матери, полностью посвящавшей себя семье и дому. Ее стали принимать в свой круг уже оформившиеся сверстницы. Это ее насторожило — она считала, что они живут «растительной жизнью». Такое сходство с матерью и развившимися сверстницами пугало, так как выглядело противоречащим ее жизненным планам. Постепенно начала сокращать рацион и пришла почти к полному отказу от еды. Противодействие матери, ее стремление во что бы то ни стало накормить дочь, лишь усиливали эту линию поведения. Вскоре стали нерегулярными, а затем и прекратились менструации. Это было воспринято как катастрофа: «Не буду женщиной, не смогу иметь детей», но никак не связывалось с голоданием. Ее знания по анатомии и физиологии были весьма фрагментарны, а представления о роли женщины — неустойчиво-контрастны, что и определило содержание серии психотерапевтических бесед с ней. Для уменьшения психологической напряженности были использованы небольшие дозы элениума. Через 7 мес девочка восстановила массу тела, через 5 мес возобновились менструации. Катамнез через 4 года: здорова, о случившемся вспоминает как о «наивном детстве».

Этот, разумеется не самый тяжелый, случай нервной анорексии хорошо иллюстрирует психологические трудности пубертатных перестроек.

Трудности реорганизации образа тела проявляются и в подростковой манере одеваться. За своеобразием и экстравагантностью скрываются не только стремление выделиться и не только связанная с подростковой реакцией группирования неподражаемая манера быть как все (все в данном случае — референтная группа сверстников), но и попытки уменьшить напряженность переживания происходящих телесных изменений. Время и усилия, затрачиваемые людьми на оформление своей внешности (выбор одежды, уход за кожей, татуировка, пластические операции и проч.), направлены на достижение соответствия

идеальному образу «я» — прежде всего физическому образу. Идеалы могут радикально меняться во времени и культуре. Было время, когда девушек угнетало недостаточное развитие груди, но сегодня они мирятся с ним много легче, чем с избыточным. Одежда выполняет не только функцию защиты тела, она становится своеобразным продолжением тела, включается в его образ и компенсирует (скрадывает или подчеркивает) вызывающие тревогу или неудовлетворенность детали. Одеваясь «как все», подросток подчеркивает и свою принадлежность к группе, но прежде всего для него — это обретение «нормального» образа тела.

Казалось бы, напрашивается вывод о негативном образе тела у подростков. Многие исследователи так и считают. Однако специальные исследования не подтверждают этого [ВгисНоп-ЗсНшеНгег М., 1982]. Противоречие, по нашим соображениям, чисто внешнее. Тревожно-противоречивое отношение подростка к своему телесному образу носит психозащитный и одновременно психопрофилактический характер: речь идет не о негативном образе тела, а о психическом напряжении в связи с возможной негативизацией, которое является как оборотной стороной позитивного значения происходящих изменений. С известной условностью это можно сравнить с неврозом ожидания [Свядош А. М., 1982] .

ПОЛОВОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Самосознание у девочек формируется, в целом, быстрее, чем у мальчиков, они взрослеют раньше. У девочек раньше возникают сложные формы рефлексии, чувство одиночества, у них сильнее потребность во взаимопонимании и психологической близости; они раньше мальчиков и в 3—4 раза чаще начинают вести дневники, раньше и сильнее обнаруживают интерес к внутреннему миру литературных героев; ориентация на словесное общение больше, чем на совместную деятельность и чем у мальчиков; они считают себя в сравнении со сверстниками менее общительными, но более искренними, справедливыми и верными (мальчики при оценке девочек отмечают меньшую смелость, общительность и жизнерадостность, но большую доброту, умение понять другого); девочки охотнее отдают предпочтение мужскому статусу, чем мальчики — женскому, свободнее в общении с мальчиками, чем мальчики с ними; у мальчиков больше потребность в достижениях и ориентации на будущее [Голод С. И., 1972; Кон И. С., 1973].

Если с возрастом у девочек идеальное и реальное «я» объединяются в относително непротиворечивой системе, то у мальчиков увеличивается рассогласованность идеального и реального «я» [РыШрз О., 2/1ег Е., 1980]. Р. ШПНатз, Р. Егоз! (1979), изучая психосемантические аспекты маскулинности — фемининности у младших подростков, не нашли специфических для пола показателей.

Мы (В. Е. Каган, С. М. Зелинский, Ю. В. Лукьяненко, Н. П. Лукьяненко) обследовали по «Личностному дифференциалу»¹ [Бажин Е. Ф., Эткинд А. М., 1983] 209 школьников 7-го и 10-го классов в Ленинграде и Джамбуле. Шкалировались понятия: «Я сам (а)», «Большинство мальчиков моего возраста», «Большинство девочек моего возраста», «Большинство мужчин», «Большинство женщин». Усредненные факторные оценки показывают, что половое отнесение

¹ Набор представлен шкалами: обаятельный — непривлекательный, слабый — сильный, разговорчивый — молчаливый, безответственный — добросовестный, упрямый — уступчивый, замкнутый — открытый, добрый — эгоистичный, зависимый — независимый, деятельный — пассивный, черствый — отзывчивый, решительный — нерешительный, вялый — энергичный, справедливый — несправедливый, расслабленный — напряженный, светлый — спокойный, враждебный — дружелюбный, уверенный — неуверенный, нелюдимый — общительный, честный — неискренний, несамостоятельный — самостоятельный, раздражительный — невозмутимый.

для подростков достаточно актуально, половые роли мужчин и женщин, сверстников и сверстниц воспринимаются дифференцированно. Роли девочек и женщин оцениваются как более близкие, чем мальчиков и мужчин. Восприятие мальчиками и девочками половых различий в общих чертах сходно. Сравнение ленинградской и джамбульской групп выявляет различия в интенсивности, но не направленности оценок. Это, как и по возрасту сравнение, говорит об общности полоролевых стереотипов. Сравнение усредненных показателей по каждой из шкал методики обнаружило более развернутые характеристики различий полов у джамбульских подростков (по шкалам «сильный — слабый», «раздражительный — невозмутимый», «добросовестный — безответственный», «суетливый—спокойный»), чем у ленинградских (только по первым двум из этих шкал). Количество достоверных различий между полами у джамбульских подростков в 2 раза больше, а степень различий маскулинности и фемининности выше и в возрастном аспекте стабильнее, чем у ленинградских. В обеих группах различия взрослых половых ролей оказались выше, чем подростковых. Для мальчиков обоих городов более значимы различия по фактору «сила», у джамбульских мальчиков чаще, чем у ленинградских, выявляется различие по фактору «активность», а для семиклассниц в обеих группах более значимыми оказались различия по фактору «оценка».

Более развернутые характеристики получены при повторной факторизации полученных данных (программа факторного анализа с использованием процедуры вращения составлена канд. техн. наук О. Я. Пановко, вычисления производились на ЭВМ ЕС-1060). Выделенные факторы оказались в достаточной мере независимы (коэффициент интеркорреляции не превышал 0,33). Ниже представлены факторные структуры понятий «я» у 100 мальчиков и 109 девочек (рядом с номером фактора приводится процент общей дисперсии, объясняемый этим фактором, а в скобках за каждой характеристикой — ее факторный вес).

Мальчики

1-й	фактор, 12 % Нелюдимый (0,74), молчаливый (0,73), замкнутый (0,69), непри-
влекательный (0,60), черствый (0,43).
2-й	фактор, 11,81 % Добросовестный (0,76), деятельный (0,76), честный (0,67), энер-
гичный (0,52), отзывчивый (0,43).
3-й	фактор, 10,1 % Добрый (0,73), невозмутимый (0,68), справедливый (0,58), друже-
любный (0,50), энергичный (0,36), общительный (0,35), отзывчивый (0,33).
4-й	фактор, 9,52 % Самостоятельный (0,78), напряженный (0,70), решительный
(0,49), упрямый (0,42), уверенный (0,34), разговорчивый (0,30).
5-й	фактор, 9,52 % Спокойный (0,70), уверенный (0,66), решительный (0,57), незави-
симый (0,46), невозмутимый (0,39), обаятельный (0,36).
6-й	фактор, 7,29% Слабый (0,80), уступчивый (0,54), дружелюбный (0,41), уверен-
ный (0,30).

Девочки

1-й	фактор, 14,76% Безответственный (0,71), эгоистичный (0,70), несправедливый
(0,70), неискренний (0,69), черствый (0,65), враждебный (0,63).
2-й	фактор, 13,43% Разговорчивый (0,86), открытый (0,81), общительный (0,80),
энергичный (0,51), деятельный (0,31).
3-й	фактор, 8,90% Уверенный (0,79), решительный (0,74), обаятельный (0,43), чест-
ный (0,39).
4-й	фактор, 8,86 % Пассивный (0,72), несамостоятельный (0,66), вялый (0,62), черст-
вый (0,38), зависимый (0,31).
5-й	фактор, 8,52% Спокойный (0,84), невозмутимый (0,79), самостоятельный (0,44),
независимый (0,32).
6-й	фактор, 6,33% Расслабленный (0,89), обаятельный (0,54).
7-й	фактор, 6,24 % Слабый (0,86), зависимый (0,53).
8-й	фактор, 5,57 % Упрямый (0,82), обаятельный (0,44).

Приведенные данные достаточно убедительно показывают, что установки отношения к себе у мальчиков и девочек качественно различаются. Это можно

проследить, в частности, по тому — какие шкалы личностного дифференциала участвуют в формировании двух и более факторов. У мальчиков это шкалы: «обаятельный — непривлекательный» (1-й и 5-й факторы), «разговорчивый — молчаливый» (1-й и 3-й факторы), «упрямый — уступчивый» (4-й и 6-й факторы), «отзывчивый — черствый» (1-й, 2-й и 3-й факторы), «решительный — нерешительный» (4-й и 5-й факторы), «энергичный — вялый» (2-й и 3-й факторы), «дружелюбный — враждебный» (3-й и 6-й факторы), «уверенный — неуверенный» (4-й, 5-й и 6-й факторы), «общительный — нелюдимый» (1-й и 3-й факторы), «раздражительный — невозмутимый» (3-й и 5-й факторы). У девочек это шкалы: «обаятельный — непривлекательный» (3-й, 6-й и 8-й факторы), «независимый — зависимый» (4-й, 5-й и 7-й факторы), «деятельный — пассивный» (2-й и 4-й факторы), «отзывчивый — черствый» (1-й и 4-й факторы), «энергичный — вялый» (2-й и 4-й факторы), «неискренний — честный» (1-й и 3-й факторы), «самостоятельный — несамостоятельный» (4-й и 5-й факторы). Задействованность этих шкал в нескольких факторах отражает, как можно полагать, ведущие ориентации в отношении к собственной личности. Общими среди них для мальчиков и девочек оказались степень обаятельности и отзывчивости, энергетический потенциал. Остальные повторяющиеся шкалы у мальчиков более инструментальны, а у девочек — эмоциональны.

Эта же особенность прослеживается и в структурах 1-го фактора, отличающегося своим негативным содержанием, и в структурах 2-го и 3-го факторов, как бы уравновешивающих своей позитивностью первый.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что первые три фактора у мальчиков могут быть в общем виде описаны как динамизм (оценка активности по Осгуду), тогда у девочек они представляют традиционные факторы оценки, активности, силы.

Два фактора по ведущей своей направленности совпадают у мальчиков и девочек: «спокойствие» (5-й фактор в обеих группах) и «слабость» (6-й у мальчиков и 7-й у девочек фактор). Но и они по внутренней своей структуре, по стоящим за ним личностным смыслам не идентичны.

Генетическая интерпретация полученных факторных структур лежит за пределами возможностей психосемантического эксперимента. Поэтому, опираясь на полученные данные, невозможно заключить, чему обязана негативность ведущего фактора в первую очередь: социальной ситуации пубертатного периода, психологии подростка или другим обстоятельствам. Но кажется достаточно убедительным, что в них отражаются реальные процессы становления «я», во многом связанные с динамикой отношений полов.

Не менее демонстративными оказались у мальчиков и девочек факторные структуры понятий «большинство мужчин» и «большинство женщин».

		<i>Большинство женщин (испытуемые мальчики)</i> 1й (0,66),	
1-й фактор,	11,33 %	Добрый (0,81), справедливый (0,74), честный (0,45), добросовестный (0,44).	отзывчи-
2-й фактор,	9,29%	Самостоятельный (0,74), невозмутимый (0,67), независимый (0,44), спокойный (0,37), общительный (0,36), обаятельный (0,35).	Решительный (0,80), уверенный (0,80), спокойный (0,44), честный (0,39).
3-й фактор,	8,14%	Непривлекательный (0,70), сильный (0,65), безответственный (0,59), черствый (0,45).	
4-й фактор,	8,05 %	Молчаливый (0,79), замкнутый (0,57), нелюдимый (0,53), спокойный (0,44).	
5-й фактор,	8%	Дружелюбный (0,79), зависимый (0,56), открытый (0,48), отзывчивый (0,34), общительный (0,31).	Пассивный (0,80), вялый (0,69), черствый (0,38).
6-й фактор,	7,71 %	Расслабленный (0,81), уступчивый (0,63), безответственный (0,31).	
7-й фактор,	7,71 %		
8-й фактор,	7,14 %		

Большинство женщин (испытуемые — девочки)

1-й фактор, 13,14 %	Честный (0,84), справедливый (0,82), уверенный (0,57), добрый (0,52), энергичный (0,47), решительный (0,46), отзывчивый (0,32). Общительный (0,79), деятельный (0,71), разговорчивый (0,63), энергичный (0,60), добрый (0,41), самостоятельный (0,37). Расслабленный (0,75), несамостоятельный (0,61), нерешительный (0,49), слабый (0,43), неуверенный (0,41).
2-й фактор, 11,86 %	Безответственный (0,75), невозмутимый (0,68), черствый (0,43). Уступчивый (0,91), слабый (0,36), добрый (0,35), нерешительный (0,31). Суетливый (0,85), несамостоятельный (0,4).
3-й фактор, 8,38 %	Замкнутый (0,78), черствый (0,63).
4-й фактор, 7,33 %	Обаятельный (0,75), зависимый (0,43), дружелюбный (0,39), слабый (0,32).
5-й фактор, 7,33 %	<i>Большинство мужчин (испытуемые — мальчики)</i>
1-й фактор, 14,24 %	Решительный (0,75), независимый (0,70), энергичный (0,68), сильный (0,60), уверенный (0,59), деятельный (0,48). Непривлекательный (0,74), враждебный (0,66), раздражительный (0,62), черствый (0,41), эгоистичный (0,33).
2-й фактор, 9,48 %	Расслабленный (0,64), эгоистичный (0,56), несправедливый (0,55), неискренний (0,55). Безответственный (0,76), суетливый (0,50), нелюдимый (0,40), пассивный (0,35), неуверенный (0,34), враждебный (0,32). Разговорчивый (0,86), общительный (0,53), суетливый (0,44), энергичный (0,32).
3-й фактор, 8,52 %	Несамостоятельный (0,69), уступчивый (0,68), расслабленный (0,39), добрый (0,34). Открытый (0,84), общительный (0,44), пассивный (0,34).
4-й фактор, 8,48 %	<i>Большинство мужчин (испытуемые — девочки)</i>
1-й фактор, 11,48 %	Справедливый (0,78), добросовестный (0,71), честный (0,63), деятельный (0,48), самостоятельный (0,42), обаятельный (0,33). Энергичный (0,73), решительный (0,72), добрый (0,54), невозмутимый (0,53), деятельный (0,39), отзывчивый (0,33). Уступчивый (0,74), отзывчивый (0,58), сильный (0,46), добрый (0,32). Спокойный (0,68), расслабленный (0,54), самостоятельный (0,50), невозмутимый (0,45).
фактор, 11,05 %	Разговорчивый (0,69), обаятельный (0,61), открытый (0,37), добрый (0,33), независимый (0,31). Дружелюбный (0,75), зависимый (0,68).
2-й фактор, 7,48 %	Нелюдимый (0,85), замкнутый (0,43), несамостоятельный (0,33).
7,29 %	Уверенный (0,78), замкнутый (0,55).
5-й фактор, 7,14 %	
6-й фактор, 6,57 %	
6,24 %	
7-й фактор, 6,19 %	

Как можно видеть, установочные представления о маскулинности и фемининности дифференцированы в зависимости от объекта оценки и пола оценивающих. Участие в обследовании испытуемых из столь несходных в этноурбанистическом плане регионов, как Ленинград и Джамбул, позволяет считать, что в полученных данных отразились наиболее общие для специфики пола установки.

Если наши данные характеризуют неосознаваемые установки, то исследование Т. И. Юферевой (1980) касается знаний о маскулинности и фемининности. 24 % испытуемых семиклассников не смогли написать сочинение «Какими я представляю себе современных мужчин и женщин». Из них около половины просто не раскрыли тему, а несколько больше половины (в основном, девочки) подменяли понятия «мужчина» и «женщина» понятием «человек» и императивно определяли — каким он «должен быть», резко противопоставляя гражданственность и нравственность внешним признакам пола. Т. И. Юферева расценивает это как «уход» от напряженно воспринимаемой темы и дефект «бесполой» педагогики.

Анализ раскрывающих тему сочинений показал, что проявления особенностей современных мужчин и женщин подростки связывали с семейно-родительскими и общественно-полезными отношениями, упуская, например, сферу взаимоотношений полов. Все девочки подчеркивали большую и важную роль женщины в семье, но видели в ней (судя по оценкам «вечная домашняя хозяйка», «белка в колесе» и проч.) не столько желанную обязанность, сколько жертву, требующую признания. Мужчину в семье девочки характеризовали как «помощника жены по хозяйству» («Приятно видеть мужчину, стоящего в очереди за фруктами и овощами»). Но это, скорее, пожелание, контрастное реальной оценке («Идеал мужчины — три Т: тахта, тапочки, телевизор», «Мужчину нельзя сравнивать с женщиной. Он не готовит обедов, редко когда убирается, но зато часто ест»). Мы воздержимся от комментирования той детской непосредственности, с которой девушки в возрасте Джульетты демонстрируют свое отношение к мужскому полу, заимствованное от ближайших воспитателей.

Мальчики возлагали на женщину основную ответственность за жизнь семьи («Женщина должна быть хорошей матерью. Она должна руководить семьей и не должна уделять много времени работе. Она должна чаще быть дома»), а мужчине отводили необязательную роль помощника жены.

Заметим, что позиции мальчиков и девочек при всем их несовершенстве и заимствованности все же вполне согласованны и образуют заслуживающее специального обсуждения направление будущих отношений, чреватых конфликтом инфантильно-эгоистических требований друг к другу.

Представления девочек о маскулинности диссоциированы: возвышенноромантический образ мужчины противостоит реальным требованиям к нему и его облику; у мальчиков портрет маскулинности более однопланов и реалистичен. Фемининность девочки оценивали по эмпатийным и эмоционально-действенным качествам, а мальчики по эмоциональной стабильности и отсутствию напряженности. Ни мальчики, ни девочки не выделили качеств женщины, выражающих ее отношение к мужчине. Этот факт Т. И. Юферева не объясняет. Некоторый свет на него проливают описанные Г. Вельской (1977) результаты опросов девочек-подростков: главное, по их мнению, качество женщины женская гордость, а мужчины — уважение к женщине; по нашему мнению, здесь ярко выступает тенденция принятия отношения без его адресования. Девочки, в целом, отмечает Т. И. Юферева, описывают роль женщины шире, чем это делают мальчики, но менее реалистично.

Проще всего, вероятно, оценить выявляемые тенденции как «хорошие» или «плохие» и призвать к культивированию «хороших» и борьбе с «плохими». Но как раз это было бы неверно. Они ни «хороши», ни «плохи» — они с наивной беспощадностью отражают существующие противоречия демократизации половых ролей, позволяют прогнозировать будущие трудности сегодняшних подростков и — тем самым — основные направления потребной медико-педагогической помощи и совершенствования полового воспитания.

СЕКСУАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Едва ли верно считать пубертат «возрастом пробуждения либидо», но бесспорно, что начало развернутых проявлений либидо приходится именно на этот период. Широкий круг сексуальных проявлений в этом возрасте обусловлен не только биологическими, но и социокультурными факторами. Взрыв сексуальной активности в этом возрасте намного резче, чем довольно равномерное повышение уровня андрогенов, а сходство этого уровня у мальчиков и девочек пубертатного возраста никак не объясняет различий маскулинных и фемининных ролей/идентичностей и различий сексуального поведения

мальчиков и девочек [Клпзеу А. е! а!., 1953]. Поэтому даже такое принятое мнение, как то, что гормоны обеспечивают энергетику пубертатной сексуальности, а средовые факторы — направление и стиль сексуальной активности, составляет лишь одну сторону проблемы. Другую образует тот факт, что сексуальная активность может значительно опережать сексуальную зрелость и потребность.

Для адекватного понимания подростковой сексуальности важен учет по крайней мере трех обстоятельств. Первое заключается в том, что сексуальность еще изолирована от других составляющих любви. В древнеиндийском трактате «Ветви персика» читаем: «Три источника имеют влечения человекадушу, разум и тело. Влечения душ порождают дружбу. Влечения разума порождают уважение. Влечения тела порождают желание. Соединение трех влечений порождает любовь». У подростка все эти влечения и порождаемые ими переживания в значительной мере автономны, и он, ища себя в любви, чаще всего мечется между этими крайностями, не умея объединять их. У мальчиков этот разлад особенно драматичен: их, как точно отмечено, влечет к женщинам, которых они не любят, и они любят женщин, к которым не влечет. Любовь и телесное влечение еще исключают друг друга. Любовь-дружба, любовь-идеализация, любовь-мечта, влюбленность издали, целомудренная возвышенность отношений — с одной стороны, и отвергаемая, вызывающая отвращение, но и влекущая «низменность» телесных отношений — с другой. У некоторых людей этот конфликт духовного и телесного («возвышенного» и «низменного») сохраняется в течение всей жизни. Столкновение романтической любви с развивающейся сексуальностью драматично для подростка вне зависимости от того — умеют ли взрослые увидеть и понять эту драму, переживаемую как жизненная катастрофа (например, у А. Г. Чехова в рассказе «Володя», у Ремарка в романе «На западном фронте без перемен»). Но зрителей в этой драме нет, ибо все, с кем подросток общается, особенно родители, товарищи, педагоги, желая того или нет, догадываясь о том или нет, становятся ее участниками и так или иначе влияют на финал.

Второе обстоятельство заключается в том, что переживание сексуального влечения, только в этом возрасте отливающегося в форму эротики, часто оказывается значительно сильнее самого влечения. Весьма и весьма ограниченные возможности реализации сексуального влечения и неограниченные возможности эротических представлений и фантазий создают своеобразную и напряженную (порой чрезвычайно) психоэстетическую диспропорцию, выход из которой может быть чреват крайними формами сексуального поведения.

Наконец, третье обстоятельство состоит в том, что сексуальное поведение на этом этапе носит прежде всего и преимущественно характер сексуального экспериментирования — самостоятельного, гомосоциального и лишь затем гетеросексуального с формированием окончательной сексуальной направленности.

Пубертатная мастурбация «представляет собой суррогатное средство, позволяющее снять или смягчить проявления физиологического дискомфорта, порождаемые биологической потребностью, не находящей адекватного удовлетворения»¹. Вместе с тем, она и способ сексуального экспериментирования, испытания созревающих сексуальных функций.

Подростковая мастурбация — этап, который проходят (сообщают о ее наличии в подростковом возрасте) 96 % мужчин и 62 % женщин [Ктзеу А. е! а!., 1948, 1953]. Начинаясь в среднем в 14,1 лет±3,8 года, она длится 4,3 года ± 2,6 года с частотой 3,5±3 раза в неделю; очевидно, что не каждый человек укладывается в эти усредненные параметры. Среди опрошен-

¹ Васильченко Г. С. В кн.: Общая сексопатология. М., 1977, с. 205.

ных В. В. Даниловым [см. Исаев Д. Н., Каган В. Е., 1986] девушек к 13¹/₂ годам имели опыт мастурбации 22 %, к 15¹/₂ годам — 37,4 %, к 17¹/_г годам— 50,2% и к 18¹/_г годам — 65,8%. Она наиболее часта среди здоровых в будущем мужчин и наиболее редка среди страдающих в будущем сексуальными расстройствами [Васильченко Г. С., 1977].

Среди страдающих аноргазмией женщин в 3 раза чаще, чем среди достигающих оргазма, встречаются не мастурбировавшие в пубертатном периоде [Святош А. М., 1984].

У подростков с пубертатной мастурбацией связаны сложные, порой достигающие невротического уровня, переживания. Даже подростка, не отягощенного традиционными запугиваниями (судя по брошюрам для подростков, их авторы разделяют расхожее мнение о мастурбации как о вредной, болезненной привычке мальчиков; чего же при этом можно ждать и требовать от житейского «здорового» смысла?), акт мастурбации столько же влечет, сколько отталкивает. Разрядка полового влечения еще слишком нова, чтобы не казаться предосудительной. Удовлетворение возникающего желания становится тщательно скрываемой даже от себя самоцелью, а волевые задержки еще недостаточны [Иванов Н. В., 1966]. Неизбежное поражение, которое терпит подросток (как, впрочем, и все поколения до него) в борьбе с «демоном мастурбации», может вести к снижению самоуважения, сомнениям в своей полноценности, опасениям за будущее. Предшествующая мастурбации внутренняя борьба, следующие за мастурбаторным актом угрызения совести, опасения, неприязнь к себе — все это приводит к внутренне конфликтному сопряжению физического удовлетворения и душевного дискомфорта. Мастурбация при этом может приобретать оттенок навязчивого влечения: чем больше на ней фиксация и стремление перебороть себя, тем больше потребность в разрядке и меньше ее эффект, что может вести к эксцессивной мастурбации [Исаев Д. Н., Каган В. Е., 1986а]. Личностные конфликты такого рода присущи в основном мальчикам, хотя и не обязательно каждому. Девочки порой просто не знают, что мастурбация — не мужская привилегия, а потому не считают себя мастурбирующими.

Часто используемое выражение «взаимная мастурбация» по форме и содержанию неверно [Исаев Д. Н., Каган В. Е., 1985], а обозначаемые им действия следует относить к петтингу (гомой гетеросексуальному).

Петтинг— взаимные сексуальные ласки, приводящие к сексуальному возбуждению и включающие в себя любые действия, кроме интромиссии. По глубине петтинг может быть поверхностным, или легким (от объятий и поцелуев до ласк выше талии и через одежду), и глубоким, или тяжелым (ласки обнаженного тела, ласки ниже пояса вплоть до орально-генитального контакта). По сексуальной направленности он может быть, как отмечалось, гетеро-и гомосексуальным, завершенным (приводящим к оргазму) и незавершенным [Исаев Д. Н., Каган В. Е., 1986а]. Сходная с петтингом техника ласк, предшествующих интромиссии, не является петтингом, т. е. замещающей формой сексуального поведения.

К 18 годам более 80 % опрошенных А. Ктзеу (1948, 1953) американских юношей и девушек имели опыт петтинга. По данным опросов В. В. Данилова [Исаев Д. Н., Каган В. Е., 1986а], к 17¹/_г годам 92 % девушек имели опыт легкого петтинга, который *в каждом четвертом случае был завершенным. Модельные данные о возрастной динамике петтинга получены М. ЗсНоШеЫ (1968) при опросе около 2000 английских юношей и девушек в возрасте 15—19 лет [Исаев Д. Н., Каган В. Е., 1979, 1986а].

Петтинг — безусловно, более зрелая форма удовлетворения сексуального влечения, чем пубертатная мастурбация. Но разрядка сексуального влечения — лишь одна сторона этой формы поведения. Вопрос о его психологическом

и ролевом значении практически не ставился. Ранее нами показано [Исаев Д. Н., Каган В. Е., 1986а], что петтинг — суть отражение и один из путей формирования взрослого сексуального поведения, феномен прежде всего психологический и лишь затем физический. Петтинг — это форма общения и школа общения в области сексуального поведения. Зрелая сексуальность предполагает умение партнеров понимать друг друга не только на вербальном уровне взаимных инструкций и пожеланий, но и на уровне действий, дающих возможность чувствовать и предвосхищать реакции партнера, находить с ним «общий язык ласк». Техника петтинга используется в предварительной и завершающей любовной игре, отсутствие которой или осуществление на уровне взаимного непонимания примитивизирует и огрубляет половой акт, низводя его до «сексуального потребления» и становясь причиной сексуальных дисгармоний и дисгамий, требующих лечения, нарушенных межличностных отношений партнеров [КгалосНуП 5., 1985]. Пубертатно-юношеский петтинг как раз и является своеобразной школой освоения этой важной стороны человеческих и сексуальных отношений. В нем совершаются первые и необходимые шаги по объединению платонического и чувственного компонентов любви, первые опыты сексуальности как общения, возможного лишь при хорошем «переводе» чувств на язык ласк. Опыт петтинга формирует диапазон приемлемости ласк и учит считаться с диапазоном приемлемости партнера, т. е. подводит к овладению этикетом сексуального общения (термин С. С. Либиха).

Сказанное не означает уместности популяризации петтинга среди подростков, но должно определять трезвый и реалистический подход воспитателей к этому явлению.

Начало половой жизни долгое время было темой для сентенций типа: «Лучший способ половой жизни для молодежи — воздержание». Обратимся к фактическим данным. Средний возраст первой близости для мужчин составляет 17—18, а для женщин—19 лет, но за «средними» скрывается вариативность, зависящая от культурных, образовательных, социальных и других характеристик [Голод С. И., 1969, 1973]. А. Тавит и Х. Кадастик (1980) указывают, что к 17—19 годам опыт половой жизни имеют 66,5% мужчин и 47,2 % женщин. Уже только этих данных достаточно, чтобы стала ясной необоснованность жалоб старших поколений на «развращенность современной молодежи».

Мотивы первой близости не исчерпываются только «высокой любовью» или «низкой похотью». В сложном мотивационном комплексе прослеживаются самые разнообразные мотивы: любовь, потребность в доверительном общении, сексуальное желание, любопытство, настояния партнера, пример сверстников, желание быть «как все», совращение, прямое или косвенное понуждение и т. д. Но чем меньше возраст первой близости и начала половой жизни, тем более фрагментарны и незрелы ее мотивы. У каждой 10-й женщины и каждого 4-го мужчины первая близость происходила на фоне алкоголизации, особенно частой (38,4 %) у мальчиков-подростков [Тавит А., Кадастик Х., 1980].

Сдерживающие мотивы включают в себя моральные убеждения (чаще у женщин), отсутствие достаточной потребности (чаще у женщин), страх последствий (чаще у женщин), страх обнаружения, страх заражения (чаще у мужчин), просто отсутствие удобного случая [Голод С, И., 1969]. Реакция на начало половой жизни не обнаруживает достоверных различий в зависимости от возраста и пола. Прогнозировать на основании таких реакций дальнейшую динамику половой жизни трудно, но из опрошенных М. ЗсИюГПеЫ больше половины мужчин и женщин продолжили сексуальные отношения в течение первого же месяца после первой близости. Большинство исследователей подчеркивают, что, вопреки расхожему мнению о склонности подростков к промискуитету, они чаще всего «моногамны» в своем сексуальном поведении.

На возраст начала половой жизни влияет не только сила либидо, но и существующие в обществе установки, которые тем более либеральны, чем выше уровень урбанизации, образования и благосостояния. Но в рамках конкретного общества, конкретной культуры установки на добрачное сексуальное поведение практически не зависят ни от социального статуса, ни от образования, ни от места жительства, ни даже от традиций родительской семьи [Кутсар Д., Гийт Э., 1982]. В целом же становится все более явной дезактуализация двойного стандарта, демократизация установок в отношении добрачного поведения. Это не может не сказываться на сексуальном поведении подростков: некритическое объединение подростков, юношей и девушек, молодых мужчин и женщин в одну группу «молодежи» при обсуждении проблем сексуальности может играть роль сексуальной стимуляции.

МЕДИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Половое воспитание подростков в существующих условиях должно учитывать по крайней мере два обстоятельства. Во-первых, проведение полового воспитания на предыдущих этапах и его результаты оставляют желать лучшего, и подросток является, по существу, объектом не воспитания, а довоспитания и перевоспитания. Во-вторых, согласно существующему законодательству, минимальный брачный возраст составляет 18 (а в ряде республик — 16) лет, и половое воспитание подростков сегодня определяет их готовность к семейнобрачной жизни. Таким образом, для полового воспитания подростковый возраст представляет собой в известной мере критическую группу — не подготовленную к этой работе на этапе детства, но, благодаря закону о всеобщем и обязательном среднем образовании, объединяющую всех молодых людей в возрасте 12—18 лет в учебные коллективы, где необходимая подготовка возможна. Половое воспитание в этом возрасте, как видим, задача трудная, но социально чрезвычайно важная, и выполнение ее каждым воспитателем есть выполнение долга перед подрастающим поколением и обществом. Между тем, первоначальную информацию о поле получают от родителей и учителей лишь около 20 % старшеклассников [Харчев А. Г., 1986].

Введение в школах обязательного курса «Этика и психология семейной жизни» пока сталкивается со множеством организационных и методических трудностей. Нередко врача приглашают прочитать лекцию на эти темы в подростковом коллективе, где накануне забеременела девочка или совершен какой-либо «сексуальный проступок», чтобы «объяснить и поуготать». Перед врачом при этом возникают весьма сложные проблемы. Он не может не понимать, что такая «скорая помощь» заранее обречена на неуспех уже потому, что восприятие во взбудораженной происшествием группе значительно искажено. Сталкиваясь с теми или иными формами сексуального поведения и вариантами полового развития, врач должен разграничить «патологическое» и «нормальное», без чего трудно или невозможно выбрать правильную тактику. Поспешное направление к психиатру, мотивируемое констатацией «патологии», несет в себе значительную опасность ятрогении и нарушает доверие и к врачу, и к медицине. Уместнее временное выжидание, в период которого можно получить необходимые для обстоятельного анализа данные, провести работу с семьей, а при сохраняющейся неясности и предварительное (без привлечения подростка) консультирование со специалистами. При направлении к психологу, психиатру, сексopatологу необходимо создать у подростка и родителей (возможно — и педагогов) установку на безопасность, доверие к специалисту и откровенность.

Самостоятельная работа врача возможна и уместна не только при выявлении отклонений, но и в случаях, не выходящих за рамки принятых пред

ставлений о «норме», особенно при наличии психотерапевтического контакта с подростком и семьей. Доброжелательная, спокойная и тактичная беседа с юношей или девушкой без морализирования по поводу обращения (дело врача—помогать, а не читать морали), обеспечение возможности для подростка обратиться за такой беседой по собственной инициативе, параллельная работа с семьей, а при необходимости с учителями — оптимальная линия поведения врача в таких случаях. Строгие предписания, регламентация методических приемов в подобной работе неуместны, ибо, выполняя свои профессиональные задачи, врач в обсуждении этой деликатной тематики должен сохранить максимальную естественность поведения и не помешать при этом естественному поведению собеседника. Это должен быть диалог личностей, а не манипуляции врача с подростком или семьей. Формализм здесь не просто нежелателен, но и вреден. Для одних родителей запрет следить за подростком имеет силу рецепта, других приводит к оценке врачебной тактики как сомнительной или неприемлемой. У одних родителей полезно оживить воспоминания об их собственных проблемах в подростковом возрасте, в беседах с другими лучше ограничиться сообщением или аргументированным доказательством того, что смущающее их поведение сына или дочери не является «ненормальным». Одни родители оказываются прекрасными «домашними психотерапевтами», пользующимися лишь консультациями врача, другие, в силу занимаемых ими позиций, могут больше помочь подростку, не вмешиваясь непосредственно в ход врачебной работы.

Здесь возникает принципиальный вопрос: может ли вообще сексуальное поведение подростка быть объектом усилий вне учета других особенностей пубертатного периода, прежде всего — так называемой «подростковой психики» и социально-психологических аспектов этого возраста? Формулируя так вопрос, мы заранее предрешаем ответ: вне апелляции к личности никакая работа по половому воспитанию и коррекции поведения невозможна. Даже при назначении гормонального лечения приходится учитывать, что действие гормонов опосредовано психологическим настроением [Белкин А. И., Лакуста В. Н., 1983]. В обыденном же сознании пубертатный период устойчиво ассоциируется с представлениями о неизбежно «трудном» поведении, заранее настраивая воспитателей на принятие его и борьбу с этими «трудностями», воспринимаемую подростком как борьбу против него. Объективный анализ ситуации часто подменяется спонтанно-односторонним поведением взрослых, исходящих из того, что поведение подростка для них просто «неудобно». Мнение о биологическом происхождении особенностей поведения в пубертатном периоде приводит к стремлению лечить подростка. Рассмотрение же этого времени исключительно через призму социальных процессов порождает избыточные надежды на психологическую помощь. Более адекватен комплексный анализ возникающих проблем, в том числе и тогда, когда они связаны с девиантным поведением [Исаев Д. Н., Каган В. Е., 19866].

Родители часто жалуются на отчуждение подростка в семье — появляются «свои» дела, «своя» компания и т. д., в которые подросток в общем-то не склонен посвящать родителей. Собственное мнение подростка — то полемическое, то эпатазирующее — встречает избыточно серьезное отношение взрослых, видящих в этом мнении едва ли не «программу жизни». Позиции родителей внутренне противоречивы. Им трудно угнаться за темпами развития подростка, отойти от стереотипов общения с ним как с ребенком. Объективно готовя подростка к жизни взрослого, по крайней мере, понимая закономерность повзросления и независимости детей, родители не готовы к этому субъективно. Как раз теперь — на пороге взросления детей — они не столько действительно не верят в их возможности, сколько не могут сами остаться без детей — «отпустить..., быть без них..., заполнить пустоту». В многодетных

семьях это протекает легче. Но, в целом, это то время, когда родители, отпуская, не отпускают, а дети, уходя, не уходят. Потребность в эмоциональной близости с родителями не только не уменьшается, но и увеличивается, становясь, правда, иной — более избирательной, дифференцированной: «...с товарищами приятнее развлекаться, с друзьями — говорить о своих переживаниях, но в трудную минуту лучше все-таки обратиться к маме»¹. Мальчики в трудных ситуациях ищут совета у матери и отца, девочки — у матери и друзей. Как можно видеть, для родителей понимание подростка и его проблем, чтобы оно было успешным, должно быть неотделимо от понимания собственных проблем: быть родителем самого «хорошего» подростка, в целом, труднее, чем даже «трудного» ребенка.

Нередко говорят о специфической «подростковой психике». Видимо, продуктивнее различать напряженность психического функционирования в этом возрасте и социальные аспекты пубертатного периода. В осмыслении последних может быть полезен учет некоторых специфических реакций подросткового возраста [Личко А. Е., 1979, 1983].

Реакция эмансипации выражается в стремлении освободиться от опеки взрослых, зависимости от них. В крайних случаях, определяемых то структурой характера подростка, то микросоциальной ситуацией, то тем и другим вместе, эта реакция напоминает «кризис 3-летних» с его самоценными негативизмом и упрямством. Еще не готовый к налагаемым самостоятельностью обязанностям, подросток склонен настаивать на следующих из нее правах и нуждается не столько в самостоятельности, сколько в признании взрослыми его самостоятельности в принципе. Далеко не всегда эмансипация принимает форму оппозиции — подросток стремится не противостоять взрослым, а встать в один с ними ряд, стать равным им, что невозможно в условиях полной зависимости от них. Нет необходимости доказывать, что реакции эмансипации могут выражаться в сфере сексуального поведения.

Реакция группирования со сверстниками представляет собой как бы оборотную сторону реакции эмансипации. Она проходит через всю историю человечества в виде образования мальчиками среднего и старшего подросткового возраста однополюсных групп с четкой иерархией ролей и обязанностей, своими ритуалами посвящения, территорией и особым жаргоном и т. д. Сегодня такие группы часто разнополюсны и нестабильны по составу, их внутренняя жизнь не регламентирована и они представляют собой, по существу, спонтанные досуговые группы. Времяпрепровождение в них выглядит со стороны пустым, нецеленаправленным — за исключением цели так или иначе развлечься, «убить время». Действительно, в них, по выражению Я. Корчака (1966), скука приобретает иногда черты массового психоза. И все же было бы неверным игнорировать то обстоятельство, что «пустые» жизнь и болтовня в этих группах каким-то образом отвечают эмоциональным потребностям их участников. Борьба с реакцией группирования бессмысленно. Но получившая широкое распространение Инициатива Ленинграда по созданию подростковых клубов по месту жительства показывает, что реакция группирования может быть положена в основу обладающей высоким воспитательным потенциалом работы [Махов Ф. С., 1982].

Было бы ошибкой сводить все это к реакциям подросткового возраста и не видеть за ними подростковые дружбу и влюбленность. Им посвящены серьезные работы И. С. Кона и В. А. Лосенкова [Кон И. С., 1987]. Часто, сближаясь между собой до неразличимости и отличаясь не только высокой эмоциональной значимостью, но и высоким эмоциональным накалом, страстностью, они отвечают одной из ведущих потребностей человека — быть понятым и принятым кем-то (как точно сказано поэтом Ларисой Миллер, «все мы звуки,

¹ Кон И. С. Дружба. М., 1980. с. 176.

все мы ищем отзвука себе») — и связаны с необычайно интенсивным звучанием в этом возрасте своего внутреннего «я». Важное значение придается подростками сочувствию и пониманию со стороны друга. Для мальчика понимание — скорее объективное знание о человеке и интеллектуальное сходство с ним, а для девочки — сочувствие, сопереживание. Не столько подросток выбирает дружбу, замечает И. С. Кон (1987), сколько дружба втягивает в себя. Именно она часто становится той немедицинской спонтанной психотерапией, которая помогает подростку в трудных жизненных и проблемных внутренних ситуациях. Преувеличенное мнение многих взрослых о «развращенности» подростков («мы были не такими») может оказаться серьезным препятствием для воспитания. Неуважение, оскорбительные подозрения, компрометирующая информация в адрес объекта привязанности подростка, как правило, отвергаются им, но в любом случае травмируют и иногда могут сказываться на построении межличностных контактов в будущем. Избыточно серьезное отношение взрослых (часто склонных экстраполировать преходящие моменты на будущее и видеть в сегодняшнем поведении прообраз всей будущей жизни) к влюбленности подростка с восприятием объекта ее как завтрашних мужа или жены своего ребенка также неуместно. Подросток к такой перспективе еще не готов, и «заземление» его чувств лишает первую влюбленность свойственного ей очарования. Одних подростков это толкает к ускорению начала половой жизни, других заставит стыдиться того, что составляет счастье и смысл этого периода их жизни.

«Сколько помню себя, — пишет нам женщина 52 лет, — всякое чувство к мужчине, даже просто симпатия или признание его человеческих достоинств, связаны со стыдом. У меня хорошая, счастливая семья, но даже в отношениях с мужем мне и до сих пор не удается до конца преодолеть этот мешающий и отравляющий лучшие минуты жизни стыд. Всю жизнь у меня в ушах звучат детское «тили-гили тесто—жених и невеста», насмешливое мамино «Ну, вот и женишок», осуждающее «Рано, рано...» учительницы, когда в 14 лет меня первый раз проводил мальчик, да мало ли... Учила детей. Теперь учу внуков гордиться тем, что они Мужчины и Женщины, а вот сама не умею».

Даже если у взрослых есть веские основания возникшие отношения считать нежелательными, а чувствительность сына или дочери — излишними, лучше в первую очередь проявить уважение к чувствам и отношениям детей, а уж потом пытаться разумно влиять на них. Для этого не нужны педагогические знания — достаточно просто следовать основным законам человеческого общения: пониманию, доверию, уважению, такту.

В связи с представлениями о смыывающей плотины воспитания, неуправляемой «подростковой психике» следует заметить, что новейшие исследования опровергают их. Так, супруги ОНег [цит. по: Кон И. С., 1984] в начале 70-х годов завершили обследование юношей 14—22 лет из одной и той же социальной среды. Только для 21 % это был период тяжелых внутренних и внешних конфликтов, 23 % прошли этот период ровно и спокойно; у 35 % бурное взросление было психологически безболезненным, у 21 % — не удалось достоверно квалифицировать. Работы советских исследователей [Пахальян В. Э., 1981; Хазанова М. А., 1984] указывают не только на лучшую социальную адаптацию подростков при благоприятном семейном климате, но и на то, что с благоприятными отношениями в семье связаны лучшие перспективы личностного развития, более высокий уровень самореализации и низкий — тревожности.

В изолированном подходе к вопросам пола, не включенном в систему нравственного воспитания, заложены, как показывал А. СМакаренко, наиболее нежелательные воспитательные потенции. Но замалчивание этих вопросов является разновидностью ханжеской лжи и подрывает с(аму идею гармонического воспитания, воспитания коммунистической нравственности, которой

принципиально чужда проповедь аскетизма. Авторитарно-директивный бесполоый стиль воспитания должен быть отвергнут не только из-за неэффективности, но и потому, что, вопреки благим намерениям неумелых воспитателей, он воспитывает в подростке изоляцию от мира взрослых, неуверенность в себе и своих мужских и женских качествах, плохо осознаваемую (а потому часто особо сильную) установку против любой дисциплины в последующем. Такому воспитанию, как правило, сопутствует идеализация или намеренное приукрашивание взрослыми собственной жизни, выставление ее как непреложного стандарта и образца для копирования. О таком воспитателе не без злой иронии пишет Л. Лиходеев: «Сам он никогда в жизни не целовался, детей ему принес аист, а самого его нашли в капусте во время борьбы с вредителями овощных культур: боролись-боролись, смотрят — лежит! Он никогда никого не любил, его никогда не лихорадило под городскими часами, он никогда не плакал от ревности. Он никогда не дарил цветов просто так, без повода и случая... А тем не менее и у мальчиков, и у девочек есть глаза, и ресницы, и брови, и губы, а у некоторых даже красивые волосы. Имеются у них даже руки, ноги и колени. И у девочек они красивее, чем у мальчиков. Такова уж игра природы. Но именно это обстоятельство не дает покоя моралистам-любителям, которые произошли от капустного листа, особой красотой не отличающегося. Поэтому они считают себя единственными знатоками вопроса: как быть с таким несчастьем. как живой и теплый человек? Что же происходит? Происходит ханжество. Происходит ложь, прикрытая ангельскими хитонами. И дети в возрасте до шестнадцати лет понимают это не хуже детей в возрасте после шестнадцати»¹.

Подросток хочет видеть во взрослом не подавляюще недостижимый идеалобразец, не проповедующего одно и делающего другое ханжу, а человека со своими достоинствами и недостатками, убеждающего всем своим прошлым и настоящим опытом, что жизнь не дается легко, не протекает безоблачно ясно и непогрешимо, что единственный достойный путь в жизни — непрерывное самосовершенствование.

Другая разновидность упущений питается отрывочными сведениями о новых веяниях в воспитании. Результатом становится снятие всякого контроля взрослых, морально-этическая вседозволенность при предоставлении «полезных» знаний (в этих условиях они в лучшем случае бесполезны). Многие взрослые к тому же считают своим долгом обеспечить подростку бесконфликтное существование, избавить его от столкновений с жизнью и от всяких переживаний. Так, мать одной девочки рассказала, что после посещения спектакля, который обеим очень понравился, она дала дочери таблетку элениума — «Девочка так разволновалась!». Результатом такого «спасения» становится отсутствие нравственной устойчивости личности, приводящее к отчаянию, неуверенности в себе и неверию в людей либо к правонарушениям.

В одном из случаев 18-летний студент был осужден за попытку грабежа и изнасилования; до этого жил в другом городе в семье со своеобразным подходом к его воспитанию — до конца 10-го класса его поили рыбьим жиром из ложки, провожали в школу и встречали, а принесших уроки девочек мать «спускала с лестницы». В другом 16-летний мальчик, не получивший от родителей никаких сведений о поле, скованный и нерешительный в повседневном общении, но достигший предельного эмоционального накала в интересе к проявлениям пола, вынудил 12-летнюю девочку раздеться для того, чтобы «посмотреть и потрогать».

Уважение к личности подростка, к его трудностям и проблемам, серьезный и доверительный обмен мнениями, попытки опровергнуть (а не отвергнуть) неверные представления, мотивировать свои советы (а не насаждать желательный стиль поведения принудительно), способствовать стремлению

¹ Лиходеев Л. Искусство это искусство.— М., 1970, с. 150.

и умению разрешать неизбежные в жизни конфликты, через разумный и тактичный контроль вырабатывать чувство ответственности за себя и других — тот путь, который обеспечивает человеческие права подростка и обогащает его личность. Означает ли это недопустимость принуждения? Оно может и должно быть применено, когда оно справедливо, если применение его не есть проявление слабости воспитателя, если оно исходит от уважаемой (не обязательно любимой) подростком личности. Мы не можем не возразить против довольно распространенной утрированной оценки личного примера воспитателя, когда к его жизни и поведению предъявляются невыполнимые в рамках его биографии требования. Личный пример воспитателя — это его отношение к жизни и себе, адекватное нравственным требованиям к человеку, а не прописным истинам ханжества. Обсуждая стиль общения с подростком, И. С. Кон подчеркивает, что «единственно правильный стиль — стиль проблемный. Мы должны с учетом возрастных особенностей, но всерьез и без малейшего вранья говорить, каково состояние дел. (...) Если мы включаем молодого человека в социально значимую деятельность и в обсуждение реальной задачи, только тогда он начинает ощущать себя хозяином жизни, несущим за нее ответственность»¹.

Полностью оградить подростка от столкновений с вопросами пола и сексуальности невозможно и не нужно. Гораздо важнее помочь ему понять и почувствовать, насколько обедняет мир человека опoшление представлений об отношениях полов. Но не следует принимать за такое принижение совместные обсуждения подростками сексуальных проблем, свойственные подросткам совместные сексуальные эксперименты, рассказывание сексуальных анекдотов, рисунки сексуального содержания и т. д. Сами по себе они не болезненны и не страшны, будучи неотъемлемым элементом подростковой субкультуры (до известных, разумеется, пределов, которые точно обозначены быть не могут). Наибольшую настороженность должны вызывать те, кто молчаливо присутствует при этом, не участвуя в происходящем, но и не покидая компанию, не протестуя: следствием такой интенсивной сексуальной стимуляции и никак 'не разряжаемого напряжения могут быть те или иные сексуальные затруднения в последующей жизни. Эротические рисунки подростков отличаются явно недостаточной информированностью авторов о поле и сексуальности, аффективным увеличением и утрированностью (порой гротескной) гениталий и действий. В ряде случаев они наводят на мысль о хорошо известном психиатрам ритуале символического уничтожения навязчивостей. В литературе есть указания на возможность их психотерапевтического использования. Оптимальная тактика воспитателей заключается в спокойном и убедительном разъяснении того, что едва ли следует навязывать другим свои аффекты и переживания, в которых самому бывает трудно разобраться.

Весьма сложную проблему представляет собой начало половой жизни, причем от содержательного ее решения существенно зависят организационные аспекты работы. Обычно эта проблема решается альтернативно: принимать или не принимать «современные нормы», для которых раннее начало половой жизни, якобы, естественная реальность. Но, во-первых, приводившиеся нами ранее данные показывают, что такая оценка современных норм нереалистична и утрирована [Исаев Д. Н., Каган В. Е., 1986а], а, во-вторых, ни вседозволенность, ни директивные запреты не достигают успеха. Заслуживает анализа используемая взрослыми аргументация, направленная на предупреждение раннего начала половой жизни. Чаще всего это рекомендации воздержания, которое «не приносит вреда»; польза же его аргументируется архаичными ссылками на «экономия энергии». Доводы такого рода подро-

¹ И. Кон. Логика табу,—Лит, газета, 1986, № 36 (5102), с. 12.

стками воспринимаются как немотивированный запрет, уловки взрослых, противоречащие наблюдаемому в жизни. Ссылки на возможность заражения венерическими заболеваниями наталкиваются на психологический феномен «красного светофора» — все знают, что это предупреждающий об опасности запретительный знак, но каждый уверен, что именно его «пронесет». К тому же среди населения распространено представление о венерических болезнях как о постыдных, как о своеобразной каре за аморальность. Но психологам хорошо известно, что дурной, аморальный поступок, для того, чтобы быть совершенным, должен быть перемотивирован и получить внутреннее оправдание, позитивный мотив [Криминальная мотивация. 1986] — каждый для себя прав, так что «дураку, что он дурак, — по словам поэта Л. Гаврилова — у даже умный доказать не может», а в восприятии подростка венерические заболевания угрожают плохим людям, каковым он сам не является. Если к этому добавить довольно распространенную среди части населения браваду «легкими» венерическими заболеваниями, отождествляющую гонорею с насморком или признаком опытности, то ясно, что запугивание венерическими заболеваниями мало влияет на подростка. Попытки апеллировать к тому, что от этого бывают дети, на подростков действуют не больше (если не меньше), чем на взрослых. Ситуация может показаться неуправляемой и часто оказывается таковой, когда попытки регуляции сроков начала половой жизни предпринимаются уже на ее пороге и не обеспечены предшествующим воспитанием. К тому же не все взрослые могут представить себе реальное содержание проблемы, а потому руководствуются в основном соображениями морального порядка, будучи готовыми во их имя запугивать подростков чем угодно, не веря серьезно в эти запугивания. Позиции взрослых часто мотивированы соображениями, которые можно сформулировать так: «До 18 лет нельзя, а потом можно; браки раньше декретированного возраста плохи, а с наступлением его хороши». Но это как раз те позиции, к которым подростки с их потребностью в признании права на самостоятельность остаются глухи.

Реальное содержание проблемы связано с вопросами психологии начала половой жизни и возможных последствий раннего ее начала. Психологические аспекты подробно рассмотрены нами ранее [Исаев Д. Н., Каган В. Е., 1986] и в первой части этой главы. Здесь же рассмотрим некоторые вопросы, связанные с охраной здоровья. Прежде всего это касается так называемых «малых» венерических заболеваний (кроме сифилиса, гонореи и трихомониаза), входящих в число болезней, передающихся половым путем, а именно: герпеса (5ТО), которые вызываются вирусами герпеса, гепатита, хламидиями и т. д. [Шаткин А. А., Мавров И. И., 1983; Коломиец Н. Д. и др., 1984; Коломиец А. Г. и др., 1985]. Протекают эти болезни малосимптомно или бессимптомно, в связи с чем при смене партнеров накапливаются «пакетами» по 3—4 у одного человека. Медицинское их выявление и лечение крайне сложно и часто неэффективно в связи с быстрым реинфицированием. С этими же обстоятельствами связана высокая распространенность этих заболеваний. Влияние же их на здоровье потомства отнюдь не малое: преобладающая часть ранней неонатальной смертности, младенческих пневмоний, поражения ЦНС, глаз, кожи, печени связаны с 5ТО, а лечение представляет немало трудностей и требует разработки новых методов [Левин А. Н. и др., 1986]. Все это ставит перед воспитателями непростую задачу: в достаточно настоятельной форме сообщать об этом подросткам, не запугивая их и не вызывая фобии, но формируя ответственное отношение к своему половому поведению. Наш опыт позволяет рекомендовать следующий методический прием, опирающийся на историю семьи. Говоря о религиозных, общественных и нравственных запретах на супружескую измену, добрачную сексуальность и т. д., мы ставим вопрос о том — были ли они обоснованы, а если да, то чем именно.

Хорошо, если аудитория попытается самостоятельно найти ответ, однако, вне зависимости от успеха таких попыток, они уменьшают сопротивление восприятию последующей информации. Ответом на этот вопрос служит рассказ о СТО и их влиянии на здоровье потомства. Далее формулируем завершающее положение об ответственности индивида не только за партнера и перед партнером, но и за здоровье будущих поколений, за семью. Повышая убедительность информации о ЯТО, этот прием одновременно переводит отношение подростков к половой жизни в несколько иное русло, вынуждая задуматься о «хочу» и «должен» в половой жизни. Подростки нередко возражают, ссылаясь на успехи медицины, которые делают старые запреты ненужными. Здесь приходится разъяснять, что большая часть усилий и времени сегодня посвящается медициной лечению того, что порождается нездоровым образом жизни, и что медицина, конечно, не бессильна, но и не всеильна, а потому надежды на то, что медицина «от всего спасет», беспочвенны. В очень оппозиционной аудитории иногда полезно расставить и некоторые житейские акценты: «Да, врачи будут вас лечить и будут стремиться сделать это как можно лучше, — говорим тогда, — но в конечном итоге: кто больше заинтересован в вашем здоровье — вы сами или чужой человек, даже если он врач? Вот сегодня вы слышали, что при беспорядочной половой жизни ваши шансы заболеть малыми венерическими заболеваниями приближаются к 100 %. Вы слышали, что это может привести к гибели вашего ребенка или тяжелым, не поддающимся полному излечению, заболеваниям у него, к бесплодию у вас или супруга. Выслушав это, вы продолжаете менять партнеров, считаете, что все сказанное к вам не относится, хотя вас и предупредили, что это относится ко всем. Имеете ли вы право после этого что-либо требовать от медицины? Подумайте, не надо отвечать мне — ответьте на этот вопрос себе».

Подросткам приходится разъяснять и то, как влияет на здоровье матери и будущего ребенка слишком ранняя беременность. Убедительнее всего не запугивание, а серьезная статистика. В конце 60-х годов в Нью-Йорке, например, из каждой 1000 детей, родившихся у матерей до 15 лет, умирали 43,5, у матерей 15—19 лет—30,5, а в целом по стране—21,9 [Вгаел В., РогБисН Л., 1975]. Риск ранней детской смертности у матерей до 15 лет, таким образом, вдвое, а у матерей 15—19 лет — в полтора раза выше. К 4 годам слабоумие у детей слишком молодых матерей встречается в 4,5 раза чаще, чем в общей популяции, а высокий интеллект — в 5 раз реже [5БаНег О. еl al., 1978]. Цифры такого рода, поданные в расположено-спокойном тоне, без преувеличений и менторства, заставляют задуматься и «примерить проблему к себе».

Разумеется, такие разъяснения не дадут немедленного и абсолютного эффекта. Но каждый задумавшийся подросток — уже результат, тем более, что он становится живым доказательством возможности самоуважения и полноценной жизни без погони за сексуальным опытом ради опыта. Важно только, чтобы сведения и доказательства не абсолютизировались, не оскорбляли чувств подростка, в частности — чувства любви.

Сексуальные проблемы пубертатного периода нередко относят лишь к мальчикам. Между тем, они не в меньшей степени присущи и девочкам. Продолжающаяся демократизация половых ролей и сексуальных установок далеко не всегда может быть верно воспринята и переработана девочкой-подростком. Множество примеров, подтверждающих это, предоставляют крупные города. Порой именно девочки берут на себя активный поиск сексуальных контактов, приближающих их ко «взрослой», «красивой» жизни. Особое внимание должны привлекать группы с повышенным риском подростковой беременности: 1) девочки, начавшие сексуальную жизнь как часть сексуального экспериментирования с ровесником раньше, чем достаточно осведомлены о возможных последствиях половой жизни и могут избежать их, 2) неопытные и пассивные девочки, идущие

на близость под давлением старшего партнера, 3) девочки с эмоциональными проблемами и конфликтами, особенно — в родительской семье, ищущие в половой жизни недостающие им ласку, тепло, эмоциональный комфорт [Регельсрейс М., Паик Р., 1973].

Чрезвычайную, порой паническую, тревогу взрослых до сих пор часто вызывает пубертатная мастурбация. Понятно, что столкновения с ней могут быть для родителей эмоциональным шоком. Запугивания подростков мнимыми дурными и вредными последствиями составляют единственный реальный вред подростковой мастурбации. Достаточно часты обращения за лечением в связи с ней. К этому моменту обычно уже имеется более или менее длительный стаж запугиваний, конфликтов и попыток «лечения». Инициатор обращения обычно — мать, и, как правило, в связи с мастурбацией у мальчиков (за 12 лет работы с детьми-невротиками среди множества обращений к одному из авторов лишь одно было по поводу мастурбации у девочки-подростка). В общем состоянии мальчика обращают на себя внимание расстройства сна, признаки тревожности и сенситивности, нарушения эмоционального контакта с семьей, иногда со сверстниками. Но необязательность их не дает возможности считать это прямым следствием мастурбации, а не конфликта по ее поводу или общеневротических, не связанных с мастурбацией, нарушений. Методика работы, когда врач, выслушав при подростке жалобы матери, тут же назначает лечение, рассчитанное, подобно «каплям от насморка», на прекращение онанизма, скорее патогенна, чем лечебна, так как подтверждает мнимую патологичность явления. При этом и самим фактом назначения лекарств и их неэффективностью психологическое напряжение подростка только усиливается.

Работа с подростком и родителями должна проводиться отдельно. В беседе с подростком (мать в это время может ознакомиться с полученной у врача достаточно хорошего качества брошюрой для мальчиков-подростков, которую затем с ее ведома можно будет передать и самому подростку) необходимо прежде всего преодолеть сложившееся в «войне» с родителями и самим собой его сопротивление, спаянное с чувством стыдности. Желательно, чтобы врач и пациент были одного пола (мальчик может воспринимать женщину-врача аналогично конфликтующей с ним из-за мастурбации матери). Тон беседы должен быть таким, чтобы подросток мог почувствовать, что врач говорит с ним о тех естественных трудностях развития, которые переживали и пережили все теперь уже взрослые мужчины. Подростка беспокоит не столько сама мастурбация, сколько связанный с поражениями в борьбе с ней душевный конфликт. Советы «избегать сексуальных раздражителей» вредны: с одной стороны, чтобы избегать — о них надо постоянно помнить, и это само по себе сексуальный раздражитель, а с другой — круг стимулов, которые могут на фоне пубертатной гиперсексуальности обретать значение сексуальной стимуляции, непредсказуем. Поэтому прежде всего надо попытаться снизить уровень психического напряжения у подростка. Этому способствует уже сам факт неконфликтного обсуждения проблемы с чужим человеком. Полезно разъяснить сложившуюся ситуацию как временный этап развития, который минует тем скорее, чем более человек владеет своими побуждениями (а не побуждения — человеком). Уместно рассказать, что ничего страшного не происходит, и обсуждать не столько факт мастурбации, сколько меру в удовлетворении вполне естественного для возраста побуждения. Требовать прекращения мастурбации бесполезно, это лишь нарушает контакт с подростком, который уже много раз пытался сделать это и не мог. После нескольких таких встреч и бесед подросток обычно сам сообщает об урежении мастурбации. На этом фоне возможно временное затруднение поведения в виде возбудимости, конфликтности, иногда — агрессивности. Но достигнутый к этому времени контакт уже позволяет воспользоваться при необходимости малыми транквилизаторами.

С большим, чем раньше, доверием подросток воспримет теперь и режимногигиенические рекомендации врача. Местные процедуры, приковывающие внимание к половым органам и вынуждающие манипулировать ими, противопоказаны [Иванов Н. В., 1966]. Дальнейшая работа направлена на закрепление эффекта. Параллельно с описанным проводится работа с семьей, в которой необходимо не только снизить эмоциональное напряжение взрослых, побудить их к психологически целесообразному общению с сыном, но и убедительно разъяснить проблему пубертатной мастурбации: как правило, этих мер достаточно. Следствием прекращения или урежения мастурбации могут быть поллюции, к чему мальчика и семью надо подготовить.

Касаясь близко связанной с половым воспитанием антиалкогольной и антитабачной пропаганды, которой посвящена значительная литература, отметим лишь следующее. В ней необходимо учитывать особенности подростковой аудитории. 14—16-летнего подростка едва ли серьезно эмоционально затронут сведения о том, какова старость пьющих и курящих людей, насколько чаще в 40—50 лет умирают от злокачественных опухолей курящие и т. д. Равным образом категорические настояния на том, что, например, 5—10 приемов алкоголя приводят подростка к алкоголизму (хотя это действительно возможно), не произведут впечатления на подростка, так как он знаком не только со столь впечатляющими примерами. В этом смысле показателен вопрос на лекции для подростков: «Вы говорите — алкоголь разрушает человека, и человек выпадает в осадок. А вот наш сосед пьет уже 20 лет — и ничего!». Мы можем обоснованно сомневаться в том, что 20 лет алкоголизации прошли для человека бесследно, но подросток результатов злоупотребления не улавливает и для него слова лектора (или текст брошюры) окажутся неубедительными. Полезно также учитывать, что алкоголь (особенно у подростков) изменяет смысловые сферы личности, а значит и восприятие антиалкогольной пропаганды. Следовательно, запугивание, а особенно — формальное и утрированное (нам приходилось слышать лекции, в которых на основании весьма произвольно строящихся графиков доказывалось, что народ стоит на пороге тотальной алкогольной деградации), не достигает цели. Это не снимает необходимости показывать вред алкоголя и никотина, но делаться это должно корректно, и, главное, убедительно! В рамках стоящих перед обществом задач борьбы с алкоголизмом и курением мало доказательств типа «плохо». Необходимо создание моды на трезвость и неупотребление никотина, противопоставление осуждаемому «плохо» информации о том, что и почему «хорошо». Полезно в этой работе постоянно проводить мысль о том, что в динамике общественного развития нарастает тенденция неприятия вредных привычек, отказа от них — нарастает нетерпимость человека к самоотравлению и к нанесению этим вреда обществу. Такое внедрение моды «не пить и не курить» невозможно без практических мер, требующих инициативы и организации. Так, оживление культуры чайханы в Баку привело к резкому снижению алкоголизации молодежи. Система мер профилактики раннего алкоголизма сформулирована Б. С. Братусем и П. И. Сидоровым (1984): 1) микрорайонно-групповой характер антиалкогольной профилактики и лечебной работы; 2) оздоровление микросоциальной среды и лечение алкоголизма у родителей; 3) коррекция и санирование «биологической почвы»; 4) комплексность и единство медико-социальных мероприятий и нравственного воспитания наркологического подросткового контингента; 5) сочетание корригирующего и компенсирующего влияния в антиалкогольной работе с подростками. Авторы совершенно справедливо подчеркивают, что фронтальное корригирующее воздействие на подростков часто встречает их негативную реакцию, тогда как косвенное и непринужденное компенсирующее влияние способствует формированию антиалкогольных личностных смыслов и установок. Система антиалкогольной и антитабачной

работы должна брать свое начало, как минимум, в младших классах школы [Копыт Н. Я., Сидоров П. И., 1986]. Множество предметов школьного курса дает возможность попутно, косвенно, но поэтому и убедительно показать их вред. Сегодня же школа практически ограничивается малоэффективными декларациями «пить и курить плохо» и изгнаниями курящих из школьных туалетов. Кроме того, вопреки сложившимся стереотипам адресования работы мальчикам, необходим значительный акцент на работе с девочками не только потому, что они включаются в алкоголизацию и курение темпами, вызывающими тревогу, но и потому, что отсутствие у них антиалкогольной и антитабачной установок (или слабость их) может быть серьезным побуждающим и поддерживающим фактором для алкоголизации и курения мужчин (в этой связи показательно рассмотрение проблемы «жена алкоголика» в числе не только причиняемых алкоголизмом страданий, но и этиологических факторов алкоголизма).

Проводящаяся школьная реформа и усиление профессионально-технической подготовки подрастающего поколения ставят вопрос о включении в программы учебных заведений сети профтехобразования курса «Этика и психология семейной жизни». В период подготовки книги эта программа в экспериментальном порядке внедрялась отдельными энтузиастами, подчеркивавшими отсутствие необходимых средств и времени на ее проведение [Клековкин А., 1985]. Сложный психологический мир подростка, оказавшегося в новой для него трудовой среде, в качественно новых отношениях со старшими и взрослыми, блестяще отражен в повести Г. Галаховой «Первый раз прощается». Рядом специальных обследований показано, что подростки в среде старших вовлекаются в разного рода, в том числе — весьма вольные, беседы на сексуальные темы. Около половины подростков проявляет к таким беседам направленный интерес. Кроме того, в условиях производственного контакта подростка со взрослыми создаются сильные предпосылки для преждевременного стирания границ между ними и в сексуальном поведении. Все это ставит задачу разработки курсов полового воспитания и просвещения для учащихся ПТУ и работающих с ними преподавателей и наставников. Необходимость этого отмечалась нами и ранее [Исаев Д. Н., Каган В. Е., 1979].

Половое воспитание подростков до сих пор отмечено изрядной «педагогической робостью», благодаря которой ему недостает реалистического подхода к делу. Однако требовать только от воспитателей ликвидации этой существенной помехи было бы неверно. Сегодня они сами остро нуждаются в квалифицированной подготовке к этой работе. Такая подготовка не может быть сведена к нескольким лекциям на тему сексуального развития и поведения подростков. Она требует снятия эмоциональных барьеров у самих воспитателей, ясного представления у них о том, что половое развитие подростков ни остановить, ни затормозить невозможно и речь, следовательно, идет только о том — кто будет реальным и эффективным воспитателем: случай или те, кто призван воспитывать. Перед врачом возникает, таким образом, задача работы с воспитателями (педагогами и родителями) и представителями детских и молодежных организаций. Наряду с ней существует и другая, не менее важная задача: в условиях, когда педагоги и воспитатели по разным обстоятельствам не могут разъяснить подросткам медицинские (хотя такое определение часто лишь проявление все той же робости) аспекты пола, взять это разъяснение на себя. Наш опыт показывает, что при надлежащей постановке дела подростковая аудитория — одна из самых серьезных, нуждающихся в информации и благодарных аудиторий. Можно, разумеется, делать вид, что 14—16-летние подростки никогда не слышали слова «презерватив». Но полезнее отдавать себе отчет в том, что это не так, и что это, тем не менее, не толкнуло их на путь промискуитета; такой реалистический подход, в свою очередь, поможет

понять, как недостаточны и искажены знания подростков о регуляции рождаемости, и снабдить их к моменту начала самостоятельной жизни надлежащей (и необходимой!) информацией.

В силу отмеченных в начале этого раздела обстоятельств такая работа представляет собой не самую легкую задачу. Вместе с тем, не следует преувеличивать ее трудности. В контексте нравственного воспитания, воспитания всесторонне развитой и подготовленной к жизни личности работа по половому воспитанию и просвещению не только необходима, но и лишается того оттенка непозволительности, который диктуется пережитками репрессивной общечеловеческой и половой морали и двойного стандарта, устаревшими установками, не соответствующими перспективам общественного и культурного развития, задачам семейного строительства.

Глава 7

ПОДГОТОВКА К СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

«Современную семью можно определить как институированную общность, складывающуюся на основе брака и порождаемой им правовой и моральной ответственности супругов за здоровье детей, их воспитание»¹.

Вырастить из ребенка семьянина, т. е. человека, способного к созданию собственной семьи и оптимальному эмоциональному и деловому сотрудничеству в ней,— это относительно самостоятельная задача полового воспитания, не покрываемая общими его целями и не подменяющая его в целом [Исаев Д. Н., Каган В. Е., 1986а]. Подготовка к семейной жизни в структурном плане — одна из главных смысловых осей полового воспитания, а в плане динамическом — его завершающий аккорд, но не средство компенсации его недостаточности или неадекватности. Это не значит, что она должна быть только последним этапом в серии последовательных воспитательных влияний. Как и половое воспитание в целом, она начинается с раннего возраста. Более того, первые представления о половых ролях, об отношениях мужчин и женщин ребенок получает в образах семейного и родительского поведения.

Участие врача в подготовке к семейной жизни предполагает не только знание ее общих медико-психологических аспектов, но и реалистическое представление о современной семье и тенденциях ее развития. Первое помогает оценить воспитательный потенциал семьи и соотнести его с задачами внесемейной подготовки к жизни в семье. Второе — выработать реалистические цели подготовки к семейной жизни, ориентированные не на закрепление устаревших семейных стереотипов и не на навязывание произвольных стандартов семейной жизни, а на строительство семьи нового типа в новых условиях. Сегодня легче сказать, какой мы хотим видеть семью будущего, чем какой она будет. Но тенденции ее развития подсказывают и пути подготовки к ней.

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ

Современная семья нуклеарна, т. е. состоит из родителей и детей. В отличие от многопоколенной разветвленной семьи, она более проста, демократична, мобильна, свободна от регламентирующего влияния старших поколений и, таким образом, более приспособлена к современным условиям жизни. И. С. Го

¹ Харчев А. Г. Исследования семьи: на пороге нового этапа. — Социол. исследования, 1986, № 3, с. 27.

лод считает наиболее радикальным показателем эволюции семьи «исторически сменяемое акцентирование одного из основных семейных отношений: сегодня происходит, условно говоря, движение от родства (отец — сын, кровное родство и т. п.) к свойству (муж — жена)»¹. Он подчеркивает, что структурные изменения семьи происходят в течение столетия, функциональные — с начала XX в., а активизация личностного взаимодействия супругов — лишь в последние несколько десятилетий. Разнородность семейного уклада у населяющих нашу страну народностей ставит вопрос о том, каковы возможные направления развития семьи в будущем: «Будут ли характерны для семьи нуклеарность, значительное число профессионально занятых женщин, т. е. обоюдная карьера, сознательно планируемая малодетность, эгалитарная система власти, относительно высокая разводимость и сложившееся супружество; либо — многопоколенность, незначительная профессиональная вовлеченность женщин, традиционная многодетность, явные следы патриархальности, минимальная разводимость и сформированное супружество?»² Проведенный им анализ показывает, что семья в общих своих контурах эволюционирует в сторону современной городской семьи Центрального и Северо-Западного регионов РСФСР, Прибалтики, Украины и Белоруссии. Исходя из этого, ближайшие перспективы развития семьи представляются так: «Типичная городская семья в самом общем виде представляется как нуклеарная, с профессионально занятыми супругами, с небольшим и, в принципе, регулируемым числом детей, воспитание которых осуществляется как семьей, так и обществом, по преимуществу с эгалитарной системой власти, достаточно систематическими, но в большой мере деловыми контактами с родственниками, при неперменной ориентации всех ее членов на другие социальные институты и на интенсивное общение с друзьями»³.

Итак, семья эволюционирует к супружеской форме, основу ее в возрастающей мере составляют личностно-эмоциональные отношения супругов. Но эта динамика сопряжена и с немалыми трудностями, так как потребности супругов в новых отношениях опережают способности к установлению и поддержанию этих новых и к тому же постоянно корректируемых жизненной практикой отношений. Семейно-брачные установки и ожидания отражают черты футуристической модели брака, а стереотипы реального супружеского поведения во многом исходят из прошлого, «проверенного временем», опыта.

Нуклеарный брак как сформированное или формирующееся супружество предъявляет более сложные требования к личностному взаимодействию членов семьи. Он не преподносится супругам в готовом, улучшенном виде, а задается им как задача, требующая гораздо больших, чем раньше, личностных усилий, готовности и способности к совершению этих усилий. Свобода от регламентации старшими поколениями сопряжена с затруднением получения поддержки с их стороны: новая семья сама торит свои пути, а не следует проторенными. Это касается всех сторон жизни семьи, в том числе — брачной сексуальности и воспитания детей. Снижение брачного возраста в сочетании с возросшей длительностью социального созревания приводит к тому, что усложняющиеся задачи семейного строительства приходятся на менее зрелых (по крайней мере, на начальных этапах брака) в личностно-социальном отношении супругов. Другой стороной этого процесса является значительное «помолодение» старшего поколения: оно представлено высокоактивными профессионально и общественно людьми, для которых семьи их детей не могут стать единственным каналом личностной самореализации.

¹ **Голод С. И.** Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. — Л., 1984, с. 14.

² Там же, с. 15.

³ Там же, с. 15—16.

Складывается ситуация, когда «между учебой, работой в общественном производстве, с одной стороны, рождением и воспитанием детей — с другой, существуют серьезные противоречия, причем в настоящее время они обостряются»¹. За этим настораживающим выводом стоят отнюдь не однозначные явления. Дело в том, что резко повысилась роль и ценность детей в семье. С одной стороны, желанный обоими супругами ребенок делает более прочным и глубоким личностно-эмоциональное взаимодействие супругов. С другой, дети сегодня пользуются значительно большим, чем раньше, числом материальных и духовных благ: на них приходится от четверти до половины семейного бюджета [Панкратова М. Г., цит. по: Голод С. П., 1984]. В демографической перспективе малодетность современной семьи не может не настораживать: для воспроизводства популяции среднее число детей в семье должно быть 2,5— 2,6. В. И. Переведенцев (1982) отмечает как характерную закономерность обратно пропорциональную зависимость между числом детей в семье и количеством разводов, отмечая, что две трети разводов приходится на первые 5 лет супружества, из них половина — на первый год. Если учесть, что это период, требующий от супругов поисков оптимальных путей обеспечения совместимости, психологической адаптации к браку, и что, отмечают социологи, инициатива развода в этот период исходит в $1/2$ — $2/3$ случаев от женщин, то становится ясно, что обусловленность изменений семьи культурно-исторической динамикой общественных отношений не только не исключает, но и предполагает необходимость специальной подготовки подрастающих поколений к жизни в семье.

Итак, современную семью и перспективы ближайшего ее развития отличают нуклеарность, малодетность и нестабильность, нередко приводящие к выводу о том, что семья не справляется со своими социальными функциями [Обозова А. Н., 1984], находится в «кризисе». По нашему мнению, если речь и идет о кризисе, то о «кризисе развития» (с известным правом его можно сравнить с кризисными периодами индивидуального развития — кризис 3и 7-летних, кризисные явления пубертатного периода, кризис 40-летних и проч.), отражающего не «закат» семьи, а прогрессивную динамику преобразований семейно-брачного института в рамках динамики общественного развития в целом.

МЕДИКО ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БРАКА

Отмеченная прогрессивная динамика семьи связана со множеством объективных и субъективных трудностей, потребность в преодолении которых привела к тому, что начиная с конца 60-х и начала 70-х годов, брак и семья стали предметом специального исследования многих дисциплин, в том числе — медицины и медицинской психологии. Понятия о нарушении семейных отношений, как этиологическом факторе неврозов и психосоматических расстройств у детей и взрослых, семейной диагностике, семейной психотерапии, о семейных отношениях как реабилитационном факторе при нервно-психических и соматических расстройствах прочно вошли в повседневный язык медицины. В условиях, когда семья должна не просто воспроизводить самое себя в следующих поколениях, а готовить эти поколения к новым, более прогрессивным семейно-брачным отношениям, возникла чрезвычайно актуальная потребность в личностном, медико-психологическом изучении брака и семьи, в поиске закономерностей, на которые можно было бы опереться как в помощи существующей семье, так и в подготовке детей к семейной жизни. Разумеется, такое

¹ Переведенцев В. И. Воспроизводство населения и семья. Социологические исследования, 1982, № 2, с. 87.

изучение ни в коей мере не подменяет других сторон изучения семьи. Оно касается прежде всего тесно связанных с проблемой здоровья особенностей «психологического инструментария» семейных отношений, ибо даже любящие и доброжелательные люди далеко не всегда умеют выразить и проявить свое отношение к другому человеку (супругу, ребенку) приемлемым, а тем более — оптимальным, для него образом. Стало очевидным, что декларации необходимости «хорошего брака» не заменяют собой научения психогигиене и технике семейно-брачных отношений, без которого слишком часто оказывается, что «благими намерениями вымощена дорога в ад».

Оценка личностных аспектов брака затруднена тем, что они, с одной стороны, очень субъективны, а с другой — фактические стороны брака обретают то или иное значение лишь в личности и личностном взаимодействии. Одну семью объективные трудности мобилизуют и сплачивают так, что порой ликвидация этих трудностей чревата возникновением или обострением личностных и межличностных проблем. Для другой семьи первые же трудности оказываются непереносимыми и приводят к распаду брака.

Одна из новых функций семьи обозначается как терапевтическая, и с ней связывают удовлетворенность браком [Веппагс! Л., цит. по: Семья и общество, 1982]. Выделяют две ее стороны: «поглаживающую» — подобно детям, нуждающимся в ласке и уходе со стороны родителей, каждый из супругов нуждается в психологической, эмоциональной ласке и уходе со стороны другого; «резонатора» — способность супруга вдохновлять другого, помогать ему оценивать свои позиции по тем или иным проблемам, способствовать его самореализации и личностному развитию. Невыполнение супругами этой функции приводит к потребности в психотерапии — от «разрядок» и дружеского общения вне семьи до психологического консультирования и семейной психотерапии. Парадокс конкретной семейной ситуации заключается, однако, в том, что в конфликтной семье каждый из супругов уверен в том, что он «поглаживает» и «резонирует» более чем достаточно, но без взаимности. Это подводит к обсуждению прежде всего совместимости. Если оценивать ее, как это часто делает обыденное сознание, через «сходство» или «несходство», то прежде всего возникает вопрос: сходство (или несходство) чего — характеров, интересов, системы ценностей, предшествующих браку брачных установок, привычек и т. д.? Каков бы ни был ответ на этот вопрос, критерии «сходства — несходства» оказываются то слишком поверхностными, то чересчур размытыми, то, наконец, просто «удобными» объяснениями необъяснимого или объяснимого совсем другими причинами. «Мы так похожи» и «Мы такие разные» — звучит одинаково часто при обсуждении как удачных, так и неудачных браков. Не более информативны и сведения о «хороших» или «плохих» чертах каждого из супругов. Они крайне субъективны и изменчивы во времени. То, что вчера было предметом гордости, сегодня становится поводом для раздражения («Он у меня такой хозяйственный!») или «Она у меня прекрасная актриса» — сегодня, а спустя некоторое время: «Он меня в грош не ставит и делает все сам только затем, чтобы показать, какая я плохая хозяйка» и «Я все-таки женился на тебе, а не на театральной сцене!»).

В значительно большей мере проблему совместимости позволяет понять предложенная С. С. Либихом (1982) модель, исходящая из ролевых свойств и ожиданий супругов. Женщину-мать отличает выраженная потребность помогать, защищать, ободрять, поддерживать, спасать и т. д. Она бессознательно предпочитает общение со слабыми, больными, несостоявшимися, потерпевшими неудачу, что нередко определяет и выбор мужа. Слабость мужчины, его потребность в опеке могут иметь значение сексуально положительных раздражителей, определять предпочтительный тип сексуального взаимодействия.

Женщина-дочь испытывает потребность в протекции со стороны мужчины, в общении с которым могла бы чувствовать себя слабой, «маленькой девочкой», предметом внимания и восхищения. Часто предпочитает партнера старше себя, ценя в нем не столько сексуальную силу, сколько опыт, знания, умения, искушенность в ласках.

Женщина-женщина агрессивного типа насмешлива, иронична, стремится одерживать верх над мужчиной, в поведении и ласках которого ее привлекают зависимость, податливость, подчиненность и приниженная робость.

Для женщины-женщины пассивно-подчиненного типа идеал — сильный, властный, овладевающий ею мужчина.

Мужчина-отец склонен к покровительству, нуждаясь при этом со стороны женщины в признании, восхищении, подчиненности и зависимости, «угадывании» его желаний и потребностей.

Мужчина-сын подчиняем, зависим, нередко инфантилен, нуждается в опеке и сочувствии со стороны женщины, часто — неудачник, может быть капризным, ждет всепрощающего понимания своих слабостей.

Мужчина-мужчина агрессивного типа — представитель «силового», наступательно-доминантного поведения. Он безапелляционен, решителен, может быть груб в повседневном общении и ласках.

Мужчина-мужчина пассивно-подчиненного типа испытывает симпатию и влечение к «сильным женщинам», любит внешние проявления этой силы, некоторой маскулинности в стиле поведения и одежды; он часто зависим, принижен, склонен отдавать инициативу женщине, в том числе и в сексуальном общении. Типы эти не абсолютны, но формируются довольно рано.

Так, 9-летняя девочка в ответ на вопрос о том, будет ли у нее семья, когда она вырастет, и какой будет муж — отвечает: «Тихий и интеллигентный. Спокойный. У меня характер такой: я буду орать, а он терпеть. Мама тоже говорит — какой у тебя муж будет? Как собачка, я его буду на веревочке водить».

Каждый из этих типов сам по себе не «хорош» и не «плох», а может быть оценен лишь по соответствию ролевым ожиданиям партнера (так, ролевое поведение, описанное в только что приведенном высказывании, будет соответствовать ожиданиям мужчины-мужчины пассивно-подчиненного типа, но едва ли ожиданиям, например, мужчины-отца). Это дает возможность с известной долей вероятности прогнозировать гармоничность или конфликтность партнеров. Степень и адекватность «ролевого знакомства» имеет важное значение для успешности брака, подчеркивает С. С. Либих. Отсюда внимание к длительности добрачного знакомства, периода ухаживания. Короткий период ухаживания не обеспечивает достаточного «ролевого знакомства», а слишком длинный (более 1¹ /₂ лет) рискует снизить эмоциональный накал отношений, на первых порах брака в значительной мере обеспечивающий совместимость [Кутеар Д. Я., Тийт Э. А., 1982]. Но длительность добрачного знакомства измеряется не астрономическим, а психологическим временем: одной паре для глубокого знакомства хватает дня, у другой и на весьма поверхностное знакомство уходят годы. Абсолютное и вечное совпадение ролевых типов и ожиданий едва ли автоматически задано на все время брака, который не свободен от стрессов, разницы темпов социального созревания и профессиональной реализации супругов, множества других факторов и обстоятельств, вскрывающих новые особенности ролевого поведения. Решающее значение при этом обретает тип личностного реагирования и преодоления критических ситуаций [Василук Ф. Е., 1984].

Наконец, личностные аспекты брака в той или иной мере, но всегда являются противоречивыми. Они — дирижер брачных отношений, но они и очень чутко реагирующая на брачные отношения структура, причем нередко хрупкая. Поэтому всякие попытки найти некие абсолютные критерии совместности

мости и успешности брака вне конкретной семьи по существу не имеют практического смысла. Среди сексуальных дисгармоний, которые могут дестабилизировать брак, ведущая роль принадлежит функциональным нарушениям [Общая сексопатология, 1977; Частная сексопатология, 1983: Свядош А. М., 1984; Здравомыслов В. И. и др., 1985]. Недостаточная сексуальная культура, игнорирование потребностей и диапазона приемлемости партнера, монотонизация и стереотипизация сексуальной жизни в семье порождают нарушения, которые, по афористичному определению А. И. Белкина: «Импотенция — это болезнь двоих», являются прежде всего результатом нарушенных межличностных отношений супругов.

Особое внимание привлекают медицинские аспекты развода. Развод и здоровье—взаимосвязанные явления [Мацковский М. С., 1982]. У разведенных чаще соматические болезни, алкоголизм, самоубийства, выше смертность от болезней и в 3 раза больше, чем у семейных, подверженность дорожнотранспортным происшествиям. У разведенных мужчин в 7—22, а у разведенных женщин — в 3—8 раз выше, чем у живущих в семье, частота нервнопсихических расстройств. В одних случаях это следствие, в других — одно из условий, но взаимосвязанность развода и здоровья бесспорна.

Дети реагируют на развод родителей в зависимости от возраста. В 3/г—6 лет развод родителей вызывает у них чувство вины и самоуничужения. В 7—8 лет они чаще испытывают обиду и злость, особенно — в адрес отца, а в 10—11 лет чувствуют себя обиженными и заброшенными обоими родителями. Причем на этапе половой гомогенизации, как мы отмечали, реакции мальчиков и девочек различны. Лишь в 13—15 лет переживание распада семьи сочетается с более или менее адекватным пониманием причин развода и своих отношений с родителями. Отсутствие мужского контроля и мужской модели в семье затрудняют личностное и полоролевое развитие ребенка. Это усугубляется тем, что около двух лет после развода женщина обычно чувствует себя подавленной и раздраженной и так или иначе переносит это на общение с ребенком. В распавшихся семьях дети больше, чем в счастливых, но меньше, чем в сохраняющихся конфликтных, подвержены психическим расстройствам.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что, хотя семейное функционирование чрезвычайно многоаспектно, медико-психологические его аспекты в возрастающей мере требуют участия врача не только в разрешении ряда связанных с медициной сторон брака, но и в подготовке к семейной жизни.

СЕМЕЙНЫЕ УСТАНОВКИ МОЛОДЕЖИ

Представления молодежи о браке итжтат опыт прошлого и создают прообраз будущего семьи. Отражая в большей мере желания, чем реальные брачные потенции, они, тем не менее, интересны уже потому, что позволяют уточнить многие стороны подготовки к семейной жизни.

Серьезных исследований в этой области немного. Одно из них выполнено Э. Тийт (1982), и результаты его согласуются с прогнозами развития семейнобрачного института, принадлежащими С. И. Голоду (1984). Девиз «Вступим в брак, так как любим друг друга» постепенно уступает место девизу «Вступим в брак, так как уважаем и любим друг друга». В представлениях об идеальном браке наиболее ценными и предпочитаемыми его свойствами выступают взаимопонимание, уважение, доверие; за ними следуют любовь, нежность, привязанность, которые девушки оценивают выше, чем юноши. Личные качества супругов включают в себя, наряду с общепризнаваемыми честностью, добротой и проч., ряд культурально различающихся черт (интеллигентность или чувство юмора, или традиционные стереотипы маскулинности и фемининности). Рекреа

тивные и прокреативные функции семьи в модели идеального брака преобладают над экономическими. Интересно, что модель идеальной семьи не соответствует прогнозам о симметричной, биархатной семье; женщины, отмечает Э. Тийт, на протяжении нескольких поколений смогли убедиться не только в достоинствах, но и в недостатках симметричной семьи, и их идеал сдвинут чуть назад — к не совсем симметричному, но зато более реалистичному и естественному распределению ролей в семье. Как нам кажется, это расхождение данных Э. Тийт с прогнозами является прежде всего результатом некорректных формулировок прогнозов: симметрия живого всегда не абсолютна, а социально-психологическая симметрия семьи — это не соотношение 1:1, а равные для каждого из супругов возможности личностной (а значит — феминной и маскулинной, т. е. различной) самореализации; здесь уместнее говорить о золотом сечении, чем о золотой середине. Опрошенные девушки хотели иметь мужественного, с сильным характером, более образованного и активного, чем они сами, супруга, высказывая готовность взять на себя основную часть домашних работ. Высокой ценностью в модели идеального брака обладает отдельная жилплощадь, тогда как моральная поддержка старших, зажиточность, происхождение и социальное положение супруга отчетливо снизились в ценности. Хорошие отношения с друзьями оцениваются выше хороших отношений с родителями супруга. Добрачная девственность все больше утрачивает свое ценностное значение, но супружеская верность остается высокой ценностью. К алкоголизации и курению супруга относятся настолько терпимо, насколько они не нарушают отношений в семье.

Для построения воспитательной работы важны не только представления об идеальном браке, но и то — как они формируются. Мы уже приводили данные Т. И. Юферевой (1980) о представлениях старшеклассников о роли мужчины и женщины в семье. В другом исследовании Т. И. Юферева (1982) сравнила представления учащихся 7—8-х классов, воспитывающихся дома и в интернате. Для воспитанников интерната ценность семьи оказалась по понятным причинам повышенной. Это способствует идеализации ими образа семьянина и отношений в семье. Складывающаяся у них идеализированная модель брака расплывчата и не наполнена конкретно-бытовым содержанием. Вместе с тем, у них существует аффективно насыщенный и четкий образ того, какими не должны быть мужчина и женщина в семье. Это порождает конфликтную систему ролевых требований: завышенные идеалы сочетаются с элементарностью требований к реальному поведению. У растущих в семье идеальные представления о мужчине и женщине связаны с внесемейными сферами жизни и не распространяются на семью. Эмоционально-нравственный аспект отношений мужчины и женщины в семье не входит в число эталонных представлений. В отличие от растущих вне семьи, у них страдает идеальный аспект эталонов половых семейных ролей.

Н. И. Толстых (1980) подчеркивает, что выявляемые у старших подростков представления о браке и любви как явлениях тождественных наивноидеализированным и требуют известной коррекции. А. М. Прихожан (1980) обращает внимание на то, что в представлениях учащихся 6—9-х классов о семье доминирует инфантильно-эгоистическая требовательность к супругу при явной недостаточности готовности и желания соответствовать его требованиям.

Обсуждая проблему подготовки к семейной жизни, И. В. Дубровина (1980) подчеркивает, что, наряду с формированием нравственного мира личности и представлений о семейной жизни, необходимо обеспечить и формирование особой системы представлений ребенка о себе как человеке определенного пола, включающих в себя специфические для мальчиков и девочек потребности, мотивы, ценностные ориентации, отношения к представителям другого пола и соответствующие этим образованиям формы поведения. Эта чрезвычайно актуаль

ная необходимость, соответствующая основным задачам полового воспитания, сравнительно недавно стала предметом специального внимания исследователей, выразившегося в изучении формирования представлений о маскулинности — фемининности как одного из условий подготовки к семейной жизни. Ранее мы показывали, что эти две формы знания половых ролей не совпадают: декларируемые знания альтернативно противопоставляют маскулинность и фемининность, тогда как реальные — оперируют этими понятиями как взаимодополняющими. Тот факт, что в ходе подготовки к семейной жизни воспитатели апеллируют к обеим этим формам знания половых ролей, побудил нас к исследованию взаимосвязи семейных и полоролевых ориентаций подростков на уровне реального (установочного) знания.

С этой целью мы обследовали 140 подростков, обучающихся в одной из общеобразовательных школ г. Ленинграда: 41 девочку и 29 мальчиков 13—14 лет (8-й класс) и 23 девушки и 47 юношей в возрасте 16—17 лет (10-й класс). В качестве адекватной поставленным задачам была избрана «косвенная» методика семантического дифференциала. По составленному нами и апробированному в экспериментальной и прикладной (медицинской, спортивной) психологии набору преимущественно коннотативных (70 %) шкал все испытуемые шкалировали понятия «я», «моя мать», «мой отец», связанные с супружеством понятия: девочки — «мой будущий муж» и «я как будущая жена», мальчики — «моя будущая жена» и «я как будущий муж». Кроме того, часть испытуемых (12 девушек и 25 юношей 10-классников и 19 девочек и 15 мальчиков 8-классников) шкалировали понятия «большинство мужчин», «большинство женщин» и понятия, описывающие контрастные черты, в обыденном сознании связываемые с маскулинностью или фемининностью: «властность, подчиняемость, сдержанность, вспыльчивость, уверенность, тревожность, рассудочность, эмоциональность, постоянство, изменчивость, агрессивность, миролюбивость». Рассчитывались показатели по факторам оценки (О), силы (С), активности (А), расстояния между понятиями и коэффициенты корреляции (по принятым формулам), значимость различий определялась по критерию Стьюдента.

Уже показатели О, С, А для связанных с семьей понятий свидетельствуют о дифференцированном восприятии подростками родительских и супружеских ролей. Показатель О, указывающий на отношение, принятие, во всех группах выше для матери, чем для отца. Показатель С, связываемый с волевым компонентом, деловой активностью, доминированием, примерно одинаков во всех группах для отца. Мать по этому показателю получила сравнительно низкую оценку у младших мальчиков и девочек и старших мальчиков, у старших же девочек — практически идентичную с показателем С для отца выраженность. Показатели активности (А), трактуемой как психосемантическое отражение общительности, экстравертированности, во всех группах одинаковы и высоки.

Иные соотношения выступают в психосемантических характеристиках образов будущих супружеских ролей. Рассмотрим их на примере старших групп, где они более дифференцированы. Показатель О у мальчиков выше для будущей жены, чем для себя как будущего мужа, показатель С ярко и показатель А умеренно преобладают в характеристике себя как будущего мужа. У девочек показатель О для будущего мужа и себя как будущей жены практически одинаков; показатель С демонстративно преобладает в характеристике будущего мужа, а показатель А для него лишь незначительно выше. Оценивая эти данные, необходимо отметить высокую степень ролевой согласованности образов будущего супружества, особенно — по психологическим параметрам, характеризующим показателями С и А. В установках мальчиков и девочек будущие супружеские роли характеризуются разными, но не несущими в себе потенциального психологического конфликта соотношениями принятия себя и партнера (фактор О).

Сравнение «я-образов» с образами будущего супружества показывает, что и у мальчиков, и у девочек последнее ассоциируется с более высоким самоуважением (фактор О), несколько большими у девочек, чем у мальчиков, коммуникативными перспективами. Но если у мальчиков образ себя как мужа получает более высокую оценку, то у девочек — примерно такую же оценку по фактору С, как «я-образ». Сопоставление ролей в будущей семье и родительской семье обнаруживает отчетливое их несовпадение и по психосемантическим характеристикам отдельных ролей, и по их соотношению в парах «отец — мать» и «муж — жена». Уже в этих обобщенных данных прослеживается влияние социально-психологического статуса испытуемых на восприятие родительских и супружеских ролей.

Анализ корреляционных плеяд, в отличие от приведенных усредненных показателей учитывающий индивидуальные дисперсии, помогает расширить представления о влиянии образов отца и матери в восприятии подростков на их представления о будущих ролях мужа и жены.

По фактору О плотность корреляционных связей выше в старших группах, особенно между «я-образом» и образами матери и себя как будущего супруга. Во всех группах, кроме младших мальчиков, образ отца «выпадает» из корреляционных связей. Подсистема связей «я — я как будущий супруг — будущий супруг — будущее» оформлена только у девочек; при этом в младшей группе образ себя как будущей жены коррелирует с представлением о будущем и образом мужа, но не коррелирует с «я-образом», который ассоциируется с коррелирующими между собой представлениями о муже и будущем. У старших же девочек образ мужа опосредован коррелирующими между собой «я-образом» и образом себя как жены. У девочек, в отличие от мальчиков, представление о будущем коррелирует в обеих возрастных группах с «я-образом», образом будущего мужа и себя как жены.

По фактору С во все корреляционные плеяды включается отец, что хорошо согласуется с приведенными выше данными показателей по факторам О, С, А. У мальчиков при этом из корреляционных связей «выпадает» образ матери; у младших образ отца коррелирует с образом себя как мужа, а у старших — и с «я-образом». Корреляция представления о будущем с образом будущей жены у младших мальчиков сменяется у старших корреляцией с образом себя как мужа. У младших девочек образы будущих супругов прямо коррелируют с образами родителей, у старших образ мужа коррелирует с образом матери. Представление о будущем у младших девочек коррелирует с «я-образом», образами отца, будущего мужа и себя как жены, у старших — лишь с «я-образом» и образом отца. Обращает внимание уменьшение плотности корреляционных связей у старших девочек. У мальчиков, напротив, она увеличивается, а своего рода «стержнем» связей оказывается диада «я — отец». Плеяды по фактору С ярко демонстрируют уже упоминавшееся влияние социально-психологического статуса испытуемых в семье на сопоставление воспринимаемых родительских и представляемых супружеских ролей. У старших девочек это сопоставление несет в себе некоторое противоречие, обязанное высокому принятию матери по сравнению с отцом при ведущем воспитательном давлении со стороны матери, описываемом сочетанием показателей С и А: будущее ассоциируется с образом отца, тогда как образ мужа — с образом матери.

По фактору А плотность корреляционных связей возрастает во всех группах. Четко прослеживается корреляция «я-образа» с образами матери и себя как жены у девочек, себя как мужа — у мальчиков. Во всех группах образ матери коррелирует с образом себя как супруга и лишь у младших мальчиков — и с образом будущей жены. У девочек обеих групп коррелируют образы отца и будущего мужа. Противоречие это между проекцией образов

матери и отца на супружеские роли носит внешний характер, ибо речь идет лишь о коммуникативном аспекте этих образов, важном и для мальчиков, и для девочек в подростковом возрасте. У младших девочек представление о будущем коррелирует с ассоциирующимися образами отца и будущего мужа, а также с «я-образом» и образом себя как жены, у старших будущее предстает как опосредованное образами матери и будущего мужа производное всех образов в системе их отношений. У мальчиков, напротив, связь будущего с «я-образом» усиливается, а связь с образами супружества становится полностью опосредованной.

Сопоставляя эти данные с данными Т. И. Юферевой (1980, 1982, 1985), можно заключить, что во многих особенностях описываемых ею декларируемых знаний подростков отражается сложная и многоаспектная половозрастная динамика формирования установочных значений, связанных с супружеством. В одних психологических аспектах образы родителей интернализируются как прообразы будущих супружеских ролей, тогда как в других непосредственное их соотнесение затруднено позиционными эффектами отношений «родители — ребенок». Как можно видеть, у мальчиков и девочек формирование семейнорольевых установок во многом различно.

Об особенностях установочных значений маскулинности — фемининности мы судили по расстояниям между обозначающими черты поведения понятиями — с одной стороны и понятиями «большинство мужчин» и «большинство женщин» — с другой, рассматривая величину расстояний в качестве меры приписывания каждой из черт маскулинному и фемининному поведению.

Четкие различия полоролевой атрибуции черт поведения появляются лишь в старших группах. Значит ли это, что младшие испытуемые не дифференцировали поведение по признаку маскулинности — фемининности? Эмпирические данные и данные других наших экспериментов говорят о том, что это не так. Но в данном эксперименте «точкой отсчета» в полоролевой атрибуции черт поведения были образы взрослых («большинство мужчин», «большинство женщин»), а для 13—14-летних подростков мужчины и женщины предстают скорее в образе «взрослых», чем представителей пола.

В старших группах дифференциация черт как маскулинных и фемининных больше выражена у мальчиков, у которых и соотношения в контрастных парах черт оказались в основном соответствующими стереотипам маскулинности — фемининности. У девочек же с такими стереотипами совпала лишь полоролевая атрибуция эмоциональности и миролюбивости. Эти результаты хорошо согласуются с полученными нами при исследовании взрослых свидетельствами того, что в индивидуально-вариативных парах маскулинность — фемининность по тому же перечню черт преобладание маскулинной атрибуции у женщин встречается чаще, чем фемининной — у мужчин. Это переводит вопрос о так называемой «феминизации мужчин» в более широкий план отношений между полами. Эмансипационная демократизация стереотипов мужского и женского поведения связана прежде всего с расширением репертуара женского поведения, включающего в себя черты, ранее воспринимавшиеся как преимущественно мужские. Женщине же, усвоившей мужские стереотипы поведения, мужчина начинает казаться менее маскулинным. То, что это распространяется и на подрастающее поколение, подчеркивает, что предотвращение психологической маскулинизации никак не менее важно, чем феминизации мальчиков, а решение проблемы оптимизации полоролевого воспитания немыслимо вне контекста воспитания отношений между полами.

Представленные данные о «психологических портретах» маскулинности и фемининности в восприятии подростков носят обобщенный характер, но и в таком виде указывают на различную их представленность в восприятии мальчиков и девочек. Эти различающиеся переживания должны сказываться на

оценке маскулинности — фемининности родителей и будущих супружеских образов.

Представляло интерес восприятие подростками семейных ролей через призму маскулинности и фемининности. Для изучения его мы воспользовались корреляционным анализом. Если, например, семантическое расстояние между понятиями «моя мать» и «властность» свидетельствовало о приписывании матери этой черты, то расстояния между понятиями «большинство мужчин» и «властность» — о степени восприятия этой черты как маскулинной, а между понятиями «большинство женщин» и «властность» — как фемининной; сопоставление же коэффициентов корреляции первого расстояния со вторым и первого с третьим указывало на оценку маскулинности и фемининности матери в восприятии подростков изученных групп. Так, были получены данные, представленные в табл. 3; они рассматривались нами как «психологические портреты» маскулинности — фемининности самих испытуемых на момент обследования и существующих у них образов матери, отца, будущего супруга и себя как будущего супруга. Основная масса черт (исключение составили «подчиняемость» и «изменчивость») оказалась достаточно информативной в интересовавшем нас плане.

В младших группах «портреты» лишь в самом общем виде совпадали со стереотипами маскулинности — фемининности, будучи в значительной мере размытыми и амбивалентными по полу, особенно — у девочек. Усредненные коэффициенты корреляции по всему перечню черт достигали уровня значимости и у мальчиков, и у девочек лишь в оценке маскулинности отца и собственной маскулинности и фемининности как будущих супругов. Судя по достоверности различия средних коэффициентов корреляции (критерий Стьюдента) вне зависимости от уровня их значимости маскулинная и фемининная атрибуция черт достоверно различалась в «портретах» отца, себя как будущего мужа и в настоящем — у мальчиков, себя как будущей жены — у девочек.

У старших мальчиков и девочек «психологические портреты» более дифференцированы, а степень амбивалентности маскулинной и фемининной атрибуции значительно меньше. «Я-образ» мальчиков определенно маскулинен, а девочек — фемининен. О степени этой определенности можно судить не только по атрибуции отдельных черт, но и по тому, что средние коэффициенты корреляции маскулинной у мальчиков и фемининной у девочек атрибуции достигали значимого уровня.

В восприятии мальчиков мать психологически более фемининна, хотя, по ряду черт, и маскулинна. В восприятии девочек фемининность матери представлена не столько ее совпадением со стереотипами фемининности (положительные корреляции), сколько несовпадением со стереотипами маскулинности (отрицательные корреляции). Понять эти различия можно с учетом разного влияния высокой воспитательной активности матери на восприятие ее полоролевых характеристик сыном и дочерью.

«Портрет» отца в восприятии мальчиков высокодостоверно маскулинен. В восприятии девочек он оказался фемининным, отражая, разумеется, не реальные качества отца, а восприятие дочерью отцовской протекции.

«Портрет» будущей жены у мальчиков по всем показателям ярко фемининен, а свой портрет как будущего мужа — столь же ярко маскулинен. В «автопортретах» девочек как будущих жен, как и в их восприятии матери, отрицание маскулинности преобладает над утверждением фемининности. «Портрет» же будущего мужа в восприятии девочек более фемининен, чем маскулинен. Это очень расходится с декларируемым идеалом будущего мужа как «мужественного мужчины», но хорошо согласуется с «портретом» отца, корреляцией образов отца и будущего мужа по фактору А и указывает не на желанную фемининность будущего мужа, а на семейно-ролевые ожидания заботы, опеки,

Т а б л и ц а 3

Коэффициенты корреляции расстояний «объект — черта» и «большинство мужчин (БМ), женщин (БЖ) — черта»

Объект — черта	БМ, БЖ — черта									
	Мальчики (10-й класс)									
	Я сам		Моя мать		Мой отец		Моя будущая жена		Я как будущий муж	
	БМ	БЖ	БМ	БЖ	БМ	БЖ	БМ	БЖ	БМ	БЖ
Властность	1*	Т		1	Т		3	т		
Подчиняемость	3	Т	2	2	3	1	2	3	3	Т
Сдержанность	3	—	1	Т	3	—	—	3	3	—
Вспыльчивость	2	—	—	Т	—	—	1	1	3	—
Уверенность	1	—	—	2	3	—	—	т	2	—
Тревожность	3	—	2	3	—	1	1	2	—	—
Рассудочность	2	—	Т	Т	3	—	—	1	2	—
Эмоциональность	—	—	—	3	1	Т	—	т	—	—
Постоянство	3	—	—	Т	3	—	1	2	3	—
Изменчивость	3	т	1	3	1	1	Т	3	3	т
Агрессивность	—	—	—	1	—	—	—	2	—	—
Миролюбивость	3	—	3	—	3	—	—	1	3	—
Средние коэффициенты корреляции	0,52	0,19	0,27	0,41	0,58	0,18	0,33	0,50	0,54	0,10
Значимость Р	2	—	—	1	2	—	Т	2	2	—
	<0,001				<0,001		<0,05		<0,001	

* Уровни значимости: 1 — $p < 0,05$; 2 — $p < 0,01$; 3 — $p < 0,001$; Т — близкие к 1-му уровню значимости.

Продолжение

Объект — черта	БМ, БЖ — черта									
	Мальчики (8-й класс)									
	Я сам		Моя мать		Мой отец		Моя будущая жена		Я как будущий муж	
	БМ	БЖ	БМ	БЖ	БМ	БЖ	БМ	БЖ	БМ	БЖ
Властность	1		Т	Т	1		2	т	3	
Подчиняемость	2	Т	2	3	3	2	3	3	3	2
Сдержанность	1	—	—	—	1	—	—	1	2	—
Вспыльчивость	Т	—	—	—	Т	—	—	—	—	—
Уверенность	—	—	—	—	2	Т	Т	1	т	—
Тревожность	—	—	—	—	2	—	—	—	1	—
Рассудочность	—	—	—	—	—	—	1	—	2	—
Эмоциональность	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—
Постоянство	—	—	—	—	3	—	Т	—	2	—
Изменчивость	2	2	Т	2	3	2	Т	2	2	3
Агрессивность	Т	1	—	1	2	—	т	3	1	1
Миролюбивость	—	—	—	1	Т	1	—	—	Т	—
Средние коэффициенты корреляции	0,37	0,10	0,21	0,38	0,60	0,32	0,42	0,46	0,59	0,33
Значимость Р	—	—	—	—	1	—	Т	Т	1	—
	<0,05				<0,01				<0,05	123

Продолжение табл. 3

Объект черты	БМ, БЖ — черта									
	Девочки (10-й класс)									
	Я сама		Моя мать		Мой отец		Мой будущий муж		Я как будущая жена	
	БМ	БЖ	БМ	БЖ	БМ	БЖ	БМ	БЖ	БМ	БЖ
Властность			— Т					Т		
Подчиняемость	—	3	—	3	—	1	—	3	—	3
Сдержанность	—	Т	—	—	—	—	—	—	—	Т
Вспыльчивость	—	1	— Т	—	—	—	—	—	—	—
Уверенность	—	1	Т	—	—	—	— Т	—	—	Т
Тревожность	— Т	2	—3	1	—	1	—	—	— 1	2
Рассудочность	Т	1	—	—	—	Т	—	—	— 1	—
Эмоциональность	Т	—	— Т	—	—	—	— Т	—	— Т	—
Постоянство	Т	Т	—	—	—	—	—	—	—	—
Изменчивость	—	3	—	3	—	1	—	1	—	3
Агрессивность	—	2	—	Т	—	—	—	—	—	1
Миролюбивость	Т	Т	— 1	—	—	—	—	—	—	—
Средние коэффициенты корреляции	0,21	0,59	-0,32	0,30	0	-0,12	0,24	-0,25	0,28	

Продолжение

Объект — черта	БМ, БЖ — черта									
	Девочки (8-й класс)									
	Я сама		Моя мать		Мой отец		Мой будущий муж		Я как будущая жена	
	БМ	БЖ	Б. V I	БЖ	БМ	БЖ	БМ	БЖ	БМ	БЖ
Властность		2		2	1	Т				Т
Подчиняемость	3	2	3	3	3	3	2	2	3	3
Сдержанность	Т	2	—	—	Т	Т	—	2	—	2
Вспыльчивость	1	1	1	3	2	2	—	—	2	2
Уверенность	1	1	1	—	1	2	—	—	—	2
Тревожность	—	—	Т	2	2	1	—	Т	Т	Т
Рассудочность	—	—	Т	2	2	1	—	2	—	1
Эмоциональность	1	—	1	—	3	Т	3	Т	1	2
Постоянство	—	Т	—	—	—	—	—	—	—	Т
Изменчивость	Т	Т	—	—	1	—	—	—	—	Т
Агрессивность	—	—	—	—	3	—	—	1	—	Т
Миролюбивость	2	—	1	—	3	—	1	—	—	—
Средние коэффициенты корреляции	0,39	0,42	0,35	0,40	0,59	0,44	0,28	0,38	0,28	0,50

Взаимности, понимания и проч. Здесь позиционные эффекты затегают значение собственно полоролевых характеристик, скрывая в себе потенциально конфликтные возможности.

Прямое сопоставление семейной полоролевых установок и их взаимовлияний с паспортным возрастом было бы наивным. Но если иметь в виду динамику психологического и социального созревания подростков, то нельзя

не отметить дифференцированности и реалистичности изучавшихся установок и их взаимодействия с возрастом. Кажется существенным, что ряд особенностей у старших мальчиков и младших подростков, в том числе — девочек, обнаруживает черты сходства. Это, в частности, касается и отмеченной низкой дискриминантной способности таких черт, как «подчиняемость» и «изменчивость». Здесь, видимо, сказывается разница темпов психологического созревания в динамике мужского и женского пубертата.

Таким образом, и у мальчиков, и у девочек «психологические портреты» маскулинности и фемининности участников будущего брака и родителей достаточно хорошо согласуются в целом и на уровне их предпосылок. В установках мальчиков муж и жена, подобно отцу и матери, контрастны: он — маскулинен, она — фемининна. В установках девочек муж и жена, подобно отцу и матери, скорее фемининны, чем маскулинны. Кажется очевидным, что эти несходные у мальчиков и девочек установки способствуют различному восприятию мальчиками и девочками одних и тех же сведений, преподносимых, например, в курсе «Этика и психология семейной жизни». Является ли это несходство артефактом недостаточного полового воспитания? Если и да, то лишь отчасти. При поисках ответа на этот вопрос необходима осмотрительность, ибо из теорий диморфизма и половых ролей следует, что женский пол онтогенетически более пластичен и восприимчив к социальным, средовым влияниям и ему свойствен эмоциональный стиль поведения в противовес мужскому — инструментальнопредметному стилю. С учетом этого в отмеченном несходстве можно усмотреть и определенную закономерность, требующую учета при построении воспитательной работы, а не непререкаемой фронтальной коррекционной «атаки», чреватой конфликтом семейной полоролевой установок.

Представленные данные об установочном аспекте восприятия психологии пола и представлений о супружестве должны помочь в построении дифференцированной по полу и возрасту подготовки к семейной жизни и полоролевого воспитания как взаимосвязанных и взаимообуславливающих процессов.

Не только факт жизни детей вне семьи или в семье, но и качество семьи влияет на судьбу браков. Когда прародители супругов не развелись и не бросали семью, соотношение разводов и браков составляет 1:6,8; когда развелись прародители одного из супругов — 1:4,2; когда развелись прародители обоих супругов 1:2,6 [цит. по: Харчев А. Г., 1979]. Лица, выросшие в полной семье, разводятся реже, чем в неполной [Кутсар Д. Я., Тийт Э. А., 1980]. Опросы старшеклассников, проведенные Ю. Сярг и А. Тавит (1982), показали, что благоприятное влияние семьи определяют теплые отношения и взаимопонимание между членами семьи, отсутствие родительских конфликтов и ссор, постоянное участие обоих родителей в решении важных семейных вопросов, проведение досуга всей семьей, строгий порядок в отношении всех членов семьи, активное общение семьи с друзьями и знакомыми, отсутствие алкоголизации родителей, доброжелательное и понимающее отношение родителей к детям.

При бесспорной важности этих данных их не следует переоценивать и догматизировать. Те или иные семейные установки и идеалы — результат не просто действия на ребенка среды, а взаимодействия его со средой. Система ценностей ребенка — всегда зеркало системы ценностей родителей, но зеркало это, пользуясь принятым в психотерапии термином, может быть не только положительным (копирование), но и отрицательным, когда жизненные идеалы и ценности формируются как антипод родительских. Кроме того, реальная судьба брака определяется не психологической готовностью одного, а готовностью и мерой ее согласованности обоих супругов. Все это подчеркивает, что подготовка к семейной жизни не может быть сведена к формально-упрощенному декларированию семейных ценностей и созданию готовых «рецептов» такой подготовки.

МЕДИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

В них мы будем исходить из того, что подготовка к семейной жизни — это не предоставление информации о том, какой надлежит быть семье, а формирование супружеских и родительских ролей/идентичностей. Вводя эти понятия, мы показывали, что супружеские и родительские роли/идентичности являются специфическими и относительно самостоятельными аспектами связанного с полом поведения, не совпадая полностью с половыми и сексуальными ролями/идентичностями [Исаев Д. Н., Каган В. Е., 1986а]. Схематически это показано на рис. 8.

В отношении дошкольников и младших школьников родители часто придерживаются тактики «бесполого воспитания» и не учитывают половые различия в проектах личности детей; дифференцированный подход, различный у отцов и матерей, возникает лишь в подростковом возрасте. Показавшая это Н. Ф. Федотова (1984) считает, что недооценка половых различий входит в число причин неподготовленности молодых людей к семейной жизни. Этот вывод справедлив в приложении к половому воспитанию в тесном смысле слова. Подготовка же к семейной жизни разворачивается, особенно на ранних этапах жизни, и в социализации.

Супружеская и родительская социализация начинается на 2-м году жизни, когда ребенок в семейном общении воспринимает первые образцы маскулинности и фемининности. Супружеское и родительское поведение матери и отца остается еще в тени, не осознается ребенком, но именно они оказываются в роли проводников половых ролей. В 2—3 года, когда ребенок знает свой пол и начинает соотносить «свое «я» с представлениями о людях своего и другого пола, в ролевых играх он осуществляет маскулинное и фемининное поведение как прежде всего супружеское и родительское (социосексуальные игры в «папу — маму», «дочки — матери» и др.). В этих играх отражается формирование первого, простейшего уровня семейных установок, которые соответствуют общим стереотипам семьи. Уже в этих играх мальчики выполняют роли, связанные с выходом за пределы семьи и возвращением в нее (охота, война, работа и т. д.), а девочки — связанные с домом роли; мальчики более эксцентричны и инструментальны в этих играх, а девочки — более концентричны и эмоциональны.

Здесь вновь возникает вопрос: являются эти игры реализацией врожденных программ или результатом социального научения? И вновь приходится констатировать, что такой альтернативный подход к оценке причин поведения неудовлетворителен. Влияния социализации и обучения тем более эффективны, чем больше они отвечают психофизиологическим возможностям и потребностям конкретного ребенка. Игрушки сами по себе не бывают женскими или мужскими, но они сигнализируют ребенку о возможных способах оперирования с ними. Отвергается не игрушка, а стиль игры. Девочка будет пеленать, кормить, мыть, укладывать спать своих кукол, а не будь их — другие игрушки: один из психологов наблюдал, как лишенная «женских» игрушек девочка заботливо и нежно пеленала и баюкала... грузовик. Мальчик же, оказавшись перед куклами, скорее попытается использовать их в качестве «солдатиков», «охотников» и т. д. Воспитательные меры в этом возрасте связаны прежде всего с недирективной организацией ролевых игр, с косвенным обучением — например, через сказки. Думается, что осуждающие замечания взрослых типа: «Как тебе не стыдно играть в войну — ты же девочка» или «Ты же мальчик! Ну, что ты все с куклами?» в принципе неуместны и потому, что не учитывают стиля игры (а это главное), и потому, что могут быть адресованы андрогинному, по терминологии 5. Вет (1974), ребенку и в этом случае будут вызывать лишь активное сопротивление либо способствовать ролевому конфликту.

Рис. 8. Схема соотношения половых (1), сексуальных (2), супружеских (3) и родительских (4) ролей и идентичностей.

В 3—5 лет в подобных детских играх уже нетрудно проследить имитацию жизни собственной семьи или других виденных семей. Девочка уже не просто укачивает куклу, но делает это, точно копируя свою мать. Эти игровые перевоплощения — один из сильных путей формирования супружеских и родительских ролей. Основной механизм этого формирования — идентификация и имитация. Ребенок идентифицирует себя с родителем своего пола и имитирует его поведение в случаях, когда родитель холоден, груб, несправедлив, жесток.

[Г— "ГМ'
I Г'

Ц-

Приведем запись беседы с девочкой 6 лет, живущей с такой матерью.

- Когда ты будешь взрослой, у тебя будет семья?
- Да.
- А дети будут?
- Не будут.
- А почему?
- А ну их... С ними одни хлопоты!
- Ну, а если все-таки будут, как ты будешь их воспитывать? Как мама тебя или как-нибудь по-другому?
- Как мама.
- Почему?
- А чтоб боялись.

Другой ребенок — мальчик 5½ лет, живущий в семье с гиперсоциальными, тревожными и испытывающими трудности в принятии решений родителями, рассказывает, что, когда вырастет, он женится, но сначала поживет с «ней» — посмотрит, что она умеет и подходят ли они друг другу, а уж потом женится и будет за ней ухаживать.

Это выглядело бы вызывающей лишь улыбку детской наивностью, если бы многие взрослые в своей семье не воспроизводили «почерка» родительской семьи. Одни возводят это в принцип воспитания: «Нас пороли, и мы выросли людьми!». У других это становится предметом внутренней борьбы: «Я со страхом ловлю себя на том, — говорит взрослый мужчина, — что при неприятных, мучительных воспоминаниях о жестокости отца я вдруг начинаю вести себя с сыном, как он когда-то со мной». Эти глубокие неосознаваемые или психологически конфликтно осознаваемые идентификационные установки при всей трудности их коррекции должны все же контролироваться взрослыми, чтобы не быть вновь воспроизведенными у детей. В известной мере обретаемые в этом возрасте установки зависят и от структуры характера ребенка.

В этом же возрасте — 3—5 лет — дети просят у родителей брата или сестру, бывают трогательно ласковы и заботливы с младшими. Появление еще одного ребенка в семье обычно не сопровождается детской ревностью. Не в каждой семье в это время появляется второй ребенок. Но существенную важность приобретает реакция родителей на детские просьбы — осуждающая, отталкивающая, запрещающая или мягко объясняющая. Иногда родители пытаются пойти обходным, заместительным путем обзаведения домашними животными. В таком случае лучше, если это будут котята, щенки, а не взрослые собаки или кошки. Это возраст интенсивной закладки основ чадолюбия. Для его

формирования небезразличны, как мы уже показывали, и способы разъяснения происхождения детей — в них не должно быть места пугающей или «грязной» информации и они должны сигнализировать ребенку о том, что родительство — счастливое и необходимое человеку явление.

Младший школьник уже пытается разбираться в семейной ситуации, понимать и оценивать позиции родителей, вырабатывать собственные. При конфликтах с родителем уже может появляться осознаваемое желание «быть не таким». В периоде половой гомогенизации порой можно наблюдать, что, в то время, как один ребенок сближается с родителем своего пола, другой ищет близости со взрослым своего пола вне семьи. Это серьезный сигнал для родителей, указывающий на их небольшие воспитательные потенции в будущем. Едва ли можно вывести некий универсальный алгоритм взаимодействия семейных и внесемейных влияний на формирование семейных установок в этом возрасте. И все же, чем меньше ребенок эмоционально удовлетворен ситуацией в родительской семье, тем он, по-видимому, больше воспринимает внесемейные образцы — и тогда многое зависит от того, каковы эти образцы. В этом возрасте возможны и внутренние конфликтные коллизии, когда существующая ситуация определяет желания, расходящиеся с ранее полученными и выработанными установками.

Подростковый возраст ставит перед воспитателями усложняющиеся задачи. Эмансипационные тенденции, высокая критичность подростка делают его строгим судьей отношений в родительской семье. Реальность часто воспринимается через призму собственной, склонной к идеализации, романтической влюбленности. Полученные и сформулированные в более младшем возрасте установки могут входить в конфликт со складывающимся у подростка новым видением мира. Известная трудность состоит в том, что взрослые нередко склонны внутренне отождествлять подростковую влюбленность и приводящую к браку любовь; порой они в этом отождествлении «угадывают», но, как правило, оно создает трудности и для подростка, и для взрослых. Для подростка — потому, что он еще не готов к этому: влюбленность и собственная семья для него столь же близки, сколько далеки друг от друга. Для взрослых — потому, что они видят в отношениях подростка то, чего внутренне опасаются. В итоге складывается противоречивая система отношений, требующая от родителей усилий, часто — немалых, чтобы принять уменьшающие напряжение позиции.

Представления подростков о семейной жизни, как показано выше, также весьма незрелы и контрастны: идеал и реальность, общие стандарты семейной жизни и индивидуальные установки нелегко примирить и взрослому человеку. Подросток же нуждается в тактичной и эффективной помощи, которая сегодня (при хорошей постановке дела) в значительной мере обеспечивается курсом «Этика и психология семейной жизни», особенно, если в него вводятся элементы ролевой игры-тренинга [Пискунова Т., 1983]. Очень важно, чтобы в групповых дискуссиях, ролевых играх подросток имел право «на глупость», т. е. мог вести себя и высказывать свое мнение, не опасаясь осуждающих реакций воспитателей: дело не в том, чтобы осудить (это проще всего, хотя подросток часто вправе спросить: «А судьи кто?»), а в том, чтобы формировать такие навыки индивидуального преломления всеобщих и непреходящих ценностей, которые не противоречили бы ни этим ценностям, ни индивидуальным потребностям и особенностям. В этом отношении заслуживают внимания некоторые упрощеннопрямые штампы массового сознания, переносимые на воспитательную работу. Так, девочка, воспитанная пожилым и ласковым отцом, может представлять себе идеального брачного партнера старше себя, но считать это дурным или противоестественным из-за не имеющих к ней отношения осуждений таких браков, как, якобы, преследующих материальную выгоду.

Представление о начале подготовки к семейной жизни лишь в подростковом возрасте, как мы попытались показать, не соответствует действительному

положению вещей. Уже на самых ранних этапах развития ребенка возникает задача координации усилий семейного и общественного воспитания в этой важной области.

Такая координация предполагает не только предоставление детям необходимой информации и желаемых ролевых образцов, но и выработку соответствующих навыков отношения к людям и проблемам, навыков поведения, прежде всего бытовых. «Любовная лодка» слишком часто разбивается о неумение практически решать и разделять семейные заботы и проблемы. Чем раньше такие навыки выработаны, тем более они автоматизированы и тем меньше требуют усилий во взрослой жизни. Задачи этого рода теснейшим образом смыкаются с трудовым воспитанием в семье.

Раскрывающийся в новое время перед взрослыми мир детства, сверхценность единственного ребенка («Если у родителей один ребенок, они, судя по всему, сами впадают в детство, продолжая играть с ним, как с куклой, до тех пор, пока он не откупится собственным родительским вкладом»¹), связь планов на будущее не с навыками практической жизни, а с поиском путей развития реальной или мнимой одаренности — все это приводит к тому, что многие дети живут вне быта семьи, не знакомы с ним. Дети как бы инкапсулированы в детстве, вынужденная беззаботность которого рискует оказаться «золотой клеткой» и к тому же — клеткой конфликтной. Ограждая ребенка от быта и обеспечивая его всем необходимым (по мнению взрослых, часто не совпадающим с потребностями ребенка), родители так или иначе ждут его благодарности, выражающейся в помощи, как раз которой они его и не научили. Порождаемые при этом назидания, порицания, наказания наталкиваются на реакцию протеста ребенка. Когда же вчерашнее «дитя» оказывается в собственной семье, оно поражает своей беспомощностью в элементарных ситуациях.

Молодые супруги часто ждут друг от друга взятия на себя роли родителя, но сделать это ни один, ни другой не может. Может показаться, что мы сгущаем краски, но мы лишь буквально воспроизводим предпосылки распада многих семей.

Было бы наивным призывать сегодня к реанимации традиции «повторяющихся обществ» с их полным растворением жизни детей в жизни взрослых. Все же нельзя не согласиться с тем, что детство — не только прелюдия к взрослости, но и подготовка к ней, а подготовка не запоздалые декларации о пользе труда, но сам труд. В современных условиях особую, на наш взгляд, остроту обретает вопрос о необходимости перехода от научения детей чему-то для их будущей жизни к научению самой жизни. Оно не может быть успешным, когда в семье не каждый для всех и все для каждого, а все — для ребенка.

Возможности такого обучения навыкам семейной жизни по существу безграничны. Ребенок тянется ко взрослой жизни и нуждается в том, чтобы ему помогали чувствовать себя «большим», а не внушали, что он «еще маленький». Даже маленькие дети могут не только кормить своих кукол, но и накрывать вместе со взрослыми на стол (максимальный риск при этом — разбитые чашки или тарелка и несколько минут дополнительного времени, да и то лишь в первых попытках); не ждать взрослого у входа в магазин и не идти в магазин «за конфетой», а совершать все необходимые покупки вместе со взрослым (может быть, и покупку конфет); не просто гордиться починенной папой игрушкой или сшитым мамой платьем, а делать это вместе с ними. Взрослые умиляются тем, как девочка «серьезно» играет в куклы, но не находят времени или не видят нужды показать, как правильно пеленать, купать, кормить куклу-малыша, привлечь к реальной и полноценной помощи в уходе за младшими братом или сестрой. Знают ли дети,¹ готовящие в детском саду подарок маме или папе

¹ Распутин В. Век живи — век люби. — Роман-газета, № 17 (999), 1984, с. 1—2.

к празднику (трудовое воспитание!), что делают их родители на работе, каковы их домашние заботы? Часто ли воспитатель предложит детям игры на «домашние сюжеты»: «Ты — дочка. Ты — мама. Ты — папа. И вот папа приходит с работы — он устал...», «Завтра воскресенье, и вся семья поедет в лес. А сегодня суббота. Сегодня в доме уборка...», «Утро. Все просыпаются. Ты — дочка: тебе надо в школу. Ты — сын: тебе надо в детский сад. Ты — папа, а ты — мама: вам надо на работу. И вот вы встаете...». Так ли часто вообще семья занята той же уборкой в доме? Чаше звучит: «Ты пойдешь погуляй — я буду убираться» — и к приходу ребенка его уголок или комната сияют чистотой. Надо ли удивляться тому, что несколько таких «уроков» приводят к тому, что мать убирает комнату ребенка и скандалит с ним из-за того, что он не делает это сам: потребуется немало времени, чтобы разрушить ассоциации уборки с отрицательными эмоциями.

Широкие, но пока не реализуемые возможности подготовки к семейной жизни открываются с началом школьного обучения. На уроках математики дети делят конфеты, яблоки, мячики, километры, тонны, часы, но практически никогда (мы не нашли таких задач в учебниках для младших классов) не планируют бюджет семьи, средства на летний отдых, покупку необходимых вещей, не рассчитывают необходимых для ремонта квартиры затрат и материалов и т. д. Они пишут сочинения на тему «Как я провел лето», а не «Как моя семья провела лето». Когда в старших классах начинается подготовка к семейной жизни, она уже не может восполнить упущенное и дает много сведений, но не дает навыков. Все это ставит серьезные задачи перед составителями школьных программ.

Но было бы неверно думать, что существующие программы не дают возможности учителю подготовить детей к семейной жизни. Много здесь зависит от самого педагога, от его желания и умения говорить об этом, найти материал для разговора в рамках предмета. Вот, например, тема сочинения: «Как ждать ребенка» по роману Л. Н. Толстого «Война и мир», предлагаемая учителем Е. Н. Ильиным, умеющим при обсуждении «Вишневого сада» А. П. Чехова поставить вопрос о любви к матери, а говоря с учениками об «Отцах и детях» И. С. Тургенева — найти возможность поставить вопрос так: «...может, и впрямь до любви надо доживать? Может, та любовь, с которой начинается брачный союз, лишь начало подлинно настоящей, до которой нужно вырасти и которая приходит как награда за терпеливо и умно... прожитые годы?»¹. Кажется нелишним заметить, что в опыте такого учителя есть многое из того, что полезно было бы почерпнуть и врачу, участвующему в подготовке к семейной жизни; врач, призванный быть консультантом и воспитателем воспитателей, должен и может брать уроки воспитания у воспитателей. Для этого есть самые серьезные основания: медико-психологические аспекты брака вне его нравственного, гуманистического контекста рискуют обернуться самодовлеющей «техникой брака», «инструментом ради инструмента». При всей нужности такого «инструмента» он все же не более чем инструмент, и всегда важно — в какие руки он попадает, какой цели будет служить.

Подготовка к семейной жизни ставит и задачу формирования мотивации брака, и ожиданий к нему. Предлагаемые подрастающему поколению их стереотипы, лейтмотив которых исчерпывается двумя словами — «любовь» и «счастье», поверхностны даже в сравнении с реальными установками молодежи. Выделяя пять основных типов мотивации брака: любовь, духовная близость, материальный расчет, психологическая адекватность и моральные соображения, С. И. Голод справедливо подчеркивает: «В научной литературе, как ни странно, утвердился стереотип, идеализирующий массовую распространенность брака по

¹ Ильин Е. Н. Искусство общения.— М., 1982, с. 52.

любви. Не утруждая себя сколько-нибудь серьезной теоретической аргументацией, тщательно не отработывая опросный инструментарий, некоторые авторы монографий и статей выдают субъективно желаемое за реальность. Тем самым они вольно или невольно травмируют психику определенного числа людей, способствуя возникновению ятрогенного эффекта..., когда в массовое сознание внедряется (не только публицистической, но и научной литературой) мысль о чуть ли не всеобщем вступлении в брак по любви, то человек (особенно женщина), не испытавший такого чувства, считает себя в лучшем случае неудачником, живя в ожидании прихода большой страсти»¹. Но даже брак по любви отождествляется с раз и навсегда данным счастьем. Вступление в брак воспринимается как вступление в «семейный рай», хотя удачнее было бы сравнить его со вступлением на строительную площадку, на которой придется создавать семью. В этой идеализации, создающей сверхожидания к браку, косвенно сказывается редукция счастья к исключительно и постоянно положительным эмоциям. В прекрасной фразе: «Человек создан для счастья, как птица для полета» обычно воспринимается и запечатлевается лишь первая половина. Но начинается самостоятельная жизнь, и обнаруживается, что цена счастья — тяжелый труд полета. Далеко не каждый молодой человек может адекватно воспринять это открытие вообще, и в семейной жизни в частности. Оптимизм, воспитываемый через сокрытие противоречивости и сложности жизни, оборачивается мощным стрессом при столкновении с ней. В курсе «Этика и психология семейной жизни» заложены немалые возможности избегания такого «розового оптимизма», чреватого невротическими, психосоматическими, сексуальными расстройствами. Тенденция части воспитателей показывать, как должно быть, а не как есть — дети это и так видят — очень обедняет подготовку к жизни в семье. Как раз анализ (не только вербальный, но и в ролевом тренинге) того, что, как и почему есть (может быть, бывает), и помогает прийти к тому, что и как должно быть.

В тесной связи с психологией индивидуальности находится вопрос о том, что такое любовь? Смысл этого понятия очень различается у разных людей. Но, с точки зрения психогигиены и медицинской психологии, заслуживает внимания выделение Л. Я. Гозманом (1981) двух моделей любви. «Пессимистическая» модель подчеркивает момент зависимости от любимого человека и связь любви с отрицательными эмоциями (страх утраты любимого или его любви). Эта любовь тревожна и зависима, она тормозит личностное развитие, а в крайних случаях может быть симптомом личностной патологии; она может придавать браку тревожно-невротическую окраску. Супружеское сотрудничество переводится тогда в псевдосотрудничество, соперничество или изоляцию [Мишина Т. М., 1978]. «Оптимистическая» модель исходит из независимости от любимого человека при положительной на него установке. Эта модель характеризуется снятием тревожности, психологическим комфортом и создает условия для личностного прогресса супругов. «Выбор» той или иной модели не полностью произволен (многое задается типом характера, предшествующим воспитанием и т. д.), но очевидно, что это не лишает воспитателей всех возможностей оптимизации модели любви. Видимо, особо в этом нуждаются подростки и молодые люди с отчетливыми чертами тревожности в структуре характера.

Ожидания в отношении любимого человека более управляемы. Вызывают настороженность ожидания, формулируемые как в известной песне: «Если я тебя придумала — стань таким, как я хочу». Это опоэтизированное неуважение к другой личности, ее индивидуальности отражает одну из граней «пес

¹ Голод С. И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. — Л., 1984, с. 25—26.

симистической» модели, порождает множество конфликтов и драм, вынуждает исследователей и публицистов разделять мучительные думы неудачливых супругов, так и не могущих понять — почему так изменился любимый человек сразу после вступления в брак? Конечно, любовь открывает в человеке качества, скрытые от глаз нелюбящего человека, а когда страстная любовь входит в более размеренный ритм семейной жизни, это открытие может быть и не столь ярким, и не постоянным. Однако тактичное и убедительное привитие молодежи уважения к личности любимого человека, принятия ее, а не перекройка «на свой вкус» имеет важное психогигиеническое и воспитательное значение. В этой связи старые философы точно замечали, что любить — это значит принимать другого как себя, таким, каков он есть, и всячески способствовать его личностному развитию как своему собственному.

Особый раздел подготовки к семейной жизни — воспитание чадолубия. В работах В. В. Бойко (1980, 1985) показано, что оно является индикатором стратегии репродуктивного поведения и определяется во многом неосознаваемыми установками, которые при расхождении с декларируемыми мнениями могут приводить к расхождению желаемого и реального числа детей. Этим же автором предпринята одна из немногих известных нам в отечественной литературе попыток рассмотрения не только содержания, но и мотивационной основы, психологической тактики и стратегии демографической пропаганды. Им сформулированы также принципы поведения демографической пропаганды, которые могут быть использованы при построении соответствующих разделов школьного курса подготовки к семейной жизни: поэтапность, подкрепление стимулируемого образца, избирательное воздействие, мотивация, комплексность, чадолубие, престиж среднедетной семьи, взаимопомощь поколений, поддержка молодой семьи, повышение культуры семейных отношений и др. Формулируя эти принципы, В. В. Бойко справедливо замечает, что только выявлять их — мало: надо создавать условия для воздействия на семью и личность, а в этом плане многое еще предстоит сделать. Особое значение обретает воспитание у девочек адекватных установок материнства, ибо «... самой важной для судеб страны и социализма формой творческого труда женщин является труд материнства»¹. Мы пытались показать, что, наряду с созданием условий, целесообразно полнее использовать те условия, которые создаются детством, для подготовки к семейной жизни — ответственному супружеству и родительству. Одно из психогигиенических требований к такой подготовке состоит в целесообразности избегания потенциально травмирующих установок, например, оценки бездетного брака как явления «патологического», «ненормального», на что, последовательно и убедительно аргументируя свое мнение, указывает С. И. Голод (1984).

Магистральная задача подготовки к семейной жизни заключается в поэтапной помощи подрастающему поколению в формировании супружеских и родительских ролей/идентичностей, в научении выявлять, ставить и ответственно решать совместно с другими членами семьи связанные с семейной жизнью задачи и проблемы так, чтобы нравственно-этическое содержание принимаемых решений реализовалось психогигиенически оптимальными, т. е. адаптивными и обогащающими себя и других путями.

¹ Харчев А. Г. Исследования семьи: на пороге нового этапа. — Социол. исследования, 1986, № 3, с. 33.

Глава 8

ОСОБЫЕ СИТУАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ПОЛОВОГО ВОСПИТАНИЯ

Половое воспитание достаточно часто ставит родителей перед уникальными для них вопросами и задачами, которые не являются в традиционном смысле медицинскими, но адресуются врачу или медицинскому психологу. В предшествующих главах мы попытались показать, что врач и психолог могут достаточно успешно участвовать в решении семьей этих уникальных для нее, но типовых для специалиста задач. Вместе с тем в процессе полового воспитания могут возникать ситуации особого рода, по отношению к которым в существующей культуре — общей и медицинской — не существует пока единых подходов и решений. Эти ситуации, кроме того, как правило, безотлагательны, а потому разрешение их или, по крайней мере, попытки облегчить такое разрешение становятся обязанностью того специалиста, к которому обратились за помощью. Врач и медицинский психолог не составляют в этом плане исключения. Иногда такие ситуации более или менее прямо связаны с позицией самого консультанта и должны стать предметом его внутренней работы. С известной долей условности особые ситуации полового воспитания можно разделить на несколько групп: 1. Побочные эффекты воспитательных и медицинских мер. 2. Развращение и насилие. 3. Беременность и аборт. 4. Этические конфликты. Их рассмотрению и посвящено дальнейшее изложение.

ПОБОЧНЫЕ ЭФФЕКТЫ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ И МЕДИЦИНСКИХ МЕР

Эти эффекты, естественно, не планируются воспитателями и врачами, но могут возникать там, где задачи полового воспитания игнорируются либо по тем или иным, порой объективным, причинам оттесняются на задний план. Они могут выражаться в реакциях невротического типа у детей и подростков, в ненамеренной сексуальной стимуляции, а также в большей или меньшей мере исказить психосексуальное формирование.

Значительные трудности могут быть связаны с общесоматическими заболеваниями. Астения, длительная прикованность к постели, физические страдания, ограничение общения, отрыв от семьи при госпитализации могут оказаться условиями, способствующими фиксации на телесных, в том числе — сексуальных ощущениях и переживаниях. Отрицательные эмоции и связанное с ними аффективное напряжение заставляют ребенка искать удовлетворение и разрядку в приятных телесных ощущениях. При этом воспитатели нередко теряются: серьезные дисциплинарные меры неприемлемы, а уговоры и увещания, даже если они доходят до сознания страдающего ребенка, могут не возыметь действия.

Девочка, 12 лет, страдала тяжелым заболеванием почек и мочевыводящих путей с длительными болезненными задержками мочеиспускания, многие месяцы проводила в стационарах. За время болезни у нее появилось стремление к телесному контакту¹ с мальчиками — обнимала их, нередко раздевала. Некоторое значение в этом имели и локализация страдания, и этап полового созревания. Но главным условием расторможенности влечения было длительное снижение настроения, связанное с переживанием болезни и болезненными ощущениями, с «психологическим госпитализмом»; расторможение влечений, в свою очередь, обеспечивало положительные эмоции, конкурирующие с переживаниями болезни.

Врач должен объяснить воспитателям и родителям необходимость не только физического ухода за ребенком, но и мер по формированию у него психологи-

ческой защиты. Преодоление одиночества, контакты со сверстниками, занятость, чувство своей социальной ценности, посильные физические нагрузки с приносимой ими «мышечной радостью» позволяют уменьшить вероятность подобных ситуаций.

В детских учреждениях интернатного типа или с круглосуточным пребыванием ребенка такие меры необходимы и по отношению к здоровым детям, так как систематическая депривация может создавать принципиально такие же, как соматические страдания, условия для сексуальной стимуляции. Они, как правило, усиливаются благодаря взаимному индуцированию в условиях группы. Дети с проявлениями сексуальности находятся под надзором воспитателей — их пытаются отвлекать играми и физическими упражнениями, стыдят, наказывают, сообщают родителям. Такая тактика неэффективна и не соответствует требованиям и принципам полового воспитания. Нередко она приводит лишь к усилению сексуальных проявлений. Слишком строгое, а тем более жестокое, обращение с ребенком, уличенным в онанизме или сексуальных играх, приводит к реакциям пассивного или активного протеста, усилению сексуальных проявлений, переживаниям непонятной для ребенка вины. Вопросы подобного рода следует решать чрезвычайно деликатно, не делая их достоянием других детей, широкого круга родителей. Выведение ребенка из коллектива уместно лишь при твердой уверенности в индуцирующей других детей избыточности или патологичности сексуальных проявлений.

Особого внимания врача заслуживают сравнительно недавно введенные гинекологические осмотры школьниц, часто встречающие их сопротивление, поддерживаемое или стимулированное семьей. Истоки его достаточно понятны, но врач должен уметь организовать подготовительную работу так, чтобы снять возникающее сопротивление. Для этого прежде всего он должен быть сам глубоко убежден в необходимости и целесообразности таких осмотров, ибо в противном случае он неосознанно стимулирует формальное или негативное отношение к осмотру. Тактику, при которой школьницам просто сообщают, что завтра состоится осмотр, к которому они должны определенным образом подготовиться, следует признать глубоко ошибочной. Именно при такой тактике порождается ситуация скрытого или явного саботирования осмотра. Работа должна строиться в три этапа. На первом проводится беседа с педагогическим коллективом школы, которому подробно и мотивированно разъясняется смысл осмотра. На втором врач дает эти разъяснения родителям девочек, а педагоги разъясняют организационные стороны проведения осмотра, совместно с врачом принимают меры по убеждению матерей, у которых возникают сомнения. И лишь затем педагоги после разъяснений цели осмотра извещают девочек о сроках и порядке его проведения. Опыт показывает, что при такой подготовительной работе отказы от осмотра единичны. Она требует от врача некоторых усилий и времени, но цель осмотра — генеративное благополучие подрастающего поколения — полностью оправдывает эти затраты. Кроме того, правильно подготовленный и проведенный осмотр оптимизирует и общую установку девочек в отношении охраны своего гинекологического здоровья.

Некоторые воспитатели эксплуатируют связанную с полом стыдливость детей, их маскулинное или фемининное достоинство как средство управления, полагая это «педагогическим» приемом. Мы наблюдали мальчика 8 лет с тревожно-астеническим состоянием, развившимся после того, как учительница на уроке физкультуры поставила его за шалость нагишом среди спор-

¹ По данным наших опросов, в дошкольных детских учреждениях для здоровых детей зарегистрирован интерес ко всему «неприличному» (10%), подглядывание за обнажением (18%), обнажение (6%), онанизм (10%); среди воспитанников интерната от 9 до 14 лет — онанизм (18%), подглядывание (14%), садистически окрашенное поведение (18%). У тех и других широко распространены условно сексуальные проявления.

тивного зала. При обращении (спустя полгода после инцидента), встречаясь с новыми людьми, как мы могли наблюдать на приеме, он автоматически прикрывал ладонями половые органы. В другом случае девочке-пятикласснице, не ответившей на вопрос, учительница заявила при классе: «Ты такая глупая, что, когда вырастешь, хоть голая на улицу встань — ни один мужчина на тебя не посмотрит». Примеры такого типа не нуждаются в комментариях, а свидетельствуют о профессиональной непригодности воспитателя.

Возникающие в семье трудности обычно связаны с неподготовленностью родителей к этому типу заботы о ребенке. Традиционное игнорирование полового воспитания в семье приводит к тому, что из поколения в поколение не накапливается его позитивный опыт. Молодым родителям трудно получить адекватный совет у старших, многие из которых считают, что половое воспитание излишне или вредно, что до сих пор люди прекрасно обходились и без этого. Такая позиция имеет свои глубокие психологические корни в виде переоценки собственного жизненного опыта, невозможности гибко менять сложившиеся моральные и сексуальные установки, руководства лишь «здоровым смыслом». От молодых родителей требуется немало инициативы, терпения, такта и достоинства, чтобы, не создавая конфликтных ситуаций, проявить должную настойчивость и проводить в жизнь правильную точку зрения.

Неопытные, односторонне воспринявшие идеи полового воспитания родители нередко делают акцент на анатомо-физиологической его стороне, переоценивают роль полового просвещения, упуская из виду нравственный контекст, в котором должно разворачиваться половое воспитание. Им может казаться, что все новое, о чем они услышали, непременно должно быть внедрено в быт их семьи. Так, услышав о нежелательности полного запрета на обнажение или, например, о болгарском опыте создания пляжей, где взрослые и дети проводят время обнаженными, они могут начать мыться вместе с достаточно большими уже детьми, раньше не сталкивавшимися с обнаженным телом других людей. Но возникающее у них самих эмоциональное напряжение, вполне понятное избыточное любопытство детей к признакам пола родителей приводят лишь к сексуальной стимуляции. Что естественно для одной семьи, может оказаться невозможным для другой, и родители должны действовать в пределах своих возможностей. Части родителей чрезвычайно трудно преодолеть эмоциональные барьеры, возникающие при попытках объяснить собственным детям даже самые простые вещи, касающиеся пола. Особенно велики эти трудности, когда дети достигают школьного возраста. Дело не в том, кто информирует детей, а в том, чтобы они были своевременно и правильно информированы, и, когда родителям трудно это сделать, информацию должны предоставить воспитатели детских учреждений, педагоги. Чехословацкий психолог Владимир Главенка обратил наше внимание на то, что эти затруднения родителей могут быть отголосками древних табу на кровосмешение; но даже если они вызваны просто недостаточной подготовленностью родителей или их нежеланием, они должны приниматься во внимание. Врач, консультирующий семью или проводящий просветительную работу, должен принимать родителей такими, какие они есть, и помогать им, а не навязывать чуждый для них стиль поведения. В конечном итоге, главное, что они должны дать детям,— это своевременную и правильную информацию, способствующую отношению к полу как к естественной, красивой и требующей уважения к ее интимности стороне жизни. Пути достижения этой цели могут очень различаться в разных семьях, и первая задача врача — помочь семье на избранном ею пути; лишь эта помощь может лечь в основу последующей мягкой и ненавязчивой коррекции существующих в семье тех или иных подходов к половому воспитанию детей.

Другие, наоборот, сводят все половое воспитание к его нравственно-этическим аспектам и всячески затушевывают телесные характеристики пола.

Для них существуют не мальчики и девочки, а бесполое товарищи, школьники, ученики, что затрудняет правильное психосексуальное развитие. Одни дети в большей или меньшей мере принимают навязываемые им «бесполое» установки, мешающие в дальнейшей жизни. Другие в пубертатном периоде ломают плотины рестриктивного воспитания, совершая весьма рискованные шаги в отношениях и вынося из них либо убежденность во вседозволенности, либо травмирующий опыт несостоятельности.

Крайне неблагоприятное влияние оказывает искажение нормальных образцов родительского поведения. Дело не только в невротизации детей, но и в возможности деформации установок маскулинности — фемининности. Сложилась своеобразная традиция сводить разговор о таких искажениях к проблемам плохого отца — пьяницы, дебошира, злостного неплательщика алиментов и т. д. Образ этот тщательно изучен на всех уровнях — от сатирического до научного. Плохие отцы продолжают существовать, закрывать на это глаза нельзя. Но нельзя и сводить проблему только к отцам, тем более, что в ходе демократизации половых ролей участие отцов в воспитании детей очень выросло. Изменилось и материнство. Сегодня мать — не только мать и хозяйка. Это занятая на работе наравне с мужчиной женщина, стремящаяся к самореализации не только в супружестве и материнстве, многогранная и развивающаяся личность. За всем этим порой оказывается на заднем плане традиционно понимаемая фемининность. Свойственный же некоторым женщинам «эмансипационный экстремизм» может ставить их в конфликтную позицию не только по отношению к отцу ребенка (детей), но и к самим детям. Маскулинные авторитарность, доминантность, рассудочность, демонстрируемые матерью, могут нарушать ее психологический контакт с сыном и демонстрировать дочери (а на девочек, как ранее отмечалось, средовые факторы оказывают более глубокое влияние) маскулинизирующие ее образцы отношения к жизни и поведения.

Для одних женщин полоролевая рассогласованность сопряжена с внутренним конфликтом и они могут нуждаться в психологической или психотерапевтической помощи.

У других дурно понимаемая демократизация половых ролей становится принципом жизни и воспитания собственных детей; в таких случаях помощь семье может оказаться нелегким делом.

Известные трудности в половом воспитании создает и неполная семья, особенно на самых ранних этапах жизни ребенка, когда идет интенсивная половая социализация, освоение половых ролей и идентичностей. Как правило, речь идет об отсутствии маскулинного эталона. Однако формальный анализ ситуации, сводящий все только к физическому отсутствию отца, не достигает цели. Ранее мы показывали [Исаев Д. Н., Каган В. Е., 1986а], что не менее, а часто и более важно психологическое присутствие отца в семье. Отец может быть эффективным воспитателем, присутствуя в доме «незримым третьим». Ключевое значение имеет то, как мать преподносит ребенку образ отца. Понятно, что идеализация неуважаемого человека может быть очень трудна для женщины. Но и развенчание образа отца в глазах ребенка, сведение его «к нулю» нецелесообразно. В случаях, когда нам удавалось убедить женщину в этом и в доме появлялся портрет отца, мы неоднократно наблюдали разительные изменения поведения и мальчиков, и девочек (в возрасте от 3 до 5 лет), ранее производившего впечатление биологически деформированного.

Появление в семье отчима или мачехи может вызвать у ребенка, уже пережившего распад семьи, дополнительное эмоциональное напряжение. Если с «новым родителем» не устанавливаются должные отношения, а это зависит не только от каждого в отдельности, возможны реакции протеста, оппозиции, ухода, которые могут толкнуть ребенка к любым лицам, проявляющим искреннюю или показную расположенность.

Необычный психологический климат может создаваться в семьях, где есть душевнобольные. Неправильная оценка реальности, бредовое мышление могут резко затруднять воспитание детей. Болезненные мысли родителей или родственников, касающиеся сексуальности, могут приводить ребенка на грань совращения или болезни.

Однако и вне каких-либо чрезвычайных обстоятельств ребенок так или иначе может подвергаться сексуальной стимуляции. Она исходит из разговоров взрослых, порой слишком откровенного флирта, анекдотов, бытовой информации, специальной и массовой литературы, случайных наблюдений и проч.— прогнозировать все эти ситуации не представляется возможным. Не все такие влияния воспринимаются детьми и тем более не все становятся реальной сексуальной стимуляцией. Они могут быть ею, если ребенок не иммунизирован против нежелательного толкования вопросов пола, если они опережают или подменяют половое воспитание, если в семье или с воспитателями обсуждение всего, что интересует и волнует ребенка, невозможно, и, таким образом, он лишен необходимой помощи и коррекции. Обмен сведениями в группах спонтанного досуга, в школе со сверстниками и т. д. является по существу взаимной дезинформацией. Длительное сохранение таких влияний, как правило, небезразлично для психосексуального развития.

Даже внимательные к сексуальным сторонам воспитания взрослые не всегда улавливают связь многих своих действий с сексуальной стимуляцией ребенка. К ним, в частности, относятся некоторые физические наказания и клизмы. Битье по ягодицам, особенно по обнаженным и в некоторых позах ребенка (лежащего на животе, находящегося в коленно-локтевом положении или на спине с поднятыми ногами), может вызывать сексуально приятные, иногда — оргастические ощущения, эрекции и т. д. Сексуальной стимуляции способствует и чередование битья с ласками («бью и жалею» — говорят одни, «побьешь, но ведь потом жалко» — говорят другие и целуют ребенка, прижимают его к себе). У части детей, испытавших сексуально положительные переживания и ощущения при наказании, средством последующего самоутешения может становиться мастурбация. У некоторых ассоциация физической боли или унижения с сексуальными реакциями может стать отправным пунктом формирования мазохистических наклонностей. Некоторые дети прямо провоцируют физические наказания, чтобы еще раз испытать достигнутое, пусть даже такой ценой, «приятное».

Некоторые педиатры полагают, что клизмы — повторные и реже единичные — у детей 3—7 лет могут вызывать сексуальные ощущения. Это касается прежде всего тех случаев, когда постановка клизмы производится интенсивно, активно и резко. У одних детей сексуальные ощущения при этом вызывают чувство вины, других побуждают к задержке дефекации, вызывающей сходные с клизмой ощущения или вынуждающие к ее постановке. Сексуальная окраска этих лечебных манипуляций усиливается и у детей, теми или иными путями ранее подвергавшихся сексуальной стимуляции. Мы не говорим уже о том, что при постановке клизмы возникают переживания стыда, так направленно формируемые у детей самими же взрослыми, а мать, выполняющая эту одновременно неприятную и приятную процедуру, может вызывать у ребенка напряженное или враждебное отношение.

Тягостные переживания и тяжелые субъективные ситуации возникают у детей и подростков с анатомической интерсексуальностью: не мальчики среди мальчиков и не девочки среди девочек, они требуют и особого деонтологического подхода, и адекватной своевременной помощи. В ее построении следует исходить не только из биологических возможностей (лекарственных и оперативных), но и из уже сформированной половой идентичности. Чрезвычайно серьезные душевные противоречия возникают при рассогласовании детерминант пола,

в частности при направлении развития в сторону транссексуальности, когда ребенок, переживая себя субъектом одного пола, воспитывается по типу другого, соответствующего паспортному, пола. Внутренний конфликт особо обостряется, начиная с 5—6 лет, когда восприятие себя и воспитанная идентификация входят в глубокое противоречие. Один из наших пациентов, мальчик 8 лет, знал, что будет мужчиной, строил маскулинные планы на будущее, но чувствовал себя девочкой, предпочитал бы быть в будущем женщиной, в сновидениях видел себя девушкой, за которой ухаживает молодой человек. Коллизии такого рода не могут быть разрешены силами воспитателя или педиатра. Они требуют квалифицированной медицинской и психологической помощи.

Сказанное не исчерпывает всего спектра трудностей и помех, которые могут возникать в ходе реализации мер по половому воспитанию. Более подробно они рассматривались нами ранее [Исаев Д. Н., Каган В. Е., 1986а]. Здесь же уместно напомнить об обстоятельстве, указанном в свое время А. Кемпинским (1975) в несколько иной связи. Число возможных комбинаций существующих трудностей складывается в разноструктурные и по-разному влияющие на психосексуальную дифференциацию комплексы. Поскольку число факторов, влияющих на нее, представлено более чем двумя, то число таких комплексов резко возрастает (например, при наличии всего пяти факторов — генетический, органические влияния, общение со сверстниками, воспитание взрослыми, медицинские процедуры — оно составит 120). Это должно предостерегать врача и воспитателей от упований на успех узко локальных мер и напоминать о необходимости осуществления полового воспитания как широкого, многофакторного, целостного и в итоге — системного процесса, лишь в адекватном контексте которого обретают значение отдельные меры.

РАЗВРАЩЕНИЕ И НАСИЛИЕ

Диапазон направленных непосредственно на ребенка сексуальных стимуляций весьма широк — от кокетливого заигрывания до попыток инцестуозного поведения, от замаскированного или неосознаваемого эротизма до прямых искушений или провокаций на улице, в собственном доме. Частоту таких случаев не следует переоценивать, но каждый из них заслуживает внимания. Знаки обольщающего внимания вызывают у ребенка противоречивый комплекс переживаний: они льстят, возбуждают, приятны, но они же беспокоят, могут тревожить и угнетать. Разрешить это противоречие ребенку трудно: он не может ни отреагировать, ни ослабить, ни — тем более — реализовать возникающее эмоциональное и сексуальное напряжение. Чувственно-эротические стимуляции не соответствуют актуальным потребностям ребенка, он не готов к этой стороне жизни и оказывается перед риском преждевременного стимулирования сексуального поведения. Напряжение нарастает по мере того, как стимулирующий взрослый то одаривает ребенка своим вниманием, то отказывает в нем и удовлетворении новых, им же стимулированных потребностей. Обсуждение таких коллизий внутренне невозможно для ребенка, к тому же возможности его нередко ограничиваются взрослыми. Все это особенно касается девочек уже с дошкольного возраста.

Взрослые не всегда отдают себе отчет в значении своего поведения для детей. Стремление матери привязать к себе сына, отнюдь не связанное с сексуальной стимуляцией, порождает ситуацию, когда, боясь «перерезки эмоциональной пуповины» между собой и ребенком, она невольно подавляет в нем черты маскулинности. Некоторые специалисты прямо ставят вопрос о совращающих и даже инцестуозных матерях. Терминология представляется избыточной, но стоящие за ней явления нуждаются во внимании. Чаще всего это матери, проживающие вдвоем с сыном. Они либо ведут весьма свободную

жизнь, либо имеют одного-двух «друзей», но дети при этом оказываются вовлеченными во все перипетии их жизни. Многие из таких женщин эмоционально нестабильны, алкоголизируются. Они постоянно проявляют к детям чувственно окрашенное внимание: много обнимают, целуют, излишне внимательны к соблюдению детьми генитальной гигиены и проявлениям у них полового развития, не исключается тесный телесный контакт (например, совместный сон), склонны слишком настойчиво предостерегать от опасностей соращения и чересчур детально знакомить детей с такими ситуациями. Они могут вести себя с мальчиком, у которого уже пробуждается сексуальность, как будто он еще «не понимает» — раздеваться и переодеваться при нем, недостаточно контролировать свои позы и жесты. Некоторые позволяют сыновьям помогать им в переодевании, вольно или невольно побуждают их к телесным ласкам (например, груди), порой используя их как средство «утешения» чем-то расстроенного сына. До генитальных контактов это не доходит, но сочетание стимуляции с невозможностью ее разрядки может ввергать мальчика в состояние хронической фрустрации. Матери же понять этот внутренний конфликт не могут, как и критически отнестись к собственному поведению, порицая сына или жалуясь другим на его «испорченность». Мальчики воспринимают это довольно болезненно, равно как и такие высказывания, как «мой маленький любовник». Контакт с матерью — этим единственным близким человеком — расстраивается или оказывается под угрозой расстройства. Мрачность, угрюмость, недоверчивость, иногда пассивность, нередко сосуществуют у таких детей со вспышками сексуально окрашенного поведения, которые нередко выражаются в социально нежелательных или конфликтных формах. Подобная ненамеренная, неосознаваемая матерью и ребенком, трудно выявляемая и анализируемая сексуальная стимуляция ставит воспитателей ребенка и врачей перед нелегкими задачами поиска адекватных и эффективных мер коррекции.

Ненамеренную сексуальную стимуляцию можно обнаружить и в некоторых семьях (вполне благополучных, с достаточным уровнем культуры), где родители из благих побуждений стремятся во что бы то ни стало освоить ультрасовременное, но чуждое им самим отношение к полу. Следуя подобного рода «прогрессивным рецептам», они могут стараться демонстрировать свою наготу, привлекать внимание к ней. Это часто приводит к нарастанию внутреннего напряжения с более или менее явной сексуально-эротической окраской и у них, и у ребенка. У детей в зависимости от пола, характера, этапа полового развития и т. д. это может разрядиться либо в инфантильном поведении, либо в сексуально агрессивных действиях.

В населении, а часто и среди врачей существует ошибочное мнение о связи развращения детей с brutальным поведением развратителя, обусловленное, видимо, тем, что менее драматические случаи не привлекают особого внимания или попросту остаются неизвестными, они не оставляют и глубоких следов в памяти. Примерно четверть женщин в детстве сталкивались с развратителями [Beise H., 1973], но лишь у четверти-трети из них, по данным А. Ктзеу (1953), развращающие действия распространялись до генитальных игр или коитальных попыток. Лишь одна из 4000 развращаемых становилась объектом brutальных действий. Обычно попытки соблазнения и развращения адресованы девочкам, чаще в возрасте 10—12 лет; случаи соращения мальчиков менее изучены.

Чаще всего такие попытки исходят, как полагают, не от душевнобольных, стариков и импотентов, а от людей, испытывающих сексуальные трудности из-за ограниченной или неадекватной коммуникативности. Это обычно подростки, мужчины в возрасте около 30 лет, пожилые. Не соответствует действительности и мнение, что соращают чужие: из 100 совратителей более половины — члены семьи, родственники или близкие друзья семьи [Moйг Л. е1. а!., 1964],

имеющие возможности постоянного и не вызывающего настороженности тесного общения с ребенком.

Подобные действия без физического принуждения обычно связаны не только с инициативой развратителя, но и с уже разбуженной чувственностью ребенка или с бессознательной «инициативой» (или с похожим на нее поведением) самого ребенка. Некоторые психомоторно нестабильные, акцентуированные или аномальные девочки получают своеобразное удовольствие от смущения чувствительных мужчин при их сексуально окрашенном поведении. Они как бы провоцируют взрослого, что иногда является невротическим вызовом родителям или адресованным другим лицам протестным поведением. При любых «авансах» ребенка ответственность за развитие событий лежит на взрослом, не имеющем ни морального, ни юридического права воспользоваться таким поведением ребенка.

Реакция ребенка на попытки совращения может быть разной. Это зависит от его эмоциональных особенностей, ситуации в семье, позиций взрослых. Иногда переживания возникают задним числом — при столкновении с реакциями взрослых на другие случаи развращения. Иногда беспокойство ребенка вызывается не столько самой попыткой развращения, сколько, например, опасениями из-за опоздания возвращения домой. Откровенно обнаженная сексуальность может вызвать довольно тяжелые психогенные реакции.

Инцестуозные отношения отцов с дочерьми весьма редки, но вероятность их повышена в семьях, где родители психопатизированы, примитивны, алкоголизируются. В период раскрытия инцеста у девочек могут возникать острые невротические и даже психотические реакции. Болезненные переживания усиливаются и распадом дома, связанным с арестом или изгнанием отца. В случаях раскрытия инцеста лучше не оставлять девочку в непосредственном контакте с отцом, а при резко конфликтной ситуации в доме полезнее помещение на время в хорошее учреждение интернатного типа или к родственникам матери. Этому может при необходимости предшествовать амбулаторная и стационарная помощь в связи с психическими реакциями и расстройствами. Желательно в этот период наблюдение опытных врача-психиатра или психолога. Возможная медикаментозная помощь (по реальным показаниям, а не «на всякий случай») включает в себя сочетание транквилизаторов с мягкими антидепрессантами.

Попытки насилия над детьми (чаще это девочки 6—11 лет, но иногда и мальчики) — событие исключительное, но всегда требующее внимания врача. Физическая травматизация ребенка связана с генитальными манипуляциями, сопутствующей или сексуально самоценной агрессивностью садистического типа, перверсными тенденциями. Обнаруженная после насилия девочка находится обычно в состоянии реактивного возбуждения, иногда — ступора, вызванных внезапностью и жестокостью случившегося (сексуальный характер происшествия осознается меньше). После нескольких часов успокоения могут развиваться повторные реакции истерического или истериформного типа: рыдания, попытки прятаться или убежать, панические реакции на попытки помощи. Путаное изложение ребенком случившегося естественно и не означает, что он лжет или фантазирует, впоследствии рассказы пережившего насилия еще менее информативны, а информацию можно получить лишь при умелом и деликатном расспросе.

Ребенка лучше держать в спокойной обстановке, и, если мать своими переживаниями и реакциями не возбуждает его, то предпочтительно с ней. Необходим тщательный физический осмотр, так как серьезные физические повреждения могут не бросаться в глаза. Достоверное отсутствие каких-либо следов насилия, особенно при слабых или неубедительных реакциях жертвы, дает основание для обсуждения возможности вымысла или оговора. Наличие же генитальных травм может быть признаком не только генитогенитального

контакта, но и следствием только подготовки к нему или попыток. В связи с возможностью заражения венерическими заболеваниями необходимо обследование, профилактическая обработка гениталий, введение антибиотиков.

Пострадавшего ребенка следует по возможности скорее и без госпитализации вернуть в русло его обычной жизни. Вначале не следует надолго оставлять ребенка одного, но как только преодолены реакции и переживания страха, нужно расширять свободный режим, стремясь приблизить его к обычному. Врач должен рекомендовать и помочь матери подготовить ребенка к встрече с детьми, соседями, научить отвечать на вопросы, говоря, например, что на нее пытались напасть, но она убежала или закричала и нападавший убежал, либо что родители запретили говорить ей об этом. В случаях серьезного потрясения с долгим сохранением реактивных переживаний, широкой осведомленности о случившемся соседей и знакомых можно рекомендовать сменить место жительства. Для нормализации состояния ребенка очень важна и позиция родителей. Они должны быть очень сдержаны и осторожны в надзоре за ребенком, не высказывать подозрений в его адрес, не «застрывать» надолго на случившемся и не обсуждать это постоянно и с использованием осуждающих и эмоциональных выражений. Это может вызывать у ребенка, особенно при наличии в его поведении с насильником элемента некоторой собственной вольности, чувства тревоги и вины. То же касается и детей, которые при насилии пережили не только страх, но и смутные приятные ощущения и эмоции. Сказанное не означает неуместности объяснений вообще, но они должны быть адекватны по содержанию и дозировке.

Не все дети переносят насилие непременно тяжело.

Так, подвергшаяся насилию 9-летняя девочка не обнаруживала никаких негативных переживаний. Она хорошо понимала, что с ней произошло, не без кокетства и гордости пересказывала все случившееся, намеревалась похвастать этим перед подругами и рассчитывала на их зависть. Полученное ею уличное просвещение, отношение к случившемуся свидетельствовали об уже разбуженной сексуальности.

У девочек преи пубертатного возраста с насилием порой связаны опасения «испорченности», «поврежденности», которые могут сказаться на их будущей жизни. Если что-то и сказывается действительно, то это сами опасения, которые могут длительное время быть более или менее сильным источником психогений. Некоторые полагают, что случившееся навсегда предопределило отношение к ним молодых людей (сходные переживания могут возникать и при случайной, не связанной с насилием, травматической дефлорации). Все это требует внимания взрослых, выражающегося в психотерапевтически, реабилитационно ориентированном поведении с девочкой, но не в поддержке или индуцировании, как это порой бывает, подобных опасений.

Чаше всего случившееся быстро стирается в памяти. Иногда спустя некоторое время у ребенка возникает своеобразное отреагирование происшествия в виде собственной сексуальной активности. У некоторых детей с сильным чувством вины за этим скрывается депрессивное стремление к «искуплению» через провоцируемые собственной сексуальной активностью наказания. У части детей невротические следовые переживания и расстройства могут сохраняться многие месяцы и выражаться в любых проявлениях реагирования невротического регистра, в навязчивом стремлении к выискиванию сексуально-эротического элемента во всем, с чем сталкиваются, и т. д. У некоторых случившееся может играть роль сексуального катализатора, ускоряющего и огрубляющего формирование сексуального поведения. В связи с этим необходимо четкое и убедительное, обоснованное состоянием ребенка, планирование психотерапии, которую уместнее адресовать актуальным личностным и поведенческим трудностям, а не запустившему их событию (в противном случае возникает риск ятрогенизации психотерапии).

Врач не должен идти на поводу у семьи пострадавшего ребенка, когда родные по каким-либо причинам (страх повторных агрессивных действий, широкой огласки, переживаний ребенка и проч.) избегают привлечения насильника к ответственности. Учитывая высокую социальную опасность людей, склонных к педофильному насилию, врач должен всячески помочь семье в ее обращении к органам правосудия, тем более, что большинство детей при правильном обращении и надлежащей подготовке не будут сильно травмированы в ходе судебного производства.

Положение педиатра обязывает его уметь разъяснить ситуации повышенного риска развращения и насилия, способствующие этому условия (в частности, слепое доверие ко всем подряд близким и «хорошим» людям). Родители должны знать и обычные для склонных к педофильной активности субъектов «повадки», выражающиеся во внимании к чужим детям с избыточной склонностью сдружиться с ними, организовывая вокруг себя маленькие группки из нескольких детей и стремясь «приручить» их с тем, чтобы позже рассчитывать на их согласие куда-то пойти, поехать и т. д. Прямое насилие обычно совершают в малолюдных местах или в соответствующее время, когда трудно быть застигнутым.

Родители должны к 5—6 годам, не запугивая, объяснить ребенку, что не все старшие хорошие, что у некоторых может быть на уме и плохое, а значит не следует быть слишком доверчивым к приглашениям и посулам незнакомых людей, а когда чужой человек очень настойчив в этом — надо убежать или позвать на помощь.

ПОДРОСТКОВАЯ БЕРЕМЕННОСТЬ

Проблемы, связанные с подростковой беременностью, аборт, контрацепцией в нашей литературе стали освещаться лишь недавно [Исаев Д. Н., Каган В. Е., 1986а]. Исходя из мнения об исключительности беременности и аборта у подростков, многие и сегодня считают их обсуждение излишним. Между тем, демократизация сексуальной жизни отражается в объективных демографических показателях: с 1938 до 1980 г. вклад матерей в возрасте 1-5—19 лет в общую рождаемость увеличился с 23,6 % до 50,8 % [Рождаемость..., 1983]. Не считаться с реальностью подобного рода нельзя, и вопрос о готовности врача компетентно участвовать в решении этих проблем становится достаточно актуальным.

Продуктивное разрешение этих проблем выходит за пределы возможностей медицины, и ответственность за него не может быть возложена только на врача. Но именно врач в ходе консультирования воспитателей — педагогов и родителей — может предоставить им сведения, которые позволяют выработать более правильные и эффективные подходы к проблеме. В ряде же случаев врач оказывается именно тем лицом, которое может оказать наиболее эффективную помощь.

Сам врач и консультируемые им воспитатели должны быть ориентированы на подростковую беременность не как на свидетельствующее о развращенности и распущенности девочки исключение из общего правила, а как на неумышленное следствие нормальных, но ранних сексуальных отношений. Такая ориентация предполагает трезвую оценку факторов риска. Круг этих факторов достаточно широк, но ни один из них не является абсолютным прогнозом подростковой беременности. Выделяют три основные группы повышенного риска наступления беременности: 1. Девочки, начинающие сексуальную жизнь как часть сексуального экспериментирования с приятелем-ровесником раньше, чем осведомлены о возможных последствиях и могут их избежать. 2. Пассивные и неопытные девочки, не умеющие устоять перед требовательным партнером,

который обычно старше их. 3. Девочки с эмоциональными проблемами, переживающие дефицит тепла и понимания в родительской семье, для которых сексуальная жизнь становится средством достижения эмоционального комфорта [Pere1г-Кеуз М., 1973]. Полагают, что наиболее высок риск у представителей третьей группы. Ряд исследователей считают, что решающим фактором снижения риска нежелательной или неожиданной беременности является знакомство подростков с контрацепцией, другие же высказывают опасения, что такое знакомство приведет лишь к чувству вседозволенности. Но эти крайние мнения не учитывают одного существенного обстоятельства: максимальный риск нежелательной беременности связан с началом половой жизни, когда даже имеющиеся сведения о контрацепции не могут быть применены из-за неподготовленности близости, новизны ситуации и отсутствия опыта поведения в ней, стыдливости. Позже, с обретением опыта, этот риск существенно снижается. Следует ли знакомить подростков с контрацепцией? Опыт многих исследователей диктует положительный ответ на этот вопрос. С этим надо согласиться хотя бы потому, что такое знакомство так или иначе происходит, и лучше, если подростки получат достоверные сведения, чем будут руководствоваться воспринимаемой из случайных источников искаженной или просто ложной информацией. Подростки должны знать, что ни одно из существующих средств не обладает абсолютной надежностью. Следовательно, значительная часть усилий должна быть направлена на воспитание регулирующих мотивов и прежде всего — чувства ответственности, о чем говорилось в главе 6. Важно, чтобы эта работа велась планомерно и последовательно, а не была реакцией на беременность у одной из девочек.

Такая первичная профилактика не всегда эффективна, и время от времени врач сталкивается с подростковой беременностью как с фактом, когда перед ним встают задачи вторичной профилактики. В их решении врач может и должен быть авторитетным консультантом, уметь оказать психотерапевтическую поддержку беременной и семье, но не должен подменять их в решении возникающих проблем. Он должен сформулировать показания к прерыванию беременности, если таковые имеются, или противопоказания к ее прерыванию, но не должен брать на себя принятие решения о ее сохранении или прерывании.

До медицинской констатации беременности юная женщина и ее семья не оставляют надежд, часто — вопреки очевидности, что это ошибка, недоразумение и «все обойдется». Они уже знают, но еще не хотят знать. Обращение к врачу и матери, и дочери дается с большим трудом — они смущены, напряжены, переживают одновременно и отчаяние, и надежду на «чудо», очень чувствительны к действиям и отношению врача. Трудность ситуации углубляется тем, что их ожидания по отношению к врачу различны. Юная женщина нуждается в таком же внимании и уважении, какие оказываются взрослым беременным. Мать испытывает потребность чувствовать себя незаменимым участником происходящего, руководить дочерью. И то, и другое совершенно естественно, поэтому врач не может принять ту или другую сторону, а должен найти тон, приемлемый для обеих, обеспечивая им необходимую поддержку. Каких-либо «рецептов поведения» для врача здесь просто не может быть, и много зависит от его благожелательности, опыта, умения почувствовать ситуацию и найти верный тон, верные слова и аргументы. Подтверждение беременности должно быть эмоционально нейтрально, но не формально, морализирование при этом просто недопустимо, ибо к врачу пришли за помощью, а не за оценками, тем более негативными. Следует всячески избегать индуцирования того или иного отношения к беременности, так как семья находится в апогее кризиса, за которым последует некоторое снижение эмоционального накала и принятие решения. В этот период семья особенно предрасположена к аффективному решению проблемы, к «искуплению позора», наказанию предпола

гаемого отца и т. д. Нередко это диктует принуждение предполагаемого отца к браку, так как в возрасте 16—17 лет 95,6 % беременностей возникают вне его [Тольц М. С. и др., 1984]. Брать на себя решение этого вопроса врач не должен, но, помня о крайней непрочности подобных принудительных браков и не обнаруживая взаимной установки на брак у партнеров, врач вполне может поставить перед юной женщиной и ее родителями те вопросы, от ответов на которые будет зависеть их поведение. В обсуждении целесообразности аборта врач может высказывать мотивированные «за» и «против» в пределах своей профессиональной компетенции, но главная его задача — обеспечение поддержки беременной и ее семье на том пути, который они избирают сами. Так, если принимается решение об аборте или он обусловлен медицинскими противопоказаниями к сохранению беременности, заявление врача о вреде аборта будет абсолютно неуместно, а потребуется, напротив, связанное с мнением о его опасности успокоение, планирование тех мероприятий и того режима жизни, которые помогут минимизировать возможные нежелательные последствия.

За решением сохранить беременность обычно следует период относительного успокоения и обретения равновесия. Они еще неустойчивы, но акцент уже смещается на подготовку к будущему родительству. Хорошо, если врач сумеет помочь эмоциональному сближению матери и дочери. Будущую бабушку при соответствующем ее отношении к происходящему можно привлечь вместе с дочерью к занятиям в группе молодой матери, ибо старшее поколение может воспринимать современные рекомендации как ненужные новации. В это же время должны быть приняты меры по установлению контакта с учебным заведением, где учится будущая мать, с тем, чтобы помочь ей в продолжении образования или приобретении профессии.

Отношения достаточно паритетного партнерства между будущими матерью и бабушкой, когда от врача требуется уже меньше психокоррекционных и психотерапевтических усилий, возникают лишь на последних этапах беременности. После рождения ребенка внимание врача концентрируется на его здоровье, на восстановлении здоровья юной матери и не в последнюю очередь — на выработке и закреплении у нее чувства материнства. Бабушки, которые еще достаточно молоды и ведут интенсивную социальную жизнь, в это время могут испытывать трудности вхождения в новую роль и новый круг обязанностей, часто противоречащий их жизненным планам и перспективам; для многих рождение внука — это бесспорный знак собственного старения, примириться с которым не всегда и не всем легко. В этом плане заслуживает самого пристального внимания опыт организованного Ж. С. Маковеевой в 1982 г. при Ленинградском Дворце культуры работников просвещения «Клуба молодой бабушки» [Правда, 1986, № 88] и разработки московских психологов [Сгшваковская А. С., 1986].

ЭТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ

Врач, занимающийся половым воспитанием, не может быть свободен от решения этических проблем, которые в Детской сексологии встают часто острее, чем в сексологии и сексопатологии взрослых. Трудности в разрешении существенных противоречий в сексологической практике, — отмечает К. Имелинский, — усугубляются личными взглядами и нормативными моделями самого сексолога, а также степенью его конформизма по отношению к давлению «общественного мнения». Пожалуй, ни в одной другой сфере деятельности врача эти вопросы не стоят с такой остротой.

Традиционное медицинское образование, в котором ни сексология, ни — тем более — детская сексология пока не занимают должного места, не может

освободить врача от тех этических и моральных установок в отношении к психосексуальной стороне жизни, которые сложились у него до начала врачебной деятельности. В этом смысле врач — такой же человек, как все. Полученное и воспринятое им в родительской семье пуританское воспитание, неблагоприятный личный опыт отношений между полами или в сексуальной жизни и т. п. могут оказаться существенным препятствием в его деятельности по половому воспитанию. У одних врачей этический конфликт между собственными установками и задачами полового воспитания проявляется в активном неприятии последнего, другие, даже понимая целесообразность полового воспитания и правильность его задач, не могут перешагнуть этический барьер и не способствуют половому воспитанию, хотя и не противодействуют ему. У третьих, наконец, изменение своих этических установок принимает, особенно на первых порах, формы крайнего, не оправдываемого задачами полового воспитания, прогрессизма. И лишь немногим удается достаточно быстро и внутренне безболезненно выйти на уровень сбалансированного сочетания установок и требований.

Внутренние этические конфликты врача могут вызывать у него напряжение, находящее не всегда адекватные выражения в проводимой им работе по половому воспитанию и консультированию воспитателей. Порой они ведут к построению своей деятельности по типу «лишь бы избавиться», порой — к попытке решения всех проблем через подход к психосексуальному развитию с привычных позиций биологической терапии, а порой — к отрицанию своей роли в помощи семье и ребенку с переадресовкой их к педагогам, психологам, врачам другой специальности (педиатр — к эндокринологу, эндокринолог — к гинекологу, гинеколог — к психиатру и т. д.).

Может ли врач преодолеть и разрешить эти внутренние конфликты, если фиксирует их наличие? По крайней мере, он может попытаться это сделать, внимательно и непредвзято ознакомившись с существующей научной литературой по сексологии и детской сексологии. Он не все примет и не со всем согласится, но убедится в том, что мучающие его вопросы ставятся и решаются и другими, что существуют разные мнения и разные подходы, что осуществлять половое воспитание — значит размышлять, переживать, искать, отказываться от сковывающих привычек и предрассудков. Многим это поможет перевести этический конфликт в этический поиск, продуктивный не только в отношении своего участия в половом воспитании, но и своего личностного развития. Если требуемое от врача остается для него все же этически неприемлемым, он вправе не участвовать в половом воспитании, но обязан не мешать ему. Все сказанное, разумеется, не снимает вопрос о методически и административно организованной специальной подготовке врачей к этой работе.

Этические конфликты могут носить и внешний характер. Желание оказать максимальную помощь обратившимся за ней семье и ребенку не всегда обязательно совпадает с существующими в культуре и обществе этическими установками, усугубляющими имеющиеся страдания и трудности. В одних случаях это позиция родителей по отношению к ребенку, в других — позиция не подготовленных к этой работе коллег, в третьих — позиция общественности. В той же мере, в какой врач должен быть готов к возможности подобных конфликтов, он должен стремиться уменьшить ее. Лобовая атака на неверные и предрассудочные мнения и позиции лишь усугубляет конфликт, приводя иногда к тому, что врач просто лишается возможности участвовать в половом воспитании. Уменьшить вероятность этих конфликтов помогает четкое сознание того обстоятельства, что от врача ждут не этических реформ, а помощи в охране здоровья. Его задача не доказательство несостоятельности этических установок людей, а настойчивое, терпеливое, учитывающее разнообразие позиций, разъяснение связи полового воспитания с охраной физического и психического

здоровья детей, обоснование целесообразности тех или иных шагов в половом воспитании. В ряде же случаев от врача может потребоваться немалое личное, профессиональное и гражданское мужество для отстаивания оптимальной позиции. В любом варианте существенную помощь врачу может оказать знакомство с методами психологической коррекции и психотерапии, дающее возможность строить убеждение не только на силе собственной убежденности, но и на апелляции к собеседнику или аудитории, учитывающей, наряду с целью, и эмоциональную атмосферу, традиции культуры, особенности и реальный опыт данной микросоциальной среды.

Наконец, врач, как и всякий человек, испытывает потребность видеть результаты своего труда, чувствовать себя профессионально и этически состоятельным. Многое здесь зависит от точки отсчета. Если врач ориентирован на достижение быстрых непосредственных результатов, тем более — в массовом масштабе, он всегда будет разочарован, а продуктивность его участия в половом воспитании будет снижаться. Если же он понимает, что его возможности имеют свои пределы, а мерой успешности его работы служат помощь конкретному ребенку или конкретной семье, принятие аудиторией хотя бы небольшой части пропагандируемых им положений, стимулируемые им тенденции к изменению позиций и тактики воспитания, — он сумеет шаг за шагом разворачивать свою деятельность так, что она будет приносить все большие реальные результаты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В постоянно развивающемся психосексуальном мире человека возникают нравственные и психологические проблемы, отнюдь не исчезающие от того, что о них умалчивают. Недостаточность и неправильность воспитания в этой сфере, неблагоприятный сексуальный опыт, принятие ложных установок, деформированных или архаичных стереотипов маскулинности и фемининности могут отрицательно сказываться на нравственном, соматическом и психическом здоровье человека.

Если понимать половое воспитание как необходимую часть воспитания нравственного (вне контекста нравственного воспитания оно, как и любая другая специальная часть воспитания, бессмысленно, а потому либо неэффективно либо даже вредно), то не может быть двух мнений о том, нужно ли его проводить. Если отдавать себе отчет в значении ранних этапов развития для формирования личности, то не может быть двух мнений и об оптимальном времени начала полового воспитания, а попытки откладывать его «на потом» будут лишь попытками ухода от проблемы. Как всякое воспитание, вне зависимости от того — ставят ли перед собой такую специальную задачу воспитатели, оно осуществляется всегда и начинается сразу после рождения. Речь идет только о том, кому и как его проводить, чтобы оказать оптимальную помощь в полноценном и гармоничном развитии растущим гражданам страны — будущим женщинам и мужчинам, а не предоставлять это развитие воле случая.

Воспитание подрастающих поколений как полноценных граждан и тружеников не только не заслоняет, но и решительно подчеркивает важность воспитания девочек как женщин и мальчиков как мужчин. От успешности решения этой задачи зависит слишком много, чтобы пренебрегать ею: здоровье людей, их личное и семейное счастье, подход к воспитанию будущих поколений, доверительность отношений и взаимопонимание поколений, гражданская и тру

довая активность людей, воспитание защитников Родины [Спивак Л. И., Мишин Г. И., 1977], демографическая ситуация в стране и т. д.

Половое воспитание должно способствовать оптимизации психосексуальной дифференциации на разных этапах развития и формированию ответственных партнерства, супружества, родительства. Для успешного решения этих задач воспитателям должна быть предоставлена соответствующая информация, соотнесенная с половозрастными закономерностями развития человека, у них должны быть выработаны адекватные воспитательные установки и навыки. Необходимо и организационно-методическое обеспечение полового воспитания, без которого оно не может быть оформлено в охватывающую все этапы и аспекты формирования личности систему. Понимание того, что построение такой системы — дело долгосрочной перспективы, не отменяет того очевидного факта, что теория и практика полового воспитания остро нуждаются в развитии и совершенствовании, и нужда эта не только не уменьшается, но — напротив — возрастает.

Безусловно, сегодня родителям и педагогам может быть трудно преодолеть барьеры, возводимые на путях полового воспитания полученным ими самими воспитанием. Для них не всегда ясна связь многих душевных и жизненных конфликтов взрослого человека с тем, как и под какими влияниями протекало его психосексуальное развитие в детстве: они часто принимают причину за следствие и, наоборот, вынося из этого впечатление о необязательности, а то и о ненужности полового воспитания. На практике такое воспитание приобретает форму «педагогизации предрассудков». Половое воспитание можно отрицать, но невозможно отменить — выгнанное в дверь, оно входит в окно, только уже в опошленном, примитивном и искаженном виде. Проще всего отвергать такие установки. Дело, однако, не в том, чтобы их отвергнуть, и даже не в том только, чтобы убедительно их опровергнуть — дело в том, чтобы всемерно помогать принять верные и целесообразные идеи и принципы полового воспитания, а приняв — оптимально их реализовать.

Беря на себя роль консультанта, а при необходимости — и воспитателя воспитателей, врач в первую очередь должен обратиться к собственным позициям, взглядам, установкам в сфере пола и сексуальности, полового воспитания. Слово и дело врача обладают особой силой воздействия, ибо ассоциируются в восприятии с обеспечением и поддержанием здоровья: ошибки врача ятрогенны. Неспециалистам врач часто кажется единственным исчерпывающе и верно осведомленным в области вопросов пола лицом. Но сам врач не может (по крайней мере — не должен) заблуждаться на этот счет: существующая система вузовской подготовки не дает основания для таких заблуждений. Более того, традиционно биологическая ориентация медицины сужает диапазон осмысления проблем пола и сексуальности, а такая медицинская дисциплина как сексопатология в сферу обязательной подготовки врача не входит и представлена в лучшем случае факультативными курсами в единичных вузах страны. Вклад последипломной подготовки также весьма скромнен. Надеюсь на то, что эта книга поможет в заполнении существующих пробелов, мы все же должны подчеркнуть, что мера полезности ее зависит и от того, готов ли врач к расширению сферы своей деятельности, восприятию не всегда привычных для него мнений и установок, словом — к той интересной, хотя и порой нелегкой, внутренней работе, без которой его участие в создании системы полового воспитания может обрести нежелательную, мертвящую это живое и развивающееся дело, формальность.

Участие врача в половом воспитании не может и не должно быть лишь предписываемой, извне навязываемой врачу обязанностью. Оно тем более эффективно, чем в большей мере является обязанностью внутренней, отражающей не только профессиональное должностное, но и отношение врача

к проблеме психосексуального развития и бытия человека. Может показаться, что такой подход предъявляет избыточные требования к врачу или ставит его деятельность в nepозволительную зависимость от личных качеств. Но именно такой подход определяет глубинную сущность воспитания вообще: «Любовь матери к ребенку поднимает его, делает сильным, уверенным в себе лишь постольку, поскольку в ней выражена материнская любовь ко всем людям. Иначе и любовь матери угнетает ребенка»¹.

Не меньшее значение имеет готовность и способность врача к продуктивному диалогу с представителями других специальностей. К сожалению, не только врач и педагог, врач и психолог, но даже врачи разных специальностей часто говорят «на разных языках», вкладывая в одни и те же термины разный смысл или обозначая одни и те же явления разными терминами, видя за одним и тем же признаком разные причины и разные направления необходимой работы. Эта «разноязычность» затрудняет взаимопонимание и сотрудничество даже единомышленников, не говоря уже о людях, чьи взгляды на половое воспитание могут расходиться. В этой связи мы должны обратить внимание на недопустимость смещения терминов, в которых оценивается сексуальность, и на постепенно складывающуюся тенденцию перехода к терминологии, не связанной с одобрением — неодобрением. Для врача, от которого ждут помощи, а не морализирования, терминологическая корректность особо важна.

Трудности врача в работе по половому воспитанию нередко связаны с избыточными, не учитывающими специфику и неизбежной ограниченности его возможностей, требованиями к нему. Чаще всего они порождаются попытками возложить на медработника задачи единственного воспитателя и неумеренным энтузиазмом малоподготовленных людей. Это могут быть, например, попытки требовать от врача выступить в роли осуществляющего половое воспитание «трудных» подростков или вдохновляемое энтузиастами решение родительского собрания 1—3-х классов о необходимости внедрения полового воспитания на этой ступени и проведения его школьной медицинской сестрой. Перед врачом в таких случаях возникает непростая задача: сохраняя роль пропагандиста полового воспитания и консультанта воспитателей, брать на себя функции ограничения его разумными и реалистическими пределами и мерами, которые не дискредитировали бы саму идею полового воспитания и не приводили бы к нежелательным эффектам.

С учетом того, что контакт среднего и младшего медицинского персонала с детьми гораздо более тесен, чем контакт врача, возникает необходимость подготовки среднего и младшего звена, которая пока практически не проводится. Бужда в такой подготовке тем более велика, что доверительность контакта детей со средним и младшим персоналом (особенно в стационарных и санаторных учреждениях) также больше, чем контакта с врачом.

Даже за, казалось бы, положительным отношением взрослых к половому воспитанию в действительности нередко скрывается понимание его целей как сдерживания полового развития и выработки единообразных и жестких предписаний сексуального поведения в будущем. Однако в этой сфере человеческой практики и переживаний далеко не все воспитуемо, и существует чрезвычайно широкий круг индивидуальных подходов и оценок, индивидуальных стилей сексуального поведения. Цель полового воспитания состоит не в унификации полоролевого и сексуального поведения, а в том, чтобы помочь развивающейся личности находить и реализовать свою маскулинную или фемининную индивидуальность в возвышенном, благородном, гуманном и ответственном, но не в низменном, вульгарном, сладострастно-своевольном и эгоцентричном. Врач должен уметь объединить в целостном нравственном контексте самые разные

¹ Соловейчик С. Просто любовь?— Неделя, 1985, № 15 (1307), с. 10.

стороны и аспекты полового воспитания и просвещения, дезактуализировать в восприятии аудитории изжившие себя архаичные противопоставления плотского и духовного, являющиеся существенным препятствием на пути достижения счастья и здоровья.

Все эти задачи требуют, чтобы врач был носителем и распространителем достоверных и обоснованных сведений не только по медико-биологическим аспектам пола, но и по половозрастной психологии, семейной и лечебной педагогике, медицинской психологии, психогигиене и психопрофилактике, деонтологии, психотерапии, общей и школьной гигиене и т. д. В этом состоит одна из многих, порой нелегких, но важных и вполне посильных задач, решая которые врач выполняет свой прямой профессиональный долг. Исполнение этого долга не терпит формализма, и мерой успеха в нем служат удовлетворение сознанием помощи подрастающему поколению и его здоровье в будущем, осознание своего посильного вклада в решение вопросов, опосредующих и связывающих воедино интересы общества и личности.

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ ¹

Амбивалентность — сосуществование двух противоположных мотивов (мнений, оценок, побуждений, эмоций) у одного человека в связи с одним и тем же явлением.

Андрогиния — наличие у особи одного пола признаков другого пола; в книге речь идет о психологической андрогинии: наличии у личности психологических выраженных признаков одновременно фемининности и маскулинности.

Аутоэротизм — направленность сексуального влечения на самого себя. См. также Нарциссизм.

Гетеросексуальность — направленность сексуального влечения на лиц другого пола.

Гомосексуальность — направленность сексуального влечения на лиц своего пола.

Гомои гетеросоциальность — общение преимущественно с лицами своего или противоположного пола.

Гомои гетерофилия — эмоциональное тяготение к лицам своего или противоположного пола.

Двойной стандарт — различные для мужчин и женщин нормы поведения, исходящие из абсолютизации биологических различий и распространения их на другие сферы жизни и поведения.

Депривация — лишение; например материнская Д.— отсутствие или недостаточность материнского ухода.

Дисморфофобия — навязчивый или сверхценный страх наличия физических дефектов или нарушений физиологических функций.

Идентичность — «самость», чувство собственного постоянства, тождественности самому себе телесно (физическая И.) и душевно (психическая И.).

Идентификация — психологический процесс самоотождествления, формирования идентичности.

Инициация — обряд посвящения во взрослого мужчину или женщину.

Интернализация (интериоризация) — глубокое усвоение, присвоение информации, превращение знаний в убеждения и установки.

Интерсексуальность — в широком смысле — промежуточное сексуальное состояние, в более узком — недифференцированное сексуальное влечение, приводящее к бисексуальному (гомои гетеросексуальному) поведению.

Инцест — кровосмешение, сексуальные отношения между кровными родственниками.

Конвенциональный — соответствующий принятым стереотипам, нормам.

Конформность — психологическое свойство пассивного, некритического следования тем или иным средовым стереотипам, мнениям.

Креативность — сложная многомерная подструктура личности, центральное место в которой занимают оригинальность, дивергентность (отсутствие ригидности в восприятии и решении проблем), чувствительность к проблемам и интегративность (объемность, отдаленность и неожиданность ассоциаций) мышления.

Либи́до — половое влечение.

Маскулинность — комплекс физиологических, соматических, психологических и психических признаков, определяющих принадлежность к мужскому полу.

¹ Часть терминов определяется применительно к контексту книги.

Мастурбация (онанизм, ипсация) — сексуальное удовлетворение, достигаемое путем эротического фантазирования (так называемый психический онанизм), или манипуляции собственными гениталиями, а также путем раздражения других эрогенных зон (руками, различными предметами, водой и т. д.).

Менархе — первая менструация, а также возраст появления первой менструации.

Нарциссизм — состояние, когда предпочтительным сексуальным объектом является собственное тело; в психологии — самовлюбленность, самолюбование.

Негативизм — сопротивление внешним влияниям. Пассивный Н.— невыполнение требований, активный Н.— поведение, противоположное требуемому.

Нейротизм — психологическая нестабильность личности, склонность к психической напряженности, тревожности, стрессовым и невротическим реакциям.

Онихофагия — навязчивое обкусывание ногтей.

Парафилия — то же, что половое извращение (перверсия) или отклонение (девиация).

Педофилия — направленность сексуального влечения на детей.

Перверсии — формы сексуального поведения взрослых, обусловленные нарушением направленности полового влечения и (или) способов его удовлетворения (гомосексуализм, вуайеризм, мазохизм, садизм, нарциссизм, педофилия, эксгибиционизм и др.).

Петтинг — взаимные сексуальные ласки в любой форме, кроме непосредственного соприкосновения гениталий, заменяющие половой акт.

Прокреация — воспроизводство.

Промискуитет — в современной сексологии — беспорядочные половые сношения со многими партнерами.

Пубархе—начало лобкового оволосения.

Пуризм — стремление (чаще показное) к сохранению чистоты и строгости нравов (отсюда — пуритане, пуританский).

Редукционизм — сведение сложного явления или процесса к какой-либо одной его стороне.

Референтная группа — круг лиц, на которых ориентируется индивид в своих ценностных и поведенческих установках.

Садизм — достижение сексуального удовлетворения путем причинения боли и страданий партнеру; в широком смысле — стремление мучить (физически или душевно) других.

Сексизм — дискриминация женщин в сексуальном отношении.

Сенситивность — повышенная душевная чувствительность, ранимость.

Сиблинг, сибс — обозначения "братьев и сестер при отсутствии необходимости уточнять их пол.

Табу — социально-культурный запрет.

Телархе — начало подмышечного оволосения.

Трансвестизм — термин обозначает получение сексуального удовлетворения от переодевания в одежду противоположного пола.

Транссексуальность — расхождение половой и сексуальной идентичности с предписываемым паспортным полом; убежденность человека в том, что его половые признаки не соответствуют его полу; стремлением принадлежать к другому полу.

Трихотилломания — навязчивое действие: выдергивание волос на голове, бровей, ресниц.

Фаллос — символическое изображение эрегированного мужского полового члена.

Фемининность—комплекс физиологических, соматических, психических и психологических признаков, определяющих принадлежность к женскому полу.

Фрустрация — психическое состояние (подавленное настроение в сочетании с напряжением и тревогой), возникающее в связи с трудно преодолимыми или непреодолимыми для данной личности препятствиями на пути достижения намеченной цели или реализации неосознаваемых установок.

Эякулярхе — первая эякуляция.

Экспектации — ожидание от человека определенного поведения, соответствующее привычным ценностным эталонам, социальным стереотипам.

Экстравертированность и интровертированность — характеристики типов личности, различающиеся по преимущественной ориентации на мир внешних событий или внутренних переживаний. Экстравертированные люди обычно открыты, общительны, оптимистичны, а интровертированные — сдержаны, сосредоточены на своем внутреннем мире, предпочитают привычное и не любят изменений. Экстравертированность связывают с холерическим и сангвиническим темпераментами, а интровертированность — с меланхолическим и флегматическим.

Эмпатия — специфическая способность индивида отзываться на переживания другого, понимать его эмоционально, интуитивно (а не рассудочно), сопереживать, сочувствовать.

- Азаров Ю. Этнография детства.— Новый мир, 1984, № 7, с. 263.
- Амонашвили Ш. А. Здравствуйте, дети.— М., 1983.
- Андреева Г. М. Социальная психология.— М., 1980.
- Афанасьева Т. М. Семья: Книга для учащихся старших классов.— М., 1985.
- Бажин Е. Ф., Эткинд А. М. Личностный дифференциал: Методические рекомендации.— Л., 1983.
- Белкин А. И., Лакуста В. И. Биологическая терапия психических заболеваний.— Кишинев, 1983.
- Бессознательное. Природа, функции, методы исследования. Т. 4.— Тбилиси, 1985.
- Бойко В. В. Малодетная семья.— М., 1980.
- Бойко В. В. Рождаемость. Социально-психологические аспекты.— М., 1985.
- Братусь Б. С., Сидоров П. И. Психология и профилактика раннего алкоголизма.— М., 1984.
- Буянов М. И. Рецензия на кн.: Д. Н. Исаев, В. Е. Каган. Половое воспитание и психогигиена пола у детей.— Л., 1979.—Журн. невропатол. и психиатр., 1980, вып. 10, с. 1578.
- Васильюк Ф. Е. Психология переживания.— М., 1984.
- Викторова Л. Л. Система социализации детей и подростков у монголов, пути и причины трансформации ее элементов.— В кн.: Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1983, с. 51.
- Владин В. З., Капустин Д. З. Гармония брака.— Минск, 1981.
- Выготский Л. С. Собрание сочинений. Т. 4.— М., 1984.
- Геодакян В. А. Системный подход и закономерности в биологии.— В кн.: Системные исследования. Методологические проблемы: Ежегодник. М., 1984, с. 329.
- Гозман Л. Я. О двух научных моделях любви.— В кн.: Семья и личность. М., 1981, с. 103.
- Голод С. И. Стабильность семьи: социологические и демографические аспекты.— Л., 1984.
- Гречина О. П., Осорина М. В. Современная фольклорная проза детей.— В кн.: Русский фольклор, фольклор и историческая действительность. Т. XX. Л., 1981, с. 96.
- Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры.— М., 1984.
- Дубровина И. В. О некоторых психологических аспектах подготовки молодежи к семейной жизни.— В кн.: Психолого-педагогические проблемы воспитания детей в семье и подготовки молодежи к семейной жизни: Сб. науч. трудов НИИ общей и пед. психологии. М., 1980, с. 3.
- Здравомыслов В. И., Анисимова З. Е., Либих С. С. Функциональная женская сексопатология.— Алма-Ата, 1985.
- Зюбин Л. М. Доступно о трудном.— Семья и школа, 1980, № 10, с. 49.
- Ильин Е. И. Искусство общения.— М., 1982.
- Исаев Д. Н., Каган В. Е. Половое воспитание и психогигиена пола у детей.— Л., 1979; 1980.
- Исаев Д. Н., Каган В. Е. Рецензия на кн.: А. М. Свядош. Женская сексопатология. Изд. 2-е Кишинев, 1984.— Журн. невропатол. и психиатр., 1985, вып. 3, с. 463.
- Исаев Д. Н., Каган В. Е. Психогигиена пола у детей: Руководство для врачей.— Л., 1986а.
- Исаев Д. Н., Каган В. Е. Половые роли и девиантное поведение.— В кн.: Тезисы докладов VII Междунар. симпозиума детских психиатров социалистических стран.— М., 1986б, с. 31.
- Каган В. Е. Клинико-психологические аспекты коммуникативности.— Вопр. психол., 1983, № 2, с. 96.
- Каган В. Е. Психогенные формы школьной дезадаптации.— Вопр. психол., 1984а, № 4, с. 89.
- Каган В. Е. Половые аспекты индивидуальности.— В кн.: Психологические проблемы индивидуальности. Вып. 2. М., 1984б, с. 109.
- Каган В. Е. Система половых различий.— В кн.: Пол и психика. Л., 1986, с. 24.
- Кирьянова О. Г. Кризис американской семьи.— М., 1984.
- Клековкин А. Семья навзрост.— Проф.-тех. образ., 1985, № 3, с. 46.
- Кобозева Н. В. Становление регулирующих звеньев половой системы в антенатальном онтогенезе.— Акуш. и гин., 1983, № 7, с. 10.
- Ковалев В. В. Семиотика в диагностике психических заболеваний у детей и подростков.— М., 1985.
- Коломиец Н. Д., Коломиец А. Г., Малевич Ю. К. Изучение причинно-следственных отношений между невынашиванием беременности и герпетической инфекцией.— Акуш. и гин., 1984, № 3, с. 62.
- Коломиец А. Г., Малевич Ю. К., Коломиец Н. Д. Современные представления о значении генитальной герпетической инфекции в акушерско-гинекологической практике.— Акуш. и гин., 1985, № 6, с. 9.
- Коломинский Я. Л. Психология детского коллектива.— Минск, 1984.

Список ограничен источниками 80-х гг. Более подробная библиография содержится в кн.: Исаев Д. Н., Каган В. Е., 1979, 1980 и 1986а.

- Кон И. С. О теоретической сексологии (постановка проблемы).— В кн.: Семья и личность. М., 1981а, с. 34.
 (Кон И. С.). *Кон 1. 5. КШйга-5гехоло»1а.*— Висларе»1. 1981б.
- Кон И. С. На стыке наук.— *Вопр. философии*, 1981 в, вып. 10, с. 47.
- Кон И. С. Психология половых различий.— *Вопр. психол.*, 1981 г, № 2, с. 47.
- Кон И. С. Психология старшеклассника.— М., 1982.
- Кон И. С. Этнография детства. Историографический очерк.— В кн.: Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1983а, с. 9.
- Кон И. С. Этнография и проблемы пола.— *Сов. этнография*, 1983б, № 3, с. 30.
 (Кон И. С.) *Кон J.* ЕтГигиет (Не т1егс11521р1таге 5ехиоло{гле.— ВегПп, 1984а.
- Кон И. С. В поисках себя.— М., 1984б.
- Кон И. С. Дружба.— М., 1980.
- Коновалов В. Ф., Отмахова Н. А. Особенности межполушарных взаимодействий при запечатлении информации.— *Вопр. психол.*, 1984, № 4, с. 96.
- Копыт Н. Я., Сидоров П. И. Профилактика алкоголизма.— М., 1986.
- Коркина М. В. Дисморфомания в подростковом и юношеском возрасте.— М., 1984.
- Криминальная мотивация/Под ред. В. Н. Кудрявцева.— М., 1986.
- Кутсар Д., Тийт Э. Некоторые закономерности формирования семья.— В кн.: Проблемы стабильности брака. Тарту. 1980, с. 3.
- Кутсар Д., Тийт Э. Формирование брака по поведенческим признакам.— В кн.: Исследования по качеству брака. Тарту, 1983, с. 5.
- Левин А. Н., Силдвер Л. М., Потапов А. Я., Ляэне В. Я. Некоторые проблемы диагностики и терапии врожденной герпетической инфекции у новорожденных.— *Педиатрия*, 1986, № 7, с. 29.
- Латышев И. А. Семейная жизнь японцев.— М., 1985.
- Леонович В. В. Поведение человека как общий объект исследования социогуманитарных наук и этологии.— В кн.: Пути интеграции биологического и социогуманитарного знания. М., 1984, с. 232.
- Либах С. С. К проблеме гармонизации сексуальных отношений в супружеской жизни: Лекция для врачей-курсантов.— Л., 1982.
- Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в древней Руси.— Л., 1984.
- Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков.— Л., 1983.
- Лотман Ю. М. Асимметрия и диалог.— В кн.: Текст и культура. Труды по знаковым системам. Т. XVI. Тарту, 1983, с. 27.
- Лотман Ю. М. Биография — живое лицо.— *Новый мир*, 1985, № 2, с. 229.
- Лунин И. И. Структура полоролевого репертуара и формирование личности ребенка.— В кн.: Психиатрические-аспекты педиатрии. Л., 1985, с. 91.
- Махов Ф. С. Подросток и свободное время.— Л., 1982.
- Мацковский М. С. Современная американская семья как объект эмпирических исследований.— В кн.: США глазами американских социологов. М., 1982, с. 28.
- Налимов В. В., Дрогалина Ж. А. Вероятностная модель бессознательного.— *Психол. журн.*, 1984, № 6, с. 111.
- Немировский Д. Э. Рецензия на книгу: Д. Н. Исаев, В. Е. Каган. Половое воспитание и психогигиена пола у детей. Л., 1979.— *Педиатрия*, 1980, № 12, с. 61.
- НТР, здоровье, здравоохранение/Под ред. А. Ф. Соренко, О. А. Александрова.*— М., 1984.
- Обозова А. Н. Психологические проблемы службы семьи и брака.— *Вопр. психол.*, 1984, № 3, с. 104.
- Осорина М. В. Современный детский фольклор как предмет междисциплинарных исследований (к проблеме этнографии детства).— *Сов. этнография*, 1983, № 3, с. 34.
- Осорина М. В. О некоторых традиционных формах коммуникативного поведения детей.— В кн.: Этнические стереотипы поведения. Л., 1985, с. 47.
- Пахальян В. Э. Психологические особенности общения со взрослыми в старшем школьном возрасте: Автореф. дис. канд.— М., 1981.
- Переведенцев В. И. Воспроизводство населения и семья.— *Соц. исслед.*, 1982, № 2, с. 80.
- Петровский А. В. Проблема развития личности с позиций социальной психологии.— *Вопр. психол.*, 1984, № 4, с. 15.
- Пискунова Т. В полном согласии.— Семья и школа, 1983, № 12, с. 16.
- Половое воспитание.— В кн.: БМЭ, т. 20. М., 1983, с. 207.
- Прихожан А. М. Изучение "образа Я" у подростков и юношей в аспекте их подготовки к семейной жизни.— В кн.: Психолого-педагогические проблемы воспитания детей в семье и подготовки молодежи к семейной жизни. М., 1980, с. 79.
- Пронников В. А., Ладанов И. Д. Японцы.— М., 1983.
- Путилова Б. Н. Миф — рбряд — песня Новой Гвинеи.— М., 1980.
- Разумихина Г. П. Мир семьи (книга для учащихся старших классов по курсу "Этика и психология семейной жизни").— М., 1986.
- Резников А. Г. Половые гормоны и дифференциация мозга.— Киев, 1982.

- Ретина Т. А.* Особенности общения мальчиков и девочек в детском саду. — *Вопр. психол.*, 1984, № 4, с. 62.
- Рождаемость: известное и неизвестное/Под ред. Э. К. Васильевой.* — М., 1983.
- Розен В. Б.* Основы эндокринологии. — М., 1984.
- Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. — М., 1981.
- Свядоц А. М.* Рецензия на кн.: Исаев Д. Н., Каган В. Е. Половое воспитание и психогигиена пола у детей. Л., 1979. — *Вопр. психол.*, 1980, № 1, с. 172.
- Свядоц А. М.* Неврозы. — М., 1982.
- Свядоц А. М.* Женская сексопатология. — Кишинев, 1984.
- Семья и общество/Под ред. А. Г. Харчева.* — М., 1982.
- Соловейчик С.* „АГУ" и „БУКА", — *Новый мир*, 1985, № 3, с. 179.
- Стиваковская А. С.* Как быть родителями. — М., 1986.
- Столин В. В.* Семья как объект психологической диагностики и неврачебной психотерапии. — В кн.: Семья и формирование личности. — М., 1981, с. 26.
- Сярж Ю., Тавит А.* Влияние родительского дома на формирование идеалов брака у детей. — В кн.: Стабильность и качество брака. Тарту, 1982, с. 13.
- Тавит А., Кадастик Х.* Начало сексуальной жизни. — В кн.: Проблемы стабильности брака. Проблемы семьи. Тарту, 1980, с. 32.
- Тийт Э.* Об идеале супруга и брака у студентов Тартуского и Хельсинкского университетов. — В кн.: Исследования по качеству брака. Тарту, 1982, с. 142.
- Толстых Н. Н.* Возрастные и половые различия в представлениях подростков о своей будущей семейной жизни. — В кн.: Психолого-педагогические проблемы воспитания детей в семье и подготовки молодежи к семейной жизни. М., 1980, с. 68.
- Тольц М. С., Оберг Л. Я., Шишко О. А.* Начальные этапы реализации репродуктивной функции женщины. — *Здравоохранение Российской Федерации*, 1984, № 7, с. 14.
- Файнбург З. И.* Наука как системообразующий элемент культуры: опыт постановки проблемы. — В кн.: Наука и культура. М., 1984, с. 114.
- Федотова Н. Ф.* Социально-психологические проблемы формирования личности в семье. — В кн.: Социально-психологические проблемы нравственного воспитания личности. Л., 1984, с. 40.
- Физиология развития ребенка/Под ред. В. И. Козлова, Д. А. Фарбера.* — М., 1983.
- Хазанова М. А.* Переживание подростками взаимоотношений с родителями. — В кн.: Психологические проблемы повышения качества обучения и воспитания. М., 1984, с. 95.
- Хараи А. У., Дерябина О. М.* Ребенок в семье — воспитуемый или воспитатель? — В кн.: Семья и личность. М., 1981, с. 217.
- Харчев А. Г.* Исследования семьи: на пороге нового этапа. — *Социол. исслед.*, 1986, № 3, с. 23.
- Хрипкова А. Г., Колесов Д. В.* Девочка — подросток — девушка. — М., 1981.
- Хрипкова А. Г., Колесов Д. В.* Мальчик — подросток — юноша. — М., 1982.
- Частная сексопатология/Под ред. Г. С. Васильченко.* Тт. 1 и 2. — М., 1983.
- Чернова О. М.* Организационно-педагогические аспекты деятельности школьной психологической службы района. — В кн.: Психологическая служба в школе. М., 1984, с. 116.
- Шаткин А. А., Мавров И. И.* Урогенитальные хламидиозы. — Киев, 1983.
- Шкловский В.* Диалоги с прошлым. — *Новый мир*, 1984, № 1, с. 234.
- Шмелев А. Г.* Введение в экспериментальную психосемантику. — М., 1983.
- Этика и психология семейной жизни/Под ред. Н. В. Гребенникова.* — М., 1984.
- Юферева Т. И.* Формирования представлений подростков о мужественности — женственности как одно из условий подготовки молодежи к семейной жизни. — В кн.: Психолого-педагогические проблемы воспитания детей в семье и подготовки молодежи к семейной жизни М 1980 с. 92.
- Юферева Т. И.* Особенности формирования психологического пола у подростков, воспитывающихся в семье и в интернате. — В кн.: Возрастные особенности психического развития детей. М., 1982, с. 122.
- Юферева Т. И.* Образы мужчин и женщин в сознании подростков. — *Вопр. психол.*, 1985, № 3, с. 84.
- Якобашвили Р. Д.* Гигиеническое воспитание населения по вопросам сексуального здоровья. — *Сов. здравоохран.*, 1984, № 8, с. 24.
- Basow S.* Cultural variations in sex-typing. — *Sex Roles*, 1984, № 7—8, p. 577.
- Berenbaum Sh., Resnick S.* Somatic androgyny and cognitive abilities. — *Dev. Psychol.*, 1982, № 3, p. 418.
- (Berndt R., Berndt C.). *Berndt P., Berndt K.* Мир первых австралийцев: Пер. с англ. — М., 1981.
- Blanck P., Rosental R., Snoggrass S. E. A.* Sex differences in eavesdropping on nonverbal cues: developmental changes. — *J. Pers. a. Soc. Psychol.*, 1981, № 2, p. 391.
- (Blunk W.). *Блунк В.* Детская эндокринология: Пер. с нем. — М., 1981.
- Bruchon-Schweitzer M.* L'image du corps chez les lycéens: etude structurale et comparative. — *Bull. Psychol.*, 1982, № 225, p. 435.
- Catterall R.* Biological effects of sexual freedom. — *World Health Forum*. 1981, № 4, p. 582.
- (Davidson B.) *Дэвидсон Б.* Африканцы. Введение в историю культуры: Пер. с англ. — М., 1975.
- De la Coste-Utamsing C., Holloway R.* Sexual dimorphism in the humane corpus callosum. — *Science*, 1982, № 216, p. 431.

- Epstein H.* EEG developmental stages.— *Develop. Psychobiol.*, 1980, № 6, p. 629.
- (Fraser D.). *Фрэзер Д.* Золотая ветвь: Пер. с англ.— М., 1980.
- Gaillard F.* Des origines de la latéralisation et des rapports entre latéralité manuelle et cerebrale.— *Bull. Psychol.*, 1979—1980, № 343, p. 61.
- Heilbrun /., Alfred B.* Gender differences in the functional linkage between androgeny, social cognition and competence.— *J. Pers. Soc. Psychol.*, 1981, № 6, p. 1106.
- (Herbart I.). *Герbart И.* Общая педагогика, выведенная из целей воспитания.— В кн.: Хрестоматия по истории зарубежной педагогики: Пер. с нем.— М., 1981, с. 331.
- (Imielinski K.). *Имелинский К.* Сексология и сексопатология: Пер. с польск.— М., 1986.
- Kozakiewicz M.* Sex education and adolescence in Europe.— London, 1981.
- (Kratochvil S.). *Кратохвил С.* Терапия функциональных сексуальных расстройств: Пер. с чешек.— М., 1985.
- Lamb M., Easterbrooks M., Holden G.* Reinforcement and punishment among preschoolers: characteristics, effects and correlates.— *Child. Develop.*, 1980, № 4, p. 1230.
- (Langmeier J., Matejcek Z.). *Лангмейер И., Матейчек З.* Психическая депривация в детском возрасте: Пер. с чешек.— Прага, 1984.
- Maccoby E., Jacklin N.* Sex differences in aggression: a rejoinder and reprise.— *Child. Develop.*, 1980, № 4, p. 964.
- Phillips D., Zigler E.* Children's self-image disparity: effects of age, socioeconomic status, ethnicity and gender.— *J. Pers. Soc. Psychol.*, 1980, № 4, p. 689.
- Plomin K., Foch T.* Sex differences and individual differences.— *Child. Develop.*, 1981, № 1, p. 383.
- (Pondeliskova-Maslova J., Pondelicek L.). *Понделичкова-Машлова Ж., Понделичек И.* Откровенно о половом воспитании: Пер. с чешек.— Кишинев, 1981.
- Ransen D.* The mediation of rewardinduced motivation decrements in early and mild childhood.— *J. Pers. Soc. Psychol.*, 1980, № 6, p. 1088
- Rowe D.* Sources of variability in sex-linked personality attributes: a twin-study.— *Develop. Psychol.*, 1982, № 3, p. 431.
- Scher D.* Sex-role contradictions: self—perceptions and ideal perceptions.— *Sex Roles*, 1984, № 7—8, p. 651.
- Seigmiller B.* Sex-typed behavior in preschoolers: sex, age and social class effects.— *J. Psychol.*, 1980, № 1, p. 575.
- (Simmel G.). *Зиммель Г.* Общение. Пример чистой или неформальной социологии.— *Соц. исслед.*, 1984, № 2, с. 174.
- Slade P., Jenner F.* Attitudes to female roles, aspects of menstruation and complaining of menstrual symptoms.— *Brit. J. Soc., Clin. Psychol.*, 1980, № 2, p. 109.
- Storms M.* A theory of erotic orientatiton development.— *Psychol. Rev.*, 1981, № 4, p. 340.
- Taylor M.* Masculinity, femininity and androgyny: another look at three androgyny scoring systems.— *Psychol. Rep.*, 1983, № 3, p. 1149.
- Tieger T.* On the biological basis of sex differences in aggression.— *Child. Dev.*, 1980, № 4, p. 943.
- (Turner V.). *Тэрнер В.* Символ и ритуал: Пер. с англ.— М., 1983.
- Wormack L.* Sex differences in factorial dimension of verbal, logical, mathematical and visuospatial ability.— *Percept. Mot. Skills*, 1980, № 2, p. 455.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	5
Глава 1. Половая социализация (исторический и культурный аспекты)	12
Донаучные этапы	12
Сексология и половое воспитание	16
Современные модели полового воспитания	20
Половое воспитание в СССР	24
Глава 2. Содержание, принципы и пути полового воспитания	27
Содержание полового воспитания	27
Принципы полового воспитания	29
Пути полового воспитания	31
Глава 3. Половая дифференциация	43
Биосоциальная природа половых различий	44
Системная модель половой дифференциации	46
Половое сознание	59
Половые различия	61
Глава 4. Половое воспитание дошкольников	64
Динамика полоролевого поведения	64
Сексуальное поведение	66
Среда и полоролевого развитие	69
Медико-педагогические рекомендации	71
Глава 5. Половое воспитание младших школьников	77
Социальная ситуация развития	77
Сексуальное поведение	79
Половые различия	80
Средовые влияния	82
Медико-педагогические рекомендации	83
Глава 6. Половое воспитание подростков	88
Темпы полового созревания	89
Пубертатная морфология и образ «я»	90
Половое самосознание	93
Сексуальное поведение	97
Медико-педагогические рекомендации	101
Глава 7. Подготовка к семейной жизни	112
Особенности современной семьи	112
Медико-психологические аспекты брака	114
Семейные установки молодежи	117
Медико-педагогические рекомендации	126
Глава 8. Особые ситуации в процессе полового воспитания	133
Побочные эффекты воспитательных и медицинских мер	133
Развращение и насилие	138
Подростковая беременность	142
Этические конфликты	144
Заключение	146
Краткий словарь терминов	150
Список литературы	153

Монография

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ИСАЕВ
ВИКТОР ЕФИМОВИЧ КАГАН

**ПОЛОВОЕ
ВОСПИТАНИЕ
ДЕТЕЙ**

Зав. редакцией Р. С. ГОРЯИНОВА Редактор А. В.
БРУЕНОК. Редактор издательства Н. А. ГАБУЗОВ
Художник Л. В. АМБРОСОВА Художественный
редактор Н. Д. НАУМОВА Технический редактор И.
М. ЖАРИКОВА Корректор Н. К. АНТОНОВА

ИБ № 4170

Сдано в набор 06.04.87. Подписано в печать 17.12.87. М-44307. Формат бумаги 70X ЮО'Лв. Бумага офсетная. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,0. Усл. кр.-отт. 26,33. Уч.-изд. л. 15,01. Тираж 150 000 экз. Заказ № 534. Цена 1 р.

Ленинград, ордена Трудового Красного Знамени издательство «Медицина», Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, ул. Некрасова, д. 10.

Ленинградская типография № 2 головное предприятие ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, г. Ленинград, Л-52 Измайловский проспект, 29.

ВЫХОДИТ В СВЕТ В 1988 ГОДУ

МИССУЛОВИН Л. Я. **ЛЕЧЕНИЕ ЗАИКАНИЯ.**— Л.: Медицина, 1988,— 10 л., ил.

В книге рассмотрены основные причины возникновения и особенности течения заикания. Особое внимание уделено различным формам логопсихотерапии при устранении заикания и нервно-психических расстройств, на фоне которых оно протекает, а также мерам профилактики рецидивов.

Для оториноларингологов, логопедов и психотерапевтов.

ВЫХОДИТ В СВЕТ В 1989 ГОДУ

КАГАН В. Е. **НЕКОНТАКТНЫЙ РЕБЕНОК.**—Л.: Медицина, 1989,—7 л.

Книга посвящена болезненным нарушениям контакта с окружающим миром у детей. В ней рассказывается о способах и методах развития общения у детей, об основных формах ограничения общения и помощи при этом со стороны родителей и воспитателей. Раскрываются меры психопрофилактики нарушений общения.

Хотя книга предназначена для родителей и воспитателей, она будет интересна и специалистам.

1 руб.

